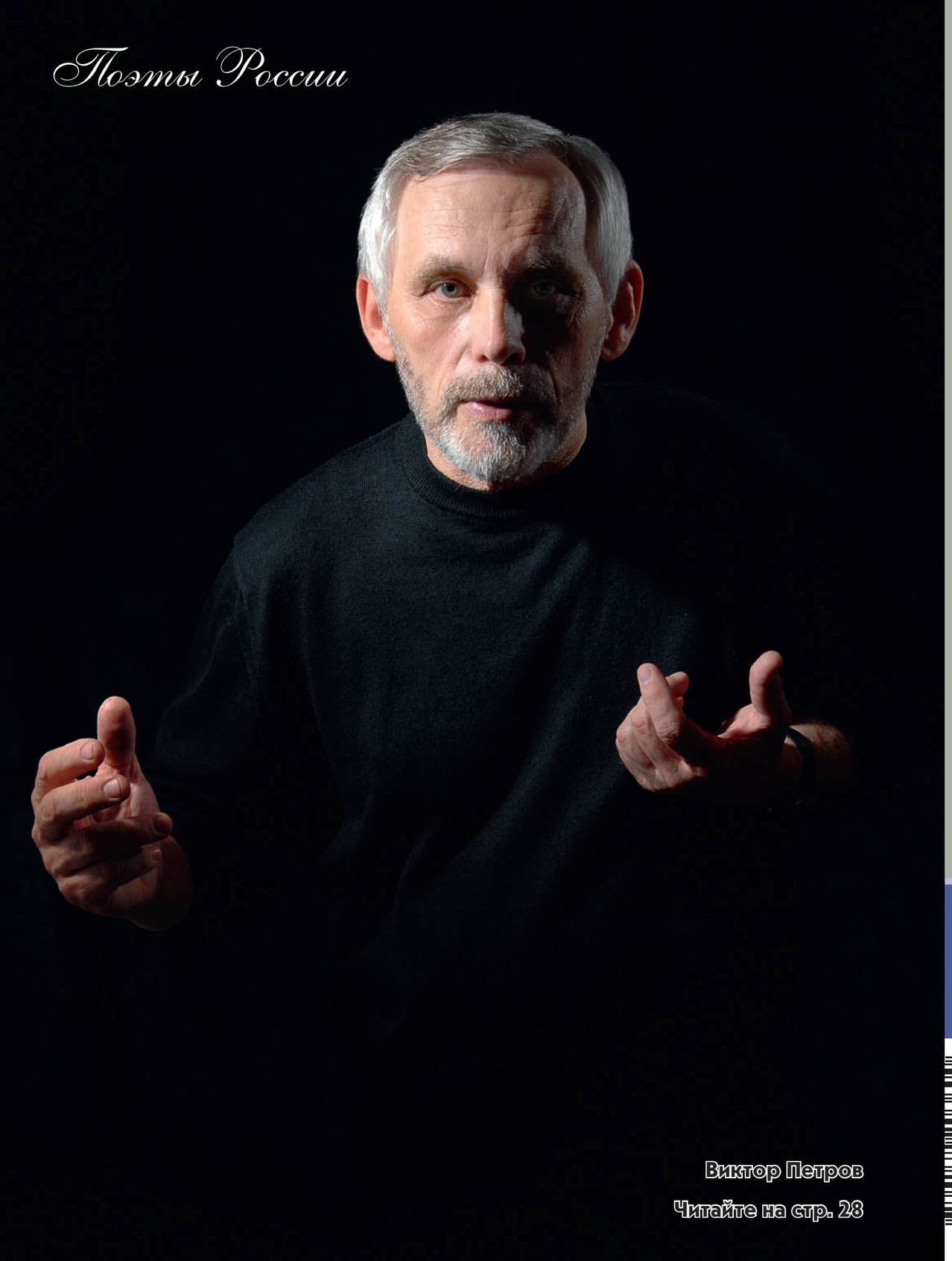
Поэты России



Виктор Петров

Читайте на стр. 28

ЮНОСТЬ · 2016 МАРТ

ЮНОСТЬ

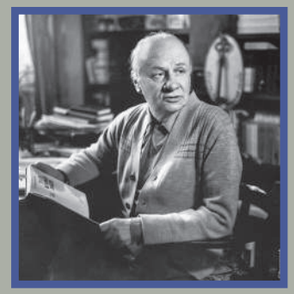
Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с июня 1955 г.

12+

№ 3 (722) 2016

Наше всё

Виктор РОЗОВ



Появившийся на свет в Ярославле в семье счетовода этот писатель в жизни ничего не выгадывал. Жизнь кроила работника костромской текстильной фабрики по-своему, но он шел своими стежками-дорожками. К своей высокой мечте.

Виктор Розов!

Познание характеров своих будущих героев началось через лицедейство. Костромской ТЮЗ дал будущему драматургу путевку в жизнь, а война чуть было не отняла у него неистовое желание стать актером.

Неудавшиеся актеры идут, как правило, в драматурги или режиссеры. Виктор Розов стал писать пьесы о том, как, по сегодняшним понятиям, не надо жить. Его герои непрактичны. Один из главных героев знаменитой пьесы «Летят журавли» — Борис, имея броню, уходит добровольцем на фронт и погибает. А Вероника все равно верит в то, что Борис не умер. Такая простая христианская мысль в стране победившего атеизма.

В свое время этот фильм Михаила Калатозова в стиле нового реализма покорил Канны. А актеры Татьяна Самойлова и Алексей Баталов до сих пор доигрывают эту вечную драму жизни.

А все он — драматург и демиург. Он всегда оставался с «Юностью», был очень артистичен и всегда честен, когда в свои 80 лет сказал, что писать в эти годы безнравственно. А нынешние как-то проскочили. Все пишут и пишут.

А вот «журавлей» среди всей этой мишуры нет, как не ищи, не выгадывай.

Жизнь все равно выкроит по-своему!

Добавим еще, что Виктор Сергеевич Розов был членом редколлегии «Юности» практически со дня создания нашего журнала, а публиковаться начал в конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века. Его первая опубликованная в «Юности» пьеса называлась «Неравный бой», а первый сценарий — «А, Б, В, Г, Д...». В этих произведениях всегда сталкивались тонкие идеалисты, мещане, подонки, всегда окрыляла нежность и выдержка, всегда находился выход из нравственного тупика... Гении всегда находят выход. Для нас с вами!

- Вячеслав ИВАНОВ: «Страшней всего быть названным поэтом»
- Лев АННИНСКИЙ вспоминает
- Откуда взялись в литературе Ульф СТАРК и Тумас ТРАНСТРЁМЕР
- Остросюжетная повесть Сергея КОЗЛОВА о жизни родной глубинки
- Виктор ПЕТРОВ: «Врага сметая сталинским ударом...»
- Прозаический дебют талантливой Екатерины КОЗЛОВОЙ продолжается
- Почему чиновники начинают писать стихи
- Лирическая проза иркутского мыслителя Владимира ЖУРАВЛЁВА
- Эстония далекая и близкая — Хелью РЕБАНЕ
- Николай ЖЕЛЕЗНЯК и суперсыск
- Новеллы кремлевского ветеринара (о кошке М. М. БАХТИНА)
- Чарльз ДАЙ (1925—1960) — американский фантаст, был женат на писательнице Кэтрин МАКЛИН, издавшей от его имени «Синдром Джонни» — одно из первых научно-фантастических произведений о генной инженерии
- В детективе подложили свинью
- В зеленом портфеле непризнанные гении
- Галка ГАЛКИНА: «Плохое воровать не будут»
- Проказник ГЕО: «Дмитрий Львович написал в ЖЗЛ книжку про ПАСТЕРНАКА, а потом ПАСТЕРНАК в знак благодарности написал про БЫКОВА»

9 770132 203600

Вячеслав Иванов

Читайте на стр. 4

ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИЙ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ». 2015 ГОД. НОЯБРЬ

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№3 (722) 2016

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: **unost-contact@mail.ru**
Наш сайт: **http://unost.org**
Страница на «Фейсбуке»:
https://www.facebook.com/unost

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Анна ГЕДЫМИН
Борис ЕВСЕЕВ
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Михаил ЗАДОРНОВ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом образования и молодежной политики
Славяна БАКУНИНА

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики
Елена МАКСИМОВА

заведующая отделом культуры
Татьяна МАХОВА

заместитель главного редактора, заведующий отделами прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ

заведующий отделом зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН

консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ

заместитель главного редактора, ответственный секретарь
Светлана ШИПИЦИНА

В номере:

Поэзия

Вячеслав ИВАНОВ 4

Виктор ПЕТРОВ 28

Проза

Сергей КОЗЛОВ

ПОЛУСТАНОК Повесть. Продолжение 14

Екатерина КОЗЛОВА

ДВА ИМПЕРАТОРА Повесть. Продолжение 35

Владимир ЖУРАВЛЁВ

ДВА РАССКАЗА 46

Николай ЖЕЛЕЗНЯК

ЧЕМОДАНЫ Супersыск-1. Продолжение 55

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

СУРОВЦЕВ. ЛИЦО Продолжение 12

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

ПРИОТКРЫЛИ ТЕМУ... 13

Творческий разговор

АЛЕКСАНДР НОВОПАШИН: «СВОИМИ СТИХАМИ Я ЛОМАЮ СТЕРЕОТИПЫ...»

Материал подготовил Сергей Козлов 42

Лицом к лицу

ХЕЛЬЮ РЕБАНЕ 52

Былое и думы

Анатолий БАРАНОВ

НОВЕЛЛЫ КРЕМЛЕВСКОГО ВЕТЕРИНАРА. ВАЛИДОЛ (О кошке М. М. Бахтина) 71

Иноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

Чарльз ДАЙ

ВОЗРОЖДЕНИЕ Окончание 81

Творческий конкурс

Инна АЛЕКСАНДРОВА г. Москва 84

Валентин БАЮКАНСКИЙ г. Липецк – г. Москва 89

Помощник главного редактора
Анастасия ПОПОВА

Заведующий отделом информации
Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент
Екатерина КОРНЕЕНКОВА

Отдел юмора
Генрих ПАЛОЯН

Представитель в Санкт-Петербурге
Максим КОРШУНОВ

Редактор-корректор
Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление
Наталья ГОРЯЧЕНКОВА
Мария ПЯТЫХ

Фотокорреспондент
Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер
Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа
Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей
Ирина УШАКОВА

Интернет-версия
Максим ПОПОВ

Дежурные по редакции
Людмила ЛОГАЧЕВА
Татьяна СЕМЕНОВА
Татьяна ЧЕРЫГОВА

Координатор литературного объединения
Марина КУЛАКОВА

Администратор
Зинаида ПОТАПОВА

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Евгений РЫК

ШПИОН И ГРАЖДАНИН Роман-расследование. Продолжение **98**

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Ольга ДРЕЙ

НЕПРИЗНАННЫЕ ГЕНИИ (Сценка) **106**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

«КТО ПИСАЛ НЕ ЗНАЮ, А Я ДУРАК ЧИТАЮ» **114**

Окололитературная критика

Проказник ГЕО

РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ! **115**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**
+7 (499) 250-83-98,
+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов. Мнения автора и редакции могут не совпадать. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в «Академиздатцентр «Наука» РАН», ОП ПИК «ВИНИТИ»–«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл., Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 554-21-86

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Вячеслав ИВАНОВ

Вячеслав Иванов — автор поэтических сборников «Нас на Земле двое» (2012) и «Крылья» (2014).

Родился в 1982 году в Смоленске. Окончил Смоленскую гимназию имени Пржевальского, Смоленский филиал Московского энергетического института. По образованию инженер.

Лауреат поэтического фестиваля «Рубикон» (Смоленск, 2011), дипломант финальной части межвузовского литературного форума «Осиянное слово» имени Н. Гумилева (Москва, 2013). Публиковался в журнале «Юность», в газете «Литературная Россия», член Смоленского отделения Союза российских писателей.

Любимые поэты — Сергей Есенин и Александр Блок. В современной литературной среде получил положительные отзывы у Евгения Евтушенко и Дмитрия Быкова.

С 2013 года — постоянный резидент издания «Московская правда». Принимает активное участие в литературной жизни Смоленска, отмечен губернаторской стипендией «Молодые таланты» (2013).

Поэзия начинается с недовольства собой

Недавно в одном из эфиров местного телевизионного канала мне задали вопрос: «Как становятся поэтами?» Стоит признаться, что это был единственный вопрос, который ввел меня в ступор. Причем не столько потому, что сам по себе он звучит несколько по-детски, сколько по той причине, что он требует как минимум нескольких уточнений. Что подразумевается под словом «стать»? Написать ли стоящие произведения, суметь ли донести их до окружающих, быть ли принятым в серьезную поэтическую среду?

В моем понимании быть поэтом можно, даже если ты остался последним человеком на земле. Либо в тебе это есть, либо в тебе этого нет. Читатели, публикации, выступления, премии — все это может быть, и это здорово. Но этого вполне может не быть, и этот факт нисколько не умаляет поэтического мастерства или (и) таланта конкретного человека.

Конечно, внешняя атрибутика важна. Читатель обеспечивает связь поэта с окружающим миром. Читатель возвращает поэту часть затраченной им на написание стихов энергии, обеспечивая ему (поэту) востребованность. Принятие в литературу способствует общению с себе подобными, удовлетворяет потребность автора в реализации и т. д.

Но поэзия «поселяется» в человеке намного раньше всего этого.

А начинается поэзия, на мой взгляд, с недовольства собой. Здесь можно возразить и задать вопрос: «Почему же, собственно, недовольство касается самого себя? Разве мало чем можно быть недовольным? Окружающим миром, государством, конкретными людьми, например?» Смею предположить, что, если копнуть глубже, суть такого недовольства сведется к тому, что поэт недоволен не окружающим миром, государством или конкретными людьми, а тем, что он не способен изменить что-то в окружающем мире, государстве или конкретных людях, то есть возвращаемся к тому, что недовольство все-таки начинается с себя.

Суть поэзии, таким образом, заключается в том, чтобы попытаться найти некую универсальную формулу, обеспечивающую гармонию человека с окружающим его миром. Над этой задачей, на мой взгляд, трудились многие поколения поэтов, и решать ее, эту задачу, предстоит и сегодняшнему, и будущим поколениям.

Вячеслав Иванов

* * *

Ты спрашиваешь, как меня зовут?
Не знаю сам. Родители не дали
Мне имени. Я сквозь земные дали
Неназванным прокладывал маршрут.

Мой первый стих был горьким, как полынь.
Второй был самых спелых ягод слаще.
И только третий вышел настоящим,
Простым, как снег, и скорбным, как Хатынь.

Ты спрашиваешь, как меня зовут?
Из всех имен явлений и предметов
Страшней всего быть названным поэтом
И с этим ярлыком идти на Суд...

* * *

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Официант сострил в кафе «Кибитка»,
Когда я отдавал последний грош
За граммы драгоценного напитка.

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Смотрела на меня с укором мама,
Когда в Филях раскосый доктор Ош
Мою расшифровал кардиограмму.

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Твердила мне замужняя соседка, —
Ведь ты в постели, Витенька, хорош!
А бабы у тебя бывают редко!

Вот как-то ты неправильно живешь, —
Гудит по всем каналам телевизор,
Знатнейших ставя мне в пример вельмож
Из думского гнилого шоубиза.

Молчу. Терплю и маму, и Москву,
Но до чего ж порою мне обидно!
Я знаю, что неправильно живу!
Но я живу! И сдохнуть мне не стыдно!

* * *

Чуть отдалившись от вокзала,
Я не узнал в окошке местность,
Но проводница мне сказала,
Что поезд мчится в неизвестность.

И ни полей, и ни избенок:
Все будто в утреннем тумане.
И я, как брошенный ребенок,
Хочу обратно в детство, к маме.

Мне было пять, когда под вечер
Пришел домой отец не в духе
И рассказал, что мать «далече...»,
Что, мол, «глаза ее потухли»,

Что «стало ей приютом небо
Заместо нашего барака».
И, протянув краюху хлеба,
Обнял меня и долго плакал...

А поезд мчится все быстрее,
Звенит стакан о подстаканник.
Но разве чай меня согреет...
И я, закрыв лицо руками,

Входя с вагоном вместе в штопор,
Вдруг вижу белую палату,
И слышу тихий мамин шепот,
Как будто в чем-то виноватый.

И поезд — свод больницы ветхой,
Где проводница — врач-безбожник.
И ускользающее эхо:
«Сынок, увидимся, но позже...»

* * *

Нежностью первого снега
Я покорен.
Ни одного человека
Под фонарем.

Только потоки снежинок
В светлом пятне.
Сколько исправить ошибок
Хочется мне.

Если бы ты понимала,
Если... Хотя
Утром какой-нибудь малый,
Здесь проходя,

Грязной кирзою натопчет...
Варвар! Ты знал,
Сколько мне стоила ночи
Той белизна?

* * *

Зачем ты плакала, скажи?
Зачем ты плакала?
Мы проживаем эту жизнь
Неодинаково.

Я мельтешу, как солнца блик,
Как вспышка медная.
И, видишь, я к тому привык,
Что ночью нет меня.

Когда же мне уйти пора,
Стряхнув оковы, ты
Воспламеняешься, как бра,
В глубинах комнаты.

К чему же слезы? Я вернусь,
Хотя и незачем.
Душа моя — карман. А грусть
В нем вместо мелочи.

Я, как пиджак, латаю жизнь
Свою заплатками.
А ты, счастливая, скажи,
Зачем заплакала?

* * *

«Я тебя никогда никому не отдам», —
Нет, пожалуй, глупее истины.
Мне пора на перрон. Только мой чемодан
Не вещами набит, а листьями.

Я собрал их, когда был впервые твой взгляд
По-осеннему пуст и холоден,
И хранил под тахтой, а когда листопад
Обнажил все деревья в городе,

Я сложил свой багаж в небольшой чемодан,
Взял такси до вокзала в Жодино.
«Я тебя никогда никому не отдам», —
Написал на листке. И сжег его.

* * *

Когда Серега умер от запоя,
За ним прислали ржавую «газель».
Тем утром на дорогах Уренгоя
Заснеженный свирепствовал апрель.

Машина, у подъезда сев на брюхо,
Не в силах скорбный свой продолжить путь,
Беспомощно завыла, как старуха,
Пришедшая соседа помянуть.

И кто-то говорил: «Серега шутит!
С ним вечно приключается курьез!»
И было что-то страшное до жути
В бессмысленном вращении колес.

* * *

Мой друг пускал по венам счастье
И видел в небе корабли.
Но было счастье слишком частым —
Его однажды не спасли.

Другой мой друг любил не в меру,
Под люстрой стал на табурет.
Потом прочли, — он любит Веру,
Без Веры в жизни смысла нет.

Мой третий друг зачах от скуки,
Когда минуло тридцать лет.
Он написал: «Все люди — суки»,
Достав обычный пистолет.

Четвертый возомнил поэтом
Себя с какого-то рожна.
И от непризнанности летом
Случайно выпал из окна.

А пятый друг мой «без привета».
Он проходимец и хамло!
Но, может быть, как раз вот это
Его от смерти и спасло.

* * *

Люди спросят у порога:
— Что за пазухой твоей?
— Прячу внутреннего Бога
От соборов и церквей.

Он не любит позолоту
На крестах и образах.
И в душе моей свободу
Поселяет, а не страх.

— Где ж ты взял его?
— Не важно,
Если вера глубока.
Я нашел его однажды
На снегу у кабака.

Был февраль, и он дрожал весь,
В ледяную глядя тьму.
И казалось мне, что жалость
Проявляю я к нему,

Но когда его я поднял,
Озарилось все вокруг!
За мгновение я понял:
Он мне самый близкий друг!

— Веришь в Бога?
— Верю слепо!
И с того не важно дня:
Я несу его по свету,
Или он ведет меня.

* * *

Улетай, душа моя, улетай
За поля, за речку, за монастырь.
Я тебе сегодня не поводырь.
Без меня отыщешь дорогу в рай.

Улетай, душа моя, воробьем,
Что склевал пшено и навеки сыт.
Мне до Бога долго идти босым.
Вся земная сила — в крыле твоем!

Улетай душа. Пусть горят костры
Под тобою блеклых фальшивых лун.
Я забился, видишь, как мышь, в углу,
А углы, как бритва, теперь остры.

Улетай, душа моя, в добрый путь!
Да оставь собакам бездомным плоть.
Из тебя к рассвету седой Господь
Непременно слепит кого-нибудь...

Остановка

«Родильный дом» был первой остановкой,
Вторая — «Школа», третья — «Институт».
И вот тебя, голубчик, вместо Вовки
Попутчики Владимиром зовут.

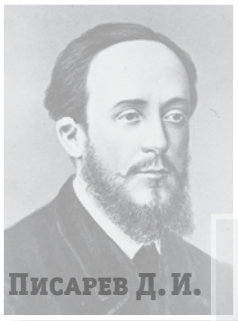
Четвертой — будет «Загс», а, может статься,
Какой-нибудь загадочный «НИИ»,
Где ты напишешь пару диссертаций
Про сходство человека и свиньи.

А пятой остановкой будет «Винный».
Там с кем-нибудь поделишься душой,
И на шестой окажешься «У Нины», —
Голубоглазой, милой, но чужой.

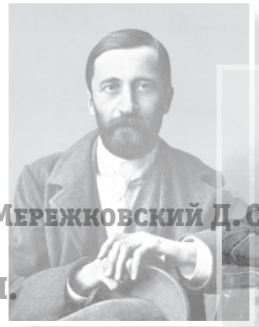
Седьмая остановка будет самой,
Пожалуй, затяжной. Таков маршрут!
Там Вас, «почтенный наш Владимир Саныч»,
На пенсию бессовестно попрут.

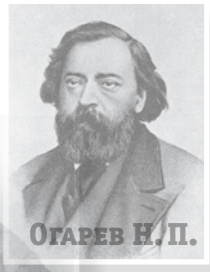
Кушетка в коридоре, санаторий,
Прибавки, льготы... Но, как ни крути,
Восьмая остановка «Крематорий» —
Конечная на жизненном пути.

Страницы Льва Аннинского


Писарев Д. И.

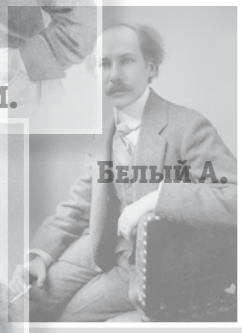
Говоруха-Отрок Ю. Н.


Мережковский Д. С.

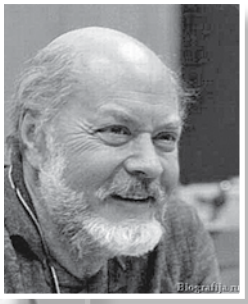

Огарев Н. П.

Соловьев В. С.

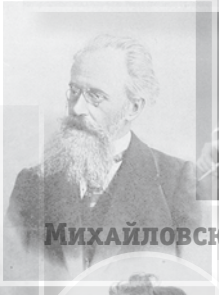
Панаев И. И.


Белый А.

Аннинский Л. А.



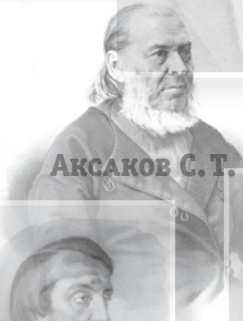
Страхов Н. Н.


Михайловский Н. П.

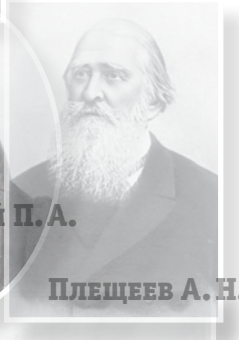
Станкевич Н. В.

Анненков П. В.

Шелгунов Н. В.

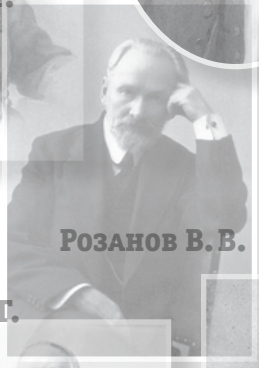

Аксаков С. Т.

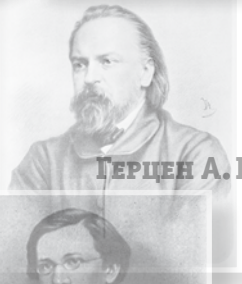
Вяземский П. А.

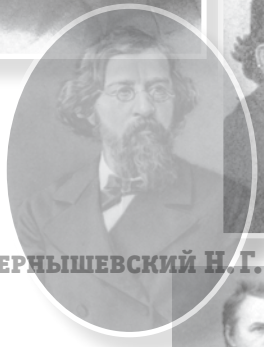

Плещеев А. Н.

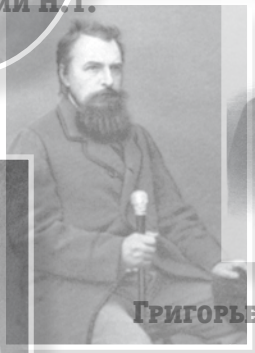
Антонович М. А.

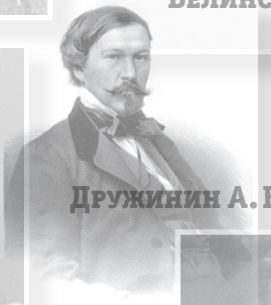
Белинский В. Г.


Розанов В. В.


Герцен А. И.


Чернышевский Н. Г.

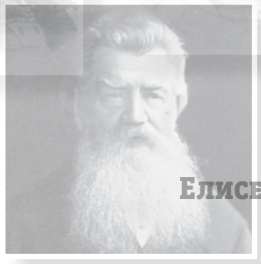

Григорьев А. А.

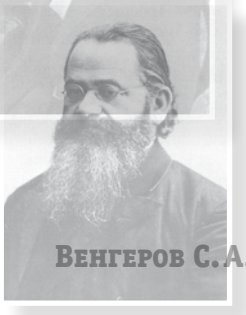

Дружинин А. В.

Шевырев С. П.

Добролюбов Н. А.

Батюшков Ф. Д.


Елисеев Г. З.


Венгеров С. А.

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год, в № 1–12 за 2014 год, в № 1–12 за 2015 год, в № 1, 2 за 2016 год

Суровцев. Лицо

Ожидался. Сижу на научной студенческой конференции. С кафедры доносится голос Виноградова, колдующего над марксистскими эстетическими формулировками… Но где в этой огромной комаудитории — Суровцев?

Какой-то румяный парень лезет через мои ноги, чтобы сесть поближе к лестнице.

— Простите, когда должен выступать Суровцев? — шепчу я.

— А что?

— Да я хочу его послушать и боюсь пропустить: я его не знаю в лицо… А вы знаете?

И тут собеседник, только что едва не отдавивший мне ноги, широко улыбнувшись, показывает пальцем — на себя.

Лицо его при этом расцветает румянцем.

Продолжение следует.

Приоткрыли тему...

Хотелось понять, как увенчает Шуберт крутую манифестацию современной молодежной мощи, — публика ожидала именно демонстрации мощи: зрительный зал наполовину заполнили родители с подросшими детьми, наполовину — школьники и студенты.

Молодежный экстаз не ложится в рамки. Ни в педагогические, ни в этнические. Он всеобщ. Когда девочку Симону принимают за мальчика Симона и она сетует, что ее не назвали нормальным *шведским* именем, то это единственная ссылка на то, откуда взялись в мировой литературе Ульф Старк и Тумас Транстрёмер, по мотивам которых поставила Юлия Беляева в театре «Сфера» спектакль «Чудаки и зануды».

Молодежный экстаз сметает привычные правила. Потасовки переходят в любовные объятья, дружба тонет в ликующем соперничестве. Элегантная учительница, попавшая в этот свистопляс, едва не теряет сознание и покидает сцену, чтобы прийти в себя. Яростные споры заглушаются грохотом скейтбордов, а там, где можно расслышать доводы, их пресекает рефрен «Закрой тему».

Одну тему я все-таки дораскрою. Чудаки и зануды в спектакле — блаженные и недотепы. Или жаждут мостиков над бездной, или идут к своей свободе.

В русской истории мне помнятся другие пары. Потрясователи и охранители. Бунтари и ретрограды. Наконец, революционеры и контры.

В финале «Фантазия» Шуберта, исполненная Ниной Сарапян, возвращает энергии спектакля человеческий ракурс, как бы пропуская массу через игольное ушко.

А если воля Истории подымает великую страну в смертный бой? И не через игольное ушко пропускает массу, а через орудийный прицел? Кто нам поможет? Шуберт? Глинка? Александров? Лебедев-Кумач?

Бог не приведи...

Сергей КОЗЛОВ

Продолжение. Начало в № 11, 12 за 2015 год,
в № 1, 2 за 2016 год

Полустанок

Повесть

Рисунки Марины Медведевой

Располагая книжно-киношным воображением, я уверенно полагал, что аукционы проводятся в соответствующих залах — старинных, с лепниной и резной мебелью. И — мужик с колотушкой: продано!

Зал же, в который привел меня Сергей, был просторным, светлым и современным. Более того, стены его украшали старинное оружие, рыцарские доспехи, даже стояли цельнособранные «рыцари», как стражи.

— Я здесь обычно оружие покупаю, — сообщил Сергей. — А вот нынче они еще несколько русских лотов выставили. И твою плачущую Мадонну...

— Она не моя, она с полустанка, — заметил я. — И в смысле покупки еще не моя...

— Будет, — спокойно заверил тезка, подталкивая меня к залу, где уже собиралась весьма разношерстная публика.

Опять же: я представлял себе классических леди и джентльменов. Но тут не было никаких условностей. В классическом стиле было одето весьма немного людей. Причем, как я понял во время торгов, многие пришли сюда не покупать, а посмотреть, в том числе узнать, кто и что купит. Пока продавали монеты и оружие, я откровенно скучал. Сергей между делом приобрел пару средневековых клинков, на которые я, возможно, обидев его, даже не обратил внимания. Только спросил:

— А как это вывозить?

— По специальным чекам аукциона. Да не волнуйся ты, помни про Кису Воробьянинова, — напомнил он.

— Интересно, почему ворованные предметы продаются тут как с добрым утром?

— Сереж, — вскинул брови Дубинский, — а как продавали вывезенное большевиками в счет погашения долгов перед спонсорами? И до сих пор продают!

— М-да...

Когда дело дошло до лота икон, я, хоть и помнил шутку про Кису Воробьянинова, напрягся. Тезка толкнул меня локтем: расслабься. Но и он напрягся, когда вынесли «плачущую Мадонну», ибо по всему залу полетело легкое цветочное благоухание. Очищающее и просветляющее. Это заметили все. Некоторые даже стали искать источник этого аромата, буквально принюхиваясь. Удивительно, но даже в голове, где еще не выветрилось шабли, стало светлее. А на иконе были видны потеки миро... Влажными и ровными следами они ниспадали прямо из глаз Богородицы.

Как можно торговать образом Владычицы нашей с аукциона?! Кто больше заплатит за плачущую Мать Спасителя? На глаза мои выступили слезы... А глазами Богородицы плакали все матери земли. И Она плакала обо всех нас.

Кроме Христа только к Ней обращаются со словами «спаси нас… грешных»…

— Се Мати твоя! — сказал Спаситель с Креста через страшные мучения Иоанну Богослову.

И нам всем сказал…

Сколько стоит этот удивительный, ни с чем несравнимый аромат?

— Десять тысяч евро! — прозвучала очередная цена на повышение, и я вздрогнул. Для меня это были немыслимые деньги. Таких я никогда не держал в руках.

— Ten thousand five hundred… — спокойно и хладнокровно отбил атаку Сергей, сжав мое колено: не дергайся.

— Помоги, пресвятая Владычице… — прошептал я и вспомнил вдруг слова из народного стиха, которые когда-то мы изучали на этнографии.

Чудная Царице Богородице!
Услыши молитву раб своих,
Приими наши слезы горячие,
Не лиши нас Царства Небесного.
Избави нас от муки вечныя.

— Ten thousand seven hundred… — Лысый, красный лицом бюргер хотел пополнить плачущей Богородицей свою коллекцию.

Он оставался последним, кроме нас, из тех, кто претендовал на этот лот. В нашу сторону он даже не поглядывал. Только протирал платком потеющую лысину. Может, и несправедливо, но почему-то я очень ярко представил его себе в форме офицера Третьего рейха. Максимум, на что он тянул, — интендантская рота. Такие тысячами хоронили своих соотечественников в Сталинградском котле.

— Щас мы по-русски, — криво и зло, как перед атакой, ухмыльнулся Сергей. И врезал наотмашь: — Fifteen thousand… — а шепотом добавил: — Почему-то торговаться стыдно.

Наконец бюргер удостоил нас взглядом.

— Не «Сотбис» же… Не «Кристис»… Вообще можно было все в Интернете сделать… — бурчал Сергей.

— Fifteen thousand fifty euros, — насмешливо сделал следующий шаг наш оппонент.

— За… — Серега хотел определенно и непереводимо высказаться в отношении упорного немца, но, столкнувшись с печальным взглядом Богородицы, осекся. — Sixteen thousand fifty euros, — парировал он. — Полтинник на чай…

— Sixteen thousand hundred euros… — ответил бюргер, не теряя лица.

— Ну а теперь контрнаступление под Москвой без оперативной паузы, — шепнул мне Сергей.

В этот момент на лице его не было и тени азарта. На нем вообще ничего не было. Такому надо было поучиться. Чтобы взглянуть на себя, я не располагал зеркалом. Думаю, что я-то как раз его компрометировал.

— Twenty thousand euros and fifty more… — Я мысленно перевел озвученную Сергеем сумму на товары и понял, что напротив нее может стоять приличное европейское авто.

Но напротив стояла на специальном мольберте Богородица, из глаз которой текли благоуханные слезы. Зал притих. Бюргер тоже.

— Наконец-то он понял, что я не отступлю, — спокойно сообщил мне тезка.

Бюргер теперь глянул на нас с явной неприязнью. Времени на ответ у него почти не оставалось. Он промолчал. Я лишь шепнул:

— Серега, я потом все верну… Дом этот продам…

— А можно мне тоже делать добрые дела? — обиженно спросил тезка и даже заметно подтолкнул меня плечом. — Из того, что дает мне Бог, могу я вернуть что-то ему?

Устыженный, я молчал.

Икону нам отдали в специальном ящике со стеклянной лицевой стороной. Все-таки прежний хозяин относился к ней бережно. В ящике прямо под иконой была полочка, на которой лежала вата. Я сразу понял, что это для стекающего миро.

Я до этого слышал только об одной иконе, которая мироточила в течение пятнадцати лет. Иверская Монреальская икона Божией Матери. Ее хранитель Иосиф Муньес-Кортес был убит в конце октября 1997 года в Афинах. Икона бесследно исчезла. Может, лежит теперь в частной коллекции в таком же кофре… И плачет. Но вот что интересно: ровно через десять лет после этих печальных событий простая бумажная копия Иверской Монреальской иконы начала мироточить в русском православном приходе Мироточивой Иверской Монреальской Иконы Божией Матери в Гонолулу. Где-то на далеких Гавайях.

Вообще о плачущих иконах (и чаще всего именно Богородицы) есть много свидетельств в русских письменных источниках и, конечно, в византийских. А с некоторых икон капала кровь… На Афоне есть известная икона «Закланная». По легенде, один дьякон, послушанием которого была уборка в храме, часто опаздывал из-за этого на трапезу, а однажды вообще остался без обеда. Обозленный, он вернулся в храм и с криком «Сколько еще служить Тебе?!», мол, и куска хлеба за это не имею, воткнул нож в лик

Пресвятой Богородицы. Из раны потекла кровь. Диакон этот мгновенно лишился рассудка и три года был не в себе. А когда разум к нему по великой милости Божией вернулся, он провел остаток жизни в молитве и покаянии. Таких случаев христианская история хранит много. Текла кровь Богородицы от стрел монгольского войска в русских храмах, от стрел арабов и турок в греческих. Удивительно, как в день отречения последнего императора, в день обретения иконы Божией Матери Державная в 1998 году, — замироточила бумажная копия иконы Царя-Страстотерпца Николая, принадлежавшая православному врачу-хирургу Олегу Бельченко. А ведь царская семья тогда еще не была канонизирована... Много споров было на эту тему, много обвинений в адрес императора и много лжи... Но Собор Русской православной церкви ответил всем. И во внимание более принимались именно последние месяцы жизни венценосной семьи. Вот этот ответ: «За многими страданиями, перенесенными Царской Семьей за последние 17 месяцев жизни, которая закончилась расстрелом в подвале Екатеринбургского Ипатьевского дома в ночь на 17 июля 1918 года, мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской Семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке. Именно в осмыслении этого подвига Царской Семьи Комиссия в полном единомыслии и с одобрения Священного Синода находит возможным прославить в Соборе новомучеников и исповедников Российских в лике страстотерпцев Императора Николая II, Императрицу Александру, Царевича Алексия, Великих Княжон Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию».

А иконы плакали и мироточили по всей России.

Примечательно, что более всего таких чудес случилось в первой трети XX века во время гонений большевиков на Церковь и в наши печальные смутные 90-е...

— Мне надо в аэропорт, — сказал я Сергею.

— Я думал, съездим на выставку ретромобилей, потом посидим где-нибудь... — начал было Дубинский, но осекся.

Видимо, на лице у меня было что-то такое, с чем уже не поспоришь.

— Ладно, — сказал он, — я отвезу тебя в аэропорт. Полетел бы с тобой, но есть еще дела. Найду тебя в России.

— Теперь проще, — помахал я ему мобильником.

— Расскажешь, как все с этим завершится? — попросил он.

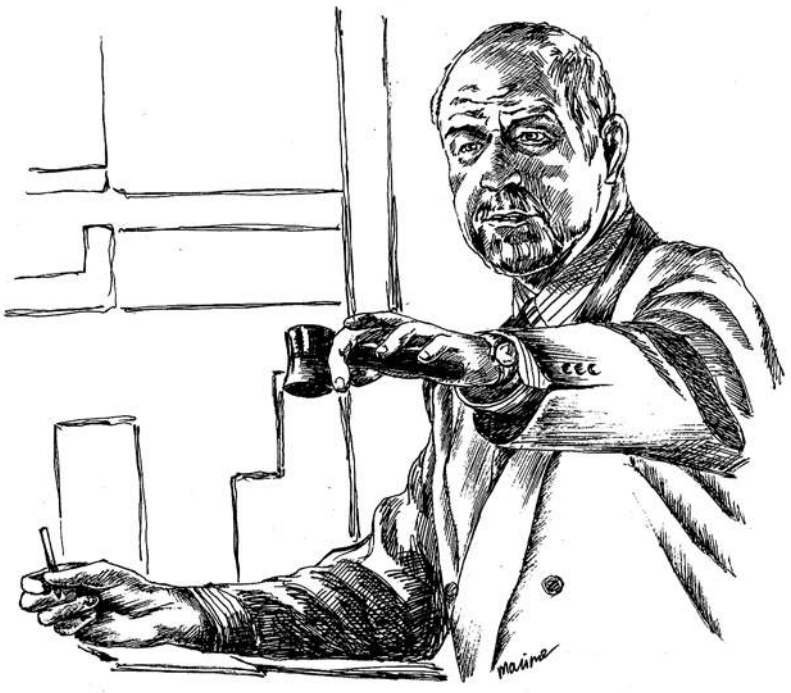
— Обязательно.

— Осторожнее. Не светись нигде. Сегодня, как ты заметил, не гнушаются торговать святынями. И даже убивают из-за этого.

— Рынок, — вздохнул я, — есть спрос, найдется тот, кто сделает предложение.

— Эт точно... Но в мюнхенскую пивную мы с тобой обязательно сходим.

— Сходим.



Я позвонил Гюнтеру, чтобы сообщить ему о своем срочном отлете, избегая при этом подробностей. Он был немного растерян, но я сообщил, что целиком доверяю его честности и профессионализму.

— Вы, русские, так поверхностно относитесь ко многим серьезным вещам, — заметил адвокат.

— Не поверхностно, легко, — поправил я.

— Легко, — повторил он за мной, словно хотел ощутить на вкус и вес это слово. — Позвоните мне.

— Легко, — ответил я перенятым у молодежи способом.

— Сколько значений у этого слова? — озадачился Гюнтер.

— Не считал. Но труднее всего перевести иностранцам поговорку: косил косой косой косой.

— Не понял...

— Я о том же, потом объясню. Всего хорошего.

* * *

Когда я входил на борт самолета, стюардесса с удивлением посмотрела на мой ящик.

— У вас там духи? Парфюм?

— Разве духи так чудесно пахнут?

— Нет, — твердо сказала она.

— У меня там икона.

— И... такой аромат...

— Благоухание. Она мироточит.

— Мироточит? Что это?

В нескольких словах рассказал бортпроводнице об этом чудесном явлении. Потом попросил разрешить везти ящик весь полет на коленях.

— Вообще-то это запрещено. Надо все сложить на полки для ручной клади... Н-но... Раз она такая ценная... Лишь бы пассажир рядом с вами не был против.

Стюардесса была добрым человеком. Думаю, что и благоухание миро тоже повлияло на нее.

— А можно на икону взглянуть?

— Да, конечно, — ответил я и торопливо открыл, как книгу, створку ящика.

— Богородица... Она плачет? Это к беде?

— Никто не знает. Но это предупреждение.

И тут девушка, на груди которой была табличка с христианским именем Ольга, медленно, словно немного стесняясь, перекрестилась. Удивительно, но шедшие за мной пассажиры не торопили и не подгоняли меня. Благоухание поразило всех, даже тех, кто в любом другом случае стал бы ругаться, а то и сквернословить. Лишь какая-то старушка с поклоном попросила у меня немного ваты, намокшей от миро.

— Пожалуйста, — отделил я часть.

— Спаси Господи. Береги ее. Вижу, ты ее домой везешь.

— Домой.

— Россия — дом Пресвятой Богородицы, — сказала старушка и, приложив к груди ватку, пошла на свое место.

Сосед не стал возмущаться, что я держу на руках деревянный ящик. Он лишь, как и стюардесса, попросил показать образ. Я не отказал.

— Знаете, — сказал он, — я шел за вами. Три дня простуда. Нос не дышит. Но когда вы открыли этот кофр, я понял, что не только чувствую запах, но и свободно дышу. Она чудотворная, — уверенно сказал он.

— Да, — ответил я, — еще с прошлого века. Совсем недавно, в конце семидесятых, наверное, с ней связано чудо исцеления. Я везу икону в храм, из которого она была похищена. А чудотворность, вы, наверное, знаете, зависит от веры.

— Да, конечно, но неужели и иконы воруют? Хотя... о чем я? Времена-то нынче какие. Помоги вам Бог.

— Спаси Господи.

Никогда до и никогда после я не летал с таким внутренним спокойствием и удовольствием. Боинг ни разу не качнуло, словно его поддерживали со всех сторон ангелы. Думаю, что так и было. Верю. И удивительное спокойствие, правильнее сказать, покой охватили мои разум и душу. И следом за мной, за лайнером тянулось оставшееся за плечами десятилетие.

Нет, это были не воспоминания о человеконенавистнических реформах, о клановых войнах, о горящем Кавказе, о взрывах и стрельбе на улицах, о том, что каждый год нас становилось на миллион меньше... Нет, я вспоминал, как менялись люди.

Странно. Или, наоборот, все понятно и прозрачно...

Одни становились чуткими к чужой боли и страданиям, жертвенными и милосердными, другие, напротив, — черствыми, жадными, крайне эгоистичными, но самыми страшными были те, кто ставил мир с ног на голову, кто бесстыдно предавал и продавал нашу землю и топтался на святынях ее. И между первыми, хранившими в себе искру Божию, и вторыми все более разверзалась пропасть, подобно той, что описана в притче о богаче и Лазаре в Евангелии от Луки. И были те, что оказались меж двух разбойников...

Мир падал. И от этого падения порой захватывало дух, не от скорости и страха разбиться, а оттого, что бездна под ним была именно бездонной. И с упорным бесстыдством идеологи падения, напротив, твердили со всех экранов и страниц, что мир поднимается на новую ступеньку гуманизма и прогресса. Гуманизм этот, впрочем, периодически подкреплялся ковровыми или точечными бомбардировками тех стран, которые не разделяли безумного восторга падения или имели свое понимание того же гуманизма. Или хотя бы падать предпочитали по-своему. Гуманизм заключался в том, что все продавалось и покупалось, что мужчинам разрешалось спать и вступать в брак с мужчинами, а женщинам с женщинам, а «семьям» таким разрешалось усыновлять сирот, чтобы уродовать их душу и сознание, гуманизм заключался в том, что весь мир оказывался в долгу у ростовщиков, и они, по прихоти своей, объявляли экономические кризисы и дефолты, а также посылали на провинившихся эскадрильи авианосцев. Гуманизм заключался в том, что разрешалось все, что способствовало получению удовольствий, способствовало развращению, похоти и страстям человеческим. Тех же, кто пытался противостоять этому, незамедлительно именовали со всех экранов и страниц мракобесами, называли прислужниками тиранов и тоталитаризма, предавали забвению или просто уничтожали всеми возможными способами.

А я заглядывал порой в тетрадь профессора, и хотелось мне написать еще одну главу «теории упущенных возможностей» или «теории выбора», но теперь уже о глобально упущенных возможностях и уменьшающихся шансах правильного выбора. Ибо чем быстрее и глубже совершалось падение мира, тем меньше оставалось выступов,

за которые еще можно было зацепиться, чтобы, срывая ногти, начать карабкаться к небу...

И Родина моя, обогнавшая вначале по скорости падения всех и вся, зацепилась вдруг на переломе тысячелетий молитвами святых своих и жертвами мучеников и страстотерпцев за покров Пресвятой Богородицы, Домом которой была названа... Зацепилась, выкарабкалась на уступ и стала противовесом всему миру. Хрупкая, неокрепшая, поедаемая врагами внешними и внутренними, разлагаемая изнутри вирусом потребительства, но все же стояла укором тем, кто звал ко всемирному братству людоедов. Но ко времени этому многие из тех, кто не ушел в пустынь и оставался в миру, уже не могли бороться. Не только за Родину, но и сами с собой. Это был не смертный грех уныния, это было отчаяние. И те, кто держал в руках настоящее оружие, откладывали его в сторону, потому что последним оружием оставались теперь молитва и Слово Божие. И последний рыцарский принцип «Делай что должен, и будь что будет». Кому только не приписывали этот афоризм: Катону Старшему, Марку Аврелию, благородному рыцарю Томасу Мэлори, одному из рыцарей Круглого стола, Льву Толстому, индийским йогам, другие считали это просто французской поговоркой. Да уж, ныне во Франции такая поговорка бы не прижилась... Немного по-другому, но в общем смысле она звучит так: «Делай что должно, и пусть будет что будет». Неважно, кто, когда и где сказал, но для России последних времен эта фраза подходила больше всего. Для тех, кто еще охранял границы урезанной державы, кто учил детей, кто лечил людей, кто молился и проповедовал в храмах, кто помнил великое самоотречение преподобного Сергия Радонежского и жертвенность заступников Земли Русской — князей, воевод и простых воинов.

Как-то на прокуренной кухоньке старой брежневки мы вечеряли с одним известным некогда писателем, преданным рыночной конъюнктурой забвению, потому что писать на потребу он не хотел и не стал. Он продолжал делать то, что делал всегда. На мой вопрос о том, не жалеет ли он об упущенной возможности «остаться на плаву», он сначала иронично заметил, что не тонет только дерьмо, а потом уже серьезнее, задумавшись до морщин, вспахавших его лоб, произнес:

— Даже если бы не вышло ни одной моей книги, я бы делал то, что я делал. Почему? Потому что я верю в Бога. А значит — один и самый главный читатель у меня все равно всегда есть. Всегда. В этом «всегда» — вечность. Как это ни парадоксально, но для писателя «выйти в тираж», с одной стороны, означает как раз лавры и прибыль, но с другой — все тиражные писатели уходят в забвение, ибо служат сиюминутным страстям и похотям века сего...

— Да, — вспомнил я, — какие там беллетристы обгоняли в тиражах Пушкина, Гоголя, Достоевского? Не вспомнить теперь...

И вечное оставалось вечным. Взывал Федор Михайлович в «Дневнике писателя» еще в XIX веке, и можно было кричать за ним в нынешнем: «Что правда для человека как лица, то пусть остается правдой и для всей нации. Да, конечно, можно проиграть временно, обеднеть на время, лишиться рынков, уменьшить производство, возвысить дороговизну. Но пусть зато останется нравственно здоров организм нации — и нация, несомненно, более выиграет, даже и материально». И взывал Достоевский уже ко всему миру: «Нет, надо, чтоб и в политических организмах была признана та же правда, та самая Христова правда, как и для каждого верующего. Хоть где-нибудь да должна же сохраняться эта правда, хоть какая-нибудь из наций да должна же светить. Иначе что же будет: все затемнится, замешается и потонет в цинизме». И только Достоевский — час назад приговоренный к смерти и только что высочайше помилованный — мог в письме к брату писать так: «Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не унывать и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее... Как оглянусь на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неумении жить, как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. Жизнь — это дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья». И кто из тех, кто остался стоять в поредевших изрядно рядах хранителей Правды Высшей, не мог бы повторить за ним этих слов?

А с какой силой звучит завещание Гоголя! С какой христианской силой! Да кто читал его в наше-то безумное время?!

«Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в Рос-

сии. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки — не просто негодованье благородных на бесчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в домы этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами и не знают, как это сделать, и все сливается в один потрясающий вопль, уже и бесчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни в ком — ее нет также и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупицу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам». Кто бы подумал, не скажи ему, что это из переписки Гоголя с друзьями. И звучит так, словно вчера или сегодня это письмо написано…

Делай что должно, и пусть будет что будет.

Будто мне самому это письмо Гоголь писал.

И если вдруг казалось мне по слабости моей, что мне хуже всех на свете, Бог посылал мне навстречу людей с таким горем, с такою бедою, что моя становилась песчинкою несчастья. И сердце мое разрывалось одновременно от сострадания и от стыда за свое малодушие. По сути — за маловерие.

Часто я падал. Падал один. Падал со всеми. Но не поднимается тот, кто не падает. А подниматься можно, только перешагнув свою маленькую гордыню. Гордыньку даже… Тот же Гоголь писал в письмах друзьям, что в мире ныне действуют два вида гордости, мешающие понять нам Светлое Христово Воскресение. «Первый вид ее — гордость чистотой своей. Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. Никто не стыдился хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучшим других. Стоит только приглядеться, каким рыцарем благородства выступает из нас теперь всяк, как беспощадно и резко судит о другом…» И немного ниже: «Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого, — гордость ума». Не так ли, братья! Да откройте письма Гоголя, читайте сами. Будто не в XIX веке, а в нашем писано!

Гордость и недостаток любви в каждом… И недостаток смирения. Как мы, выходя из храмов, где только что соприсутствовали таинствам, уже начинаем погружаться в суету и осуждать тех, кто стоял с нами рядом на службе. Мелко, мелочно… А мир вокруг рушится.

И, вчитываясь в Евангелие, поражался я всеобъемлющей любви Христовой, когда Он, превозмогая муки, с Креста Своего просил Отца простить распинавших Его и хулящих Его. И великому смирению Богоматери, стоявшей у Креста, поражался я. И такой объем любви и сострадания не помещался в моем изъеденном страстями сердце, потому проливался покаянными слезами, которые я прятал от окружающих, чтобы не выглядеть странным, юродивым каким-то…

И что я хотел сказать всем этим полетным отступлением? И смог ли…

* * *

Небо над Родиной расчистилось. Огромная Москва открылась еще издали. И видны были все кружащие над столицей самолеты, и блистали на весеннем солнце купола храмов. Подумалось: не благоухание ли мироточивой иконы разогнало облака и тучи? Так или иначе, но когда пристегнули к нашему самолету змеевик трапа-перехода и открыли дверь, техники с той стороны борта даже отшатнулись и остолбенели. Написал бы «как черти от ладана», но это было другое. Куда подевался привычный запах химжидкости для обработки салона?

И люди в порту подолгу смотрели мне вслед, а я смущался от этого внимания. И очень боялся,

чтобы какие-нибудь обстоятельства и злые силы не помешали мне доставить икону в ее дом. С другой стороны, в буквальном смысле чувствовал защиту, которой она покрывала все пространство по пути моего следования.

— Что у вас там? — удивленно спросил таксист, глядя на короб, что прижимал я к груди, и зачем-то понюхал автомобильный дезодорант, что стоял у него на приборной панели. Видимо, хотел понять источник аромата.

— Икона.

— А... — будто все понял и оценил. — Так в Домодедово? — переспросил.

— Да, у меня внутренний рейс оттуда.

— А прилетели откуда?

— Из Германии.

— Че там? Ровно все у них?

— Где сейчас ровно?

— Ну все равно там лучше, чем у нас, — отмахнулся таксист, и звучало в его фразе наше вечное преклонение перед «забугорным».

— Чем лучше? — спросил я на всякий случай.

— Всем. Машины лучше, зарплаты выше, пенсии.

— Если в этом счастье и красота, то тогда, конечно, лучше, — уклончиво согласился я.

— А в чем еще? — почему-то обозлился он.

— Да каждый сам выбирает, в чем.

Какое-то время мы молчали, почувствовав друг в друге если не врагов, то противоположности. Некоторые таксисты умеют долго и многозначительно молчать, некоторые — нет. Этот был из вторых.

— А пахнет сильно. Цветами какими-то весенними, — покосился он на кофр на моих коленях. — Глянуть-то можно?

— Можно. — Я открыл, как книгу, ящик.

— О! Богоматерь, — уважительно сказал таксист и потом увидел: — Она плачет! Это слезы ее так пахнут?

— Да.

— Так что нам теперь, горя ждать?

— Совсем не обязательно. Но плакать о нас... Как бы это сказать? В общем, всегда есть о чем плакать. А Она, глядя, во что мы превращаемся, куда мы идем, Она — плачет...

— Да. — Тут уж он согласился. — Че в мире творится! Че в России творится. Спекулянтов теперь менеджерами называют. В школах непонятно чему учат. — И неизбежно вернулся к своему: — А машины так делать и не научились. Военные только. Вот в той же Германии какие авто делают! У меня был прежде «Фольксваген Пассат» — надежный, неубиваемый. Я его продал, подкопил там еще, а теперь у меня «Ауди А6» — вообще сказка. Вся моя жизнь!

Вот так: хороший, несомненно, немецкий автомобиль для русского таксиста — вся его жизнь.

— А на этом стареньком форде я только таксую, — словно оправдываясь, сообщил он.

— Ага, — кивнул я.

— Сыну купил «бэху». Тройку. Для начала потянет.

— Потянет, — согласился я, а что я еще мог ему сказать?

— И я говорю. Дочка вот тоже просит. Такую же. Только красную. У сына-то — черная. Но пока не заработали.

Одно радовало, он не хотел украсть, он не думал об откатах, он хотел заработать.

— Заработаете, — уверенно сказал я.

— Да лишь бы дефолта какого опять не было...

— Думаю, не будет.

— А если цены на нефть опять упадут?

— Они не падают, их специально роняют.

— Так а я о чем? Сидят американские банкиры и решают, как им Россию опустить. Им, конечно, просто, они и деньги сами печатают, баксы эти. Я тут одну книжонку читал, клиент оставил, там про всю их финансовую систему, про фэрээс эту. Короче, жулики они. Как думаете, война будет?

Мне бы быть огорошенным его вопросом, но я почему-то спокойно ответил:

— Будет. Куда деваться. И у Иоанна Богослова в Апокалипсисе об этом сказано.

— Вот и я думаю. У нас столько ресурсов. Территория такая большая. А осталось-то нас — всего ничего. Но ведь у нас ракеты есть!

— Они прямо на нас не пойдут. На Ближнем Востоке начнется.

— Так там тоже нефть.

— И нефть тоже...

Снова помолчали. Каждый думал о своем. А потом он вдруг радостно сообщил:

— Башка перестала болеть. С утра сегодня маялся. Уж хотел в аптеку в порт идти, обезболивающего какого купить, в машину че-то забыл положить. А щас прошла, свежая стала.

— Это она, — посмотрел я на икону. — Рядом со мной в самолете мужик грипповал, так вышел из салона здоровый.

— Да ну!

— Серьезно.

— Ух ты, и сколько такая стоит?

— А сколько стоят слезы Матери, которая родила Бога?

Он серьезно задумался. Даже губу закусил.

— Вы серьезно в это верите?

— Верю.

— Ну… я тоже… детей-то крестил. И меня маманя крестила. И брата младшего, и сестру старшую. Тогда в Подмосковье все ездили детей крестить, чтоб никто на работе не узнал. А то ведь в октябрята-пионеры не примут. Из комсомола погонят.

— Было такое…

— Но ведь не все плохо-то было?! Че уж там говорить-то.

— Да все было хорошо, только без Бога жили.

— Так а че он белым в гражданскую не помог?

— Ну, во-первых, у нас свободная воля, Бог в ее проявления не вмешивается, во-вторых, белые воевали не за «веру, царя и отечество», а за свои интересы, потому и на их стороне правды не было. Почти все генералы от царя отреклись, присяге изменили, так что помогать-то особо и некому было.

— Так он че, вообще ни на чьей стороне не был?

— А на чьей вы будете стороне, если ваша старшая сестра с вашим младшим братом воевать будут?

— А?.. — Таксист слегка оторопел, но потом твердо сказал: — Да я бы обоих их проучил, чтоб больше так делать не смели!

— Вот вы и ответили на свой вопрос. Только мы сами себя проучили, но выводов, похоже, так и не сделали.

— Вы это… не профессор какой-нибудь?

— Нет, я школьный учитель.

— Ну… все равно. Как с нынешними детьми-то работать?! — перевел он тему.

— Да как во все времена.

— Ну вы мне че не говорите, а народ глупее стал. Я и то на своем месте тут вижу. И дети тоже. Интернет да телевизор! Я вот еще с советских времен, пока клиента ждал, книги читал. Детективы, конечно, там всякие, Пронина, Вайнеров… В академики не выбился, но знаю — без книги люди дураки! Хоть сколько они учебников прочитают и хоть какие дипломы у них на руках. Ду-ра-ки! — разбил-акцентировал таксист, и был прав. — В тырнете-то этом, как на заборе, кто че хочет, тот то и напишет…

— Да и в книгах теперь также.

— А кому тогда верить?

— Богу. Ей, — указал я на короб с иконой.

И потом я рассказал ему историю про исцеление Маши.

— Не возражаете, если я закурю?

— Да я-то нет. Сам курю. Но вот как икону в руки взял, еще не курил.

Он не обратил на последнюю часть моей фразы внимания, достал сигарету, прикурил и несколько раз жадно затянулся.

— Может, это совпадение? Случайность? Ну, с девушкой этой?

— Не мной сказано: случайность — это непознанная закономерность.

— Не, ну вы точно — философ.

— Да нет.

— Значит, ей эта икона помогла?

— Богородица, но, видимо, через этот образ. И вера… Верить надо.

Мы уже подъезжали к Домодедово. Он еще раз затянулся, посмотрел на сигарету с сомнением:

— Горечь какая-то… Тьфу… — и выбросил недокуренной в окно. — Я вот что хочу вас попросить. У меня внучка, ну, дочь сына, Светланка, она тоже болеет. У нее астма. Маемся с ней. На все аллергия. Может, попробуем ее вашей иконой полечить?

— Она не моя. Я ее в храм везу, откуда ее украли. И полечить… Это неправильное слово. Полечить препаратами, электрофорезом каким-нибудь можно, а это… Она исцеляет. Но для исцеления вера нужна. Настоящая. Или Промысл Божий. Ну, чтоб Он на ком-то показал это чудо для наставления других.

— Так, может, он на Светланке нашей покажет?

— Я бы… никогда не отказал. Но у меня самолет через три часа…

— Может, вы сами не верите? — прищурился на меня таксист.

— Верю. Но не всем дается. Чудес по заказу не бывает. По вере… По молитве праведника… По искренней молитве грешника…

— Так надо проверить! Задыхается у меня девочка! А так-то умница. Че вам стоит попробовать?! Я вам новый билет куплю, если опоздаем. Это же ребенок, понимаете!? У меня — старого дурака — и то голова прошла! Погода-то вон какая нынче — солнце, весна!

— Поехали, — обреченно согласился я. — Но помните, чудес по заказу не бывает.

— Мы успеем. Сын-то у меня как раз на Каширке живет. От матери моей там квартира осталась. Успеем.

«Помоги. Пресвятая Владычица», — мысленно попросил я.

— Меня вообще-то Валерий Андреевич звать, — таксист протянул руку, которую я пожал, — но все кличут меня просто — Андреич.

Те, кто пережил 90-е в России, не могли не подумать в таком случае: никуда нельзя ездить с

посторонними людьми, особенно в Москве, особенно если у вас в руках вещь, которую можно оценить в рублях, долларах, евро... И знают, что как таксисты подвергаются нападениям, так и сами их совершают, а то и просто подставляют клиентов криминальному миру. Я — уже ученый, битый, стреляный — обо всем этом, грешным делом, подумал. Но решился в пути этом полагаться на Защитницу рода человеческого.

* * *

Андреич юркнул с шоссе в микрорайон, где стояли плотными рядами пятиэтажки брежневских времен. Серые и однотипные. Зато была между ними какая-никакая зеленая зона. Клены, липы, кое-где тополя... Говорят, последние вырубают из-за тополиного пуха и массовой аллергии на него.

Где-то вдали я увидел здание старого, еще советского кинотеатра «Эльбрус». Смотрели там с двоюродным братом популярное индийское кино «Месть и закон». Но, похоже, сейчас там был уже не кинотеатр. Я спросил об этом у таксиста.

— Там театр, уже без кино. Роману Виктюку, пи... — он выругался, — этому отдали. А он половину в аренду сдал, а на другой школу танца открыл да пакости свои репетирует.

У одной из пятиэтажек форд остановился.

— Двигаем!

Мы подошли к подъезду с обновленной железной дверью, и, набрав номер домофона, таксист прокричал:

— Алла, открой, это я.

На четвертом этаже для нас уже была открыта дверь. С маленькой кухоньки вышла молодая женщина в халате.

— Алла, вот, это Сергей, у него икона чудотворная, времени у нас мало, Светланка где? — изложил Андреич.

— Во дворе, вот-вот подойти должна. Вечер никак. Здравствуйте, — это уже мне.

— Здравствуйте.

— Мобильник у нее с собой? Звони быстрее, времени у нас мало — человек на самолет опоздать может.

— Нам бы еще священника, молебен... — неуверенно предложил я.

— Да, священника, — сразу согласился Валерий Андреевич и на минуту задумался. — Ага! Есть священник. Отец Герман — в какой квартире? — оживился он.

— Да он на службе еще небось. — Алла смотрела на всю эту суету с сомнением.

— Алла! — потряс ее за плечи свекор. — Алла, у меня головная боль сразу прошла! Понимаешь?

— Это от нее такой запах? — спросила Алла.

— От нее! Батюшка, говорю, в какой квартире?

— Да не кипишитесь вы, папа, щас я им позвоню. Матушка Нина все равно дома. У них Наташка тоже болеет. В школу не пошла нынче.

Алла ушла в комнату, куда и меня стал подталкивать Валерий Андреевич.

— Давай, Сергей, давай. — Вот так у нас становятся на ты, без всяких реверансов.

Гостиная в этой квартире, похоже, не ремонтировалась с тех самых брежневских времен. Ярким пятном — ковер на стене. Атрибутика советского уюта и определенного достатка. Мебель — сразу узнал — югославский комплект, не каждому удавалось такой заиметь. Из современного — только плоский экран телевизора и дивиди-плеер под ним. Стол и стулья из той же эпохи... И окна немытые несколько лет. «Полустанок», — подумалось мне.

— Матушка, нам он очень нужен, тут икону какую-то папа притащил, пахнет от нее чудно, говорит, Светланке помочь может. В храм? Да некогда. Человек, у которого икона, на самолет опаздывает. Вы уж позвоните отцу Герману, в долгу не останемся.

Она положила трубку и тревожно посмотрела на нас, стоявших у входа.

— Да садитесь, я пока чай вам поставлю.

Мы послушно сели.

— А посмотреть-то можно? — в который раз за эти сутки я слышал эту просьбу.

Молча открыл короб, и комнату заполнило благоухание.

— О! Так она плачет! Это ничего, что она плачет? Хуже не будет? — насторожилась Алла.

— Не будет, — твердо ответил я.

— Она уже одной девочке помогла, — доложил Андреич.

— Ну-ну... — И ушла на кухню.

— Бабы, они ничего не понимают, — прокомментировал Андреич, но, глянув на печальный лик Богородицы, осекся и даже перекрестился: — Прости, Царица Небесная, я не про всех.

Чай мы пили минут двадцать. Я откровенно нервничал.

— Потерпи, успеем, — уговаривал меня поминутно Валерий Андреевич.

— Деда! — Это пришла с улицы Светланка, девочка лет десяти.

Большие серые умные глаза девочки посмотрели на икону.

— Почему она плачет? — сразу по-детски напрямую спросила она.

— Бог только знает, — ответил Валерий Андреевич. — Вот сейчас все цвести начнет, и она снова задыхаться будет. И если нервничает — задыхается, и когда нагрузка большая, — сообщил он мне вполголоса, будто Светланка могла этого не слышать.

Девочка была ладная. И сразу видно — добрая. Есть такой тип детей — независимо от окружения, обстоятельств, воспитателей и школы — они всегда остаются светлыми и добрыми. Такими, о которых говорил Христос, упрекая апостолов, что не хотели пускать к нему детей. Их непосредственность открывает души...

Отец Герман пришел на сороковой минуте ожидания. Быстро все понял, увидев образ Богоматери.

— Мироточит. Но надо это подтвердить, доказать...

— Я знаю, везу ее в храм, откуда она была похищена. Мой друг выкупил ее на аукционе в Германии.

— Господи, спаси и сохрани, — осенил себя крестным знамением отец Герман и поклонился иконе. Потом осмотрелся по сторонам, взглянул на Валерия Андреевича и несколько иронично спросил: — Вы прямо сейчас хотите чуда?

— Так это... батюшка... у меня самого голова сразу прошла...

— А вы? — Отец Герман посмотрел на меня. — Тоже сторонник чудес по заказу?

Я смутился.

— Нет. Но у человека, который рядом со мной летел, прошло гриппозное состояние. У Валерия Андреевича, если ему верить, — голова. И одной девушке эта икона точно помогла. Но я знаю, что чудес по заказу не бывает...

— Вот все вам чудо подавай! — безнадежно вздохнул священник. — И чтоб этот, как его, пиар на весь свет.

И тут я вдруг почти вспылил:

— А знаете, батюшка, я бы не прочь, чтоб чудес было больше! Россия уже выстрадала столько, что не помешало бы. И я бы рад увидеть Христа, идущего по городам и весям, исцеляющего больных, изгоняющего бесов, несущего любовь и надежду!

— Э-эх! — вздохнул снова батюшка. — Да кто ж против. Но вот узнают ли Спасителя на улицах городов наших? А? Вы об этом думали? А то, может, как организатора несанкционированных проповедей и акций в кутузку потащат?

Я опустил голову. Была своя правда в словах отца Германа.

— Батюшка, мы молебен-то будем... — несмело вмешался в наш разговор Андреич.

— Поставьте икону... Сюда... Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Мы покорно встали за спиной священника.

— Заступнице усердная, Мати Господа вышнего, за всех молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего, и всем твориши спастися, в державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех, и скорбех, и в болезнех обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею и сокрушенным сердцем пред пречистым Твоим образом со слезами и невозвратно надежду имущих на Тя, избавления всех зол, всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево: Ты бо еси божественный покров рабом твоим...

Этот тропарь посвящен Казанской иконе Божией Матери, но, видимо, именно он первым пришел на память батюшке. А вообще икона больше была похожа на список Абалакской, и отец Герман словно услышал мои мысли, начал молебен именно к ней:

— О Пресвятая Владычице моя Богородице, милосердия сущи источник, покрове, упование и прибежище христиан! Тебе, Всесильней Предстательнице и Споручнице покаяния и спасения мо-

его, аз, грешный раб Твой, вручаю душу и тело мое, входы и исходы моя, веру и жительство мое, кончину и число дней моих, глаголы и помышления моя, дела и начинания моя; Ты же, милостивая Мати Божия, мною руководствуй, покрывай, соблюдай и спасай мя от всех вражеских козней невредимо, да немолчно, до последняго издыхания моего, взываю Ти: Радуйся, Невесто неневестная! Радуйся, Святая, святых большая! Пресвятая Богородице, спаси мя! Аминь!

Об иконе я слышал, что она помогает при параличе и расслаблении, а также при болезни глаз. Но нам выбирать не приходилось.

Время потеряло счет. Я совсем забыл про самолет. Полчаса или минут сорок читал отец Герман кондаки и икосы, заглядывая в книгу, что принес с собой. А когда закончил, упал на колени и достал лбом пола. И мы следом за ним. Потом поднялся, оглядел всех.

— Помоги, Господи...

— Светланка, как ты себя чувствуешь? — поторопился Валерий Андреевич, и отец Герман глянул на него осуждающе: мол, все же по заказу и все сразу хочешь?

— Нормально, — ответила девочка.

Отец Герман благословил ее и направился к выходу. На пороге остановился и обернулся ко мне:

— Везите Ее домой, — и еще раз поклонился образу: — Благоухает-то как. Берегите!

А я опомнился — кинулся за благословлением. И лишь потом поглядел на часы. Через двадцать минут начнется регистрация. Опоздаю...

Когда мы с Андреичем вышли на улицу и направились к машине, он вдруг запричитал: мол, одного раза, наверное, мало, надо бы еще помолиться. Признаться, чего-то подобного я ожидал, хотя оставил Светланке ватку, пропитанную миро, а Валерию Андреевичу — номер своего сотового и адрес полустанка.

— Может, продашь? — глядя в педали под ногами, уже сидя за рулем, выдавил из себя таксист. — Ничего не жалко.

— И «Ауди»? — грустно ухмыльнулся я.

— Да хоть и «Ауди»! — вскинулся он.

— Выходит, не вся жизнь — «Ауди»?

— О чем ты?! Это же внучка! На! — Он вдруг достал из кармана ключи с лейблом Audi. — Забирай! Оставь икону!

Честно говоря, в этот момент я искренне зауважал Андреича. Чудо еще не свершилось, но он верил, что Богородица поможет, и готов был отдать за это то, что еще недавно называл «вся моя жизнь». Да, не понять наш народ. Никому. Даже нам самим.

— Ты же понимаешь, Андреич... Я не могу так поступить. Это будет предательство по отношению к Ней. — Я погладил рукой лицевую сторону ящика, в котором лежала икона.

— У-у-м... — буквально проныл он что-то нечленораздельное. — Ты бы видел, как она задыхается! Один раз чуть не умерла...

Я был в полной растерянности. Сердце рвалось не меньше, чем у Андреича. И, наверное, я так и сидел бы в нерешительности, но тут к нашей машине подошел здоровый парень в спортивном костюме и постучал в мое окно. Надо сказать, что вышел он из двухсотого «крузака» белого цвета с номером 001.

— Вас к телефону, — сказал он, протягивая мне мобилу.

Я с нескрываемым удивлением поднес телефон к уху.

— Серега! — услышал я голос Дубинского. — Ты на самолет опоздаешь и икону не довезешь. Садись к моему водителю, он тебя доставит. Не теряй времени.

— Ты что... Приставил ко мне кого-то?

— Да называй как хочешь, ты бы видел себя в аэропорту. Как не от мира сего. Садись в машину и вези икону туда, куда должен. Ты последний раз когда питался? В туалет — когда ходил?

— Не помню...

— То-то! Садись, а то и мои не успеют.

Я послушно вылез из машины Андреича и проследовал за водителем «крузака», что успел представиться Олегом. Взяв у меня трубку, он выслушал еще какие-то инструкции, ответил:

— Да, Сергей Романович, — и положил трубку в карман спортивной куртки.

Потом нежно, но весьма требовательно забрал у меня ящик с иконой и положил на заднее сиденье, а мне вручил бутылку минеральной воды и пирожки. И тут я действительно понял, что хочу есть, пить, спать, в туалет и, прости Господи, курить... И все это — вместе.

Вышедший из машины Андреич печально смотрел нам вслед. Появлением Олега он был огорошен. В руках он держал ключи от «всей своей жизни», которую готов был отдать ради здоровья внучки.

За все время дороги, нарушая все мыслимые правила, Олег сказал только одну фразу:

— Чудный запах. Жена потом спросит, чьи духи.

— Духи так не пахнут.

— Это вы ей попробуйте рассказать.

Больше до Домодедово он не проронил ни слова. Да и я был занят пирожками и воспоминаниями... Почему-то именно сейчас мне вспомнилось,

как вез меня на своей «девятке» Миха. Вина за его смерть не оставляла меня все эти годы. Я считал себя трусом и предателем. И хотя исповедал этот грех своему духовнику, а он, в свою очередь, сказал, что моей вины тут нет, она меня не покидала. Участковый рассказал мне, что отец Миши умер от пьянки еще в перестройку, мать умерла от рака чуть позже, а единственная сестра сгинула где-то на просторах нашей необъятной Родины.

— Плечевой работала, — сообщил он.

— Что это за профессия такая? — проявил я свою неосведомленность.

— Проституткой на дороге. Дальнобойщиков обслуживала.

Сколько людей сгинуло в никуда в это смутное время? А телевизор все это время надрывался о каких-то там свободе и демократии. Помнится, с интересом читал афоризмы начальника внешней разведки СССР Леонида Шебаршина, был там такой: «Если бы Господь не хотел, чтобы люди смотрели телевизор, он бы его не изобрел. А бес подсунул телеведущих...» У него же: «Через телевидение духовную пищу народу дают не только пережеванной, но и переваренной». Но более всего я любил повторять за ним: «Губят Россию грамотность без культуры, выпивка без закуски и власть без совести». Умнейший был человек.

На какое-то время я отвлекся от печальных мыслей, вспоминая книгу Шебаршина. Хотел было процитировать несколько афоризмов Олегу, но он сурово и сосредоточенно смотрел на летящее под колеса со скоростью, превышающей скорость «Ан-2», шоссе. Очень хотелось мне сказать ему от Шебаршина: русские медленно запрягают... но быстро ездят, не в ту сторону. Оценил бы, наверное. Но Олег сосредоточенно молчал.

А вот Миха успевал балагурить. И снова чувство вины подступило к горлу. Отложил пирожок в сторону.

Чувство вины приходит ко мне не только за совершенные мною проступки и греховные шаги, но и за несовершенное добро. И особняком среди них стоят Мишина смерть и потеря Маши.

Единственное, что мне теперь оставалось, — ухаживать время от времени за могилой Михаила Воронцова (фамилию и ту я узнал после его смерти), как и за могилой тети Изольды теперь...

Но кто мог вылечить эту боль? Только Бог. И был единственный человек, который мог ее заслонить. Маша.

Время уходило...

Почему-то мне вдруг ярко представилось, как я опоздал на самолет, Олег или я сам звоним Сергею, а он нас отправляет на Казанский вокзал. Там мы садимся на поезд № 1 Москва — Владивосток и едем вместе с очарованными Россией иностранцами по тому самому Транссибу. Да, для тех, кто не знает: у иностранцев проехать по Транссибу от Москвы до Дальнего Востока считается престижным путешествием. Это мы морщимся от долгой езды, пластиковой пищи, пропахших потом купе, отсутствием душа или очередью в него в дежурном вагоне, а для них — это почти комфортный экстрим.

Воображение у меня богатое, поэтому если я начинаю думать об опасностях и неприятностях, то они накручиваются одна на другую. И я вдруг вижу себя сталкивающимся лоб в лоб с теми, кто еще в 90-е годы положил глаз на мою квартиру. И они уже знают, что в руках моих кофр с дорогой чудотворной иконой. Без разговоров меня бьют чем-то тяжелым по затылку так, что слова и мысли рассыпаются в голове на отдельные буквы и свет меркнет. И ужас... нет, не ужас больницы или смерти, а ужас от бессилия, которое я уже испытал в свое время, ужас оттого, что я не довез Богородицу в Ее дом...

Наверное, я так ярко представлял себе все эти картины, что лицо мое выражало нечто привлекающее внимание. Такое, что и суровый Олег посмотрел на меня с тревогой.

— Все в порядке? — спросил он, когда мы уже подъезжали к парковке Домодедово.

— Да. Пока все в порядке.

— Через минуту регистрация закончится, — констатировал он. — Если не успеем, у меня есть инструкции от Сергея Романовича...

Эх, Серега, Серега! Видать, потерло тебя жизнью, раз ты все предусматриваешь наперед.

И, в сущности, внутри себя я уже готов был к опозданию, хотя совсем не жалел о том, что пытался помочь в это время маленькой Светланке. И действительно, на регистрации девушки только пожали плечами, отправили меня в офис авиакомпании, куда я буквально влетел, прижимая к себе икону. И снова благоухание мира наполнило комнату и заставило всех посмотреть на запыхавшегося молодого мужчину.

— До рейса еще полчаса, посадите Христа ради! — почти прокричал я. — На Тюмень!

— У вас багаж есть? — спросил молодой человек с беджем авиакомпании на груди, где значилось, что он Богдан.

Богдан, значит, Богом данный...

— Нет! Только вот это, — протянул я на руках кофр с иконой.

— А запах? — насторожилась девушка за стойкой.

— Вот! — не стал тянуть я и открыл дверцу ящика.

— Богоматерь...

— Плачет...

— Это ее слезы издают такой запах?

— Куда вы ее?

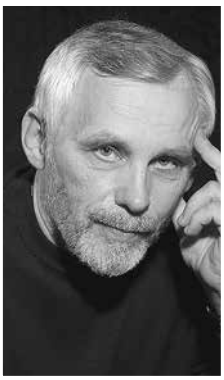
— Домой, из вынужденной эмиграции возвращаю. Ее похитили, — ответил я на все вопросы сразу.

— Пойдемте, я вас провожу в зону посадки, — пригласил Богдан и сразу сообщил по рации: — Опоздавший пассажир, багажа нет, веду.

Я помнил, как один раз меня в Москве на рейс не посадили. Москва слезам не верит. Верит только деньгам. И москвичам плевать на провинциальных пассажиров, что завязли в их же пробках. И если начнешь ругаться, биться в истерике, подойдут тут же еще более суровые и обозленные секьюрити, которые усмирят любого, а вот бомбу, пронесенную в Домодедово, проворонят. И невольно вспомнишь «страшное тоталитарное время», когда тебе не делали рентген перед выходом в зону посадки, не прозванивали каждый твой карман и шов, когда жилые дома, самолеты и автобусные остановки не взрывали, когда не пускали под откос поезда. Свобода... Свобода резать и быть зарезанным, так, по-моему, у Ивана Солоневича в его книге «Народная Монархия».

Но сегодня Богом данный Богдан уже вел меня на посадку, потому что со мной была Богородица. Олег провожал меня в контрольной зоне все тем же внимательным и абсолютно ничего не выражающим взглядом. Уже в накопителе позвонили сначала Сергей («Все нормально?», «Все нормально», «Ну, с Богом!»), потом мама («Ты чего не звонишь? Как доехал?», «Я уже еду обратно», «Как обратно?! Что, там тебе ничего не обломилось? Я же тебе говорила!..», «Мама, там тетя оставила дом, но мне не до него, я везу обратно икону», «Какую? Что? Ту самую?.. Где ты ее взял?», «Мама, я уже иду на посадку, мне говорить неудобно, потом все расскажу, она мироточит», «Мироточит? Так как же тебе удалось ее там найти, смотри внимательнее, чтобы на тебя никто не напал, ты хоть ел что-нибудь? Давай я попрошу Ваню или Сашу, чтобы они тебя встретили, обязательно позвони мне, когда приземлишься...», «Мама, извини, уже надо идти, я позвоню...», «Неужели она тебе оставила наследство?..»).

Окончание следует.



Виктор ПЕТРОВ

Стихи молодого Виктора Петрова увидели свет в «Комсомольской правде», и он стал одним из победителей поэтического конкурса этой газеты, а впоследствии — лауреатом Всероссийской литературной премии имени М. А. Шолохова.

Известность ростовскому автору принесли публикации на страницах журнала «Юность», отметившего его своей премией (2001). За сборник «Лезвие», выпущенный также «Юностью», Виктор Петров был удостоен европейской золотой медали Франца Кафки с изданием сборника Reserve of level (2010) в Лондоне.

* * *

Врага сметая сталинским ударом,
Мы шли и проходили мертвый сон.
Земля пылала мировым пожаром,
Была Антанта с четырех сторон.
Мы шли на Запад — шли по Украине.
Вперед, вперед!.. Срывалась песня с губ.
Снарядом башни танковые клинило,
И в Троцкого вонзался ледоруб.
А может быть, стальная эскадрилья
Летит на юг и после — на восток?
И звездами покачивают крылья,
И вождь по-справедливому жесток.
Катюшами зовутся не Катюши,
Когда взойдут на берег на крутой
И залпами спасают наши души;
Святее нету веры — веры той,
Чьим красным знаменем бойцы готовы
Юдоль земную осчастливить вмиг —
Была б команда... Роты стоголовы —
Шагают мальчики из честных книг!
Таким победа не дается даром,
Но оттого они лишь злей и злей...
Враги разбиты сталинским ударом,
Прими, штандарты вражьи, мавзолей!

Армагеддон

Сошлись при Армагеддоне
и бьются бесстрашно миры:
Отходим, товарищ, с тобою, отходим пока...
Выносишь из окружения знамя полка,
Бинтуя полотнищем грудь...
Ты знаменем стал — до поры!
Вторая Великая... Где же наше Отечество, где?
Отцы поднимаются — в марше идут гробовом,
Славянка помашет и слез не сотрет рукавом...
Назад не смотри — мы останемся на убитой звезде.
А что же теперь? Ничего! Геенна разверзлась у ног,
И ось надломилась и вышла наружу крестом.
Так скажем о Родине — что говорить о пустом! —
Товарищ мой верный, и длань свою
простирает к нам Бог.
О, Господи, силы нам дай остаться, кем были вчера,
Когда не предали ни братских могил и ни строк,
И если вдруг Западом наш обернется Восток,
То двинется вслед за пророком к Западу эта гора.
Наступит геройства черед, и знамя свое развернем...
Эй, братья-славяне, вперед — полковая братва!
И тотчас на фрица пойдут в штыковую слова:
И взвеется сумеречь, и огонь поглотится огнем.

* * *

Он схлестнулся крест-накрест с тобою
И земные отринул пути.
И, распятые общей судьбою,
Разве можете с неба сойти?
Было то, что еще не бывало,
А что было — рассыпалось в прах...
Ты руками его обвивала
И в подлунном и в прочих мирах.
Откликалась на редкое имя,
Постигала размолвок туман;
Неземная улыбка таима —
Холодит и волнует обман.
Он живет у слепого экрана,
Затянул виртуальный портал:
Вместо сердца — открытая рана:
Сам бы рану не забинтовал...
Ты придешь, ты омоешь слезами —
Тайно вылечишь рану его;
И с высот золотое сказанье
Явят звезды, не зная того,

Что отчаялся сумрак осенний
И качается лодка вдали,
И дремотные запахи сена
Долетают с далекой Земли.

Оберег

Милая, гладишь меня по щеке —
Я, как всегда, небрит навсегда.
После заблудишься ты вдалеке,
И обомрут мои поезда.

Только сейчас никого нет родней:
Боль отдавай — до стона стерплю:
Так ни о ком никогда не радел,
Так не любил и не полюблю.

Если презреешь, то сам виноват —
Мало делился жизнью своей;
Был непонятен, сочла — нагловат,
Верил тебе, ты веру — развей,

Чтобы не думал: такая одна!
Сдуру такую не возносил...
Вон как бушует чужая весна,
А на свою не хватает сил.

Время останется после меня,
Лишь бы тебя от любви сберечь —
Той, что не знает ни ночи, ни дня,
Той, что мою замыкает речь.

* * *

Голос твой — от шепота до вскрика,
Руки, за голову заведенные...
За окном трубит златая Ника,
И копытом бьет проспект Буденного.

Убоюсь разлада и потери —
Прокляну уход — растаешь в зеркале,
Но чуть свет ключом откроешь двери
И склоняешь голову — над сверкой ли?..

Нет, не сверка!.. Это наши дали,
Это мы в одном формате сверстаны:
Совпадаем — как не совпадали,
Разведенные годами-верстами.

Тана

Сверкнули кареокие две тайны.
Какой там Север? Ты из южной Таны.
Мост подвесной качается над Летой,
И я перехожу в гортанный город,
Где благоденствует врастяжку лето
И помыкает мной любовный голод.

Свое толкует в ступке пестик медный,
Возносится над туркой дух победный
Заморского привоза горьких зерен;
Я в чашке след кофейный не оставлю —
Зачем гадать? Я без того упорен
И доблестно взовью казачью саблю,

Когда на откровенный торг нагую
Выводит, цокая, базар... Смогу я
Отбить у нехристей ту полонянку
И ускакать за стены крепостные...
...Плевать на сигареты и гулянку:
Есть явь — азовские увижу сны я!

Там обожаешь ты на шкурах волчьих
Мерцать, сиамствовать со мной воочию;
Твое дыхание, как милость Божью,
Почувствую на берегу разлуки.
Пусть правда ради правды станет ложью,
Пускай сплетутся, не касаясь, руки.

Исплачется река у низких окон.
Замечу напоследок жгучий локон
И тем утешусь, вроде запятую
Поставила не ты ли между нами —
Свяжи, чтоб разделить... И — не впустую,
А быть с тобой, как Тана, именами!

Воркута

Валерии Салтановой

Зря ль окликнул тебя, Воркута —
Воркованье твое у плеча...
Так бы век, а не ночь коротать,
Да почти догорела свеча.
Ненасытные губы твои
И задушат и душу сожгут:
Скажешь: «Вены свои отвори!»
Отворю, но вернее бы жгут
Из веревки вкруг шеи — и вниз!..

Это чтобы любовь доказать.
А могу и шагнуть на карниз,
И схватиться за лунную стать...
Но усмешка твоя промелькнет,
Обрывая галимую нить,
Только горлинка, сбитая влет,
Воркованье желает продлить.
И на лагерь плевать, на тюрьму —
Поцелуем ее прикормлю:
Разве скажет она хоть кому,
Сколь дотоле терпел и терплю
Воркутинскую снежную блажь,
Залихватские скаты дорог...
Пуля-дура, теперь не промажь!
Гильза стукнется пусть о сапог.

Стена

Дней студеная череда
И ночей раскаленные сны.
Я живу — то ли «нет», то ли «да»:
Плач стоит у моей стены.

Эту стену поставила ты
И колючкой поверх оплела.
Богатяновский зрак темноты
Проследит не меня ль до угла?

Совершаю побег — не побег,
От себя убежать не смогу,
И петляет по следу твой снег,
И раскинусь на этом снегу.

Руки в стороны — али не крест?
Заодно помолись, коль нашла...
Ты невестой была из невест,
Да расколоты колокола!

Под малиновый, медный трезвон
Приподнимешь мне голову ты
И приветом гулаговских зон
Примешь вздох для своей немоты.

Улица Горького

Ветер шел вразвалку вдоль тюряги,
Лаяли собаки за стеной.
Горе горькое — поэты ли, бродяги? —
Шли по Горького — не по Сенной.

Я хотел свободным стать... И стал им:
Клин вам в глотку, суки-господа!
Сталина застали — мы из стали,
Нам ли страшен приговор суда?!

Наш вожак не А. М. Горький разве?
Горький навещал сии края.
Улиц Горького в стране — как грязи,
А в Ростове — улица моя.

Век свободы не видать в России:
Срок за сроком — тянутся срока...
И кого о жизни ни спроси я,
Нету жизни — горькая тоска.

Так залить бы горькой, что ли, горе!..
Не поможет: пробовал не раз.
Плач горючий тонет в общем хоре,
Но идем, не опуская глаз.

Мы еще не отзвучали гордо,
И поэт-бродяга — человек.
Мы идем своим пока что ходом —
Час идем, а вроде — целый век.

Нам вослед летят камней проклятья,
Ополчаются враги, друзья...
Только ветра все сильней объятья —
Вот кого нам предавать нельзя!

Ветер, он — последняя свобода,
Забывать о воле не дает.
Нет свободнее того народа,
Что по горькой улице идет.

Никола

Восседает возле мусорного бака
Бомж Никола на разбитом стульчаке
И читает Блока... А у ног собака
Слушает стихи, витая вдалеке.
Хорошо как!.. Солнце — пиво разливное:
Всем его хватает — зенки заливай...
Только белый день решеткой разлинован,
Да поодаль катит, дергаясь, трамвай.
Жизнь вольготная — такая-растакая!
И еще не вся... А всю — узнает кто?..
И серебряного Блока изрекая,
Бомж Никола распахнул свое пальто.

Никаких медалей нету у Николы —
Даже пропил материнский крест давно.
До чего же голы русские сокóлы,
Если есть в ларьках молдавское вино!
Собирает банки из-под пива, колы,
Христарадничает — и жива душа...
Люди добрые, не те ли мы Николы:
Душу пропил, за душою — ни гроша?
Возвышается над всеми храм Николы,
И внутри угодник золотом горит.
А расколы... Снова русские расколы!
И об этом Блок с Николой говорит.
Горько смотрит Блок — такая, братцы, штука —
На окрестную муру и похабень.
Блоковские строки понимает сука,
Пусть и голодает псина каждый день.

Горлица

Я сойду с электрички — не с ума ли сойду...
Надрывается горлица в дачном саду.
Что неволя, что воля — теперь все одно:
Умирает рябина и стучится в окно,
Да никто не выходит на рассохшийся стон —
Укатила не ты ли вчера на Ростов,
Загорелая дачница, горлиц сестра?..
Мне, ревнивцу Отелло, отпылать без костра.
Кличет горлица, кличет: «Милый мой, милый мой!»
Я поверил словам и — сюда, не домой...
Водосточный вопрос зацепился за край
Небосвода... Рябина, с горя не умирай!
А калитка закрыта на щеколду разлук:
Пустота презирает мой стук-перестук...
Воля пуще неволи, а грешнице — рай:
Ах, Рябина Цветаева, ты не умирай!
На перрон возвращусь, никому не родной:
«Астраханец» стенает тюремной стеной,
Срок на стыках сочтет затяжной товарняк...
Тут со мною стакнется некто: «Дело — верняк...»
Отвечаю: «Братишка, я теперь не в себе...»
И зайдется от горя не гром ли в стрельбе?
Камыши оторочены черной каймой.
Слышу горлицу, слышу: «Милый мой, милый мой!»

Ростов-на-Дону

Екатерина КОЗЛОВА

Продолжение. Начало в № 1, 2 за 2016 год

Два императора

Повесть

Рисунок Настасьи Поповой

23 сентября, вторник

Когда я иду в школу, мечтаю о том, что сегодня Радий опять не придет, прогуляет… Но… моим желаниям не суждено, видимо, сбыться. Когда я вхожу в класс химии, я чуть ли не сталкиваюсь с Резерфордьевым. Он специально задевает меня плечом и проходит мимо, демонстративно не замечая меня. Ой, какие мы гордые… Смотри не упади…

Ставлю сумку на свою парту. Учебники не достаю… не до учебников сейчас. Смотрю на своего бывшего друга.

Похоже, тот случай, когда Радий заставил Вадима снимать на видеокамеру, как меня избивают, сильно подействовал на психику моего бывшего друга. Нет, не в том смысле, что Вадим теперь псих. Просто… Он теперь совсем по-другому смотрит на моего врага.

На большой перемене, когда я стою у своего класса и жду Максима, ко мне вдруг приближается тот парень, на которого я накричал недавно… Аркадий, кажется.

Кажется, сейчас что-то будет.

— А знаете ли вы, Александр, — начинает свою речь Аркадий, — что ваше поведение при прошлой нашей встрече было, я бы сказал, некорректно. Это нарушение этических норм, это неприемлемо в современном обществе, где граждане должны стремиться к свободе личности, к духовным ценностям…

На этот раз я не злюсь. Лишь смотрю на своего знакомого и молча улыбаюсь.

— У тебя, наверное, по всем предметам пятерки, — прерываю ряд изречений я.

Аркадий теряется; несколько дольше, чем нужно, думает над ответом.

— Нет, не по всем… — Мой знакомый грустнеет.

Надо же, наверное, это единственный вопрос, на который у Аркадия не найдется развернутого ответа. Так что у него с учебой? Аркадий всегда разговаривает так, будто цитирует зазубренный материал. Может ли он думать, размышлять, рассуждать самостоятельно? Вряд ли… Что осталось от человека? Есть ли у него другие темы для разговора с друзьями или он может думать только об учебе?

Мне кажется, всем, всем нам, не только Аркадию, нужно внимательно посмотреть вокруг и понять, как разнообразен этот мир, как много в нем увлекательного. Нужно быть разносторонней личностью, интересоваться разными сферами жизни, уметь поддержать любой разговор.

А… Вон Максим ко мне идет.

— Извини, меня ждут… — Я киваю на подходящего ко мне друга. — Я, наверное, пойду.

И я быстро увожу Максима в другой коридор, боясь, что Аркадий, в своем этическом желании познакомиться с моим лучшим другом, заведет речь на всю перемену.

Когда мы с Максимом остаемся в полупустом коридоре, мы останавливаемся. Я серьезно смотрю на него, и он терпеливо ждет моего вопроса. Хотя я не знаю, как он так понял, что я хочу спросить у него что-то... Что-то, даже не относящееся к моему разговору с Аркадием.

— Что ты думаешь о смерти?

Мой друг задумывается, но ненадолго.

— Ты знаешь... Часто говорят и пишут, что будут делать за один день до смерти, если точно будут знать, что умрут. По-моему, не нужно об этом думать, а надо действовать «здесь и сейчас». Жертвовать на благотворительность, просить прощения за все у дорогих тебе людей, дарить нежность любимым.

Нет, все-таки любовь — это не мое. Я не буду говорить, что любовь — это всегда боль, это не так. Но... Готов к любви — готовься к боли.

После такого завершения речи моего друга мне стоило бы вежливо спросить Максима, не влюблен ли он, но меня больше интересует другой вопрос, и я задаю именно его:

— То есть ловить счастье нужно сейчас?

— Да, — улыбается мой друг. — Главное — успеть быть счастливым и успеть подарить счастье другим.

— Успеть быть счастливым... — эхом повторяю я.

Раздается звонок на урок, и мы расходимся по кабинетам.

На уроке я не могу сосредоточиться на занятии и думаю о словах Максима...

А ведь действительно... чтобы жить счастливо нужно лишь... успеть быть счастливым. Наслаждаться каждым мигом жизни, каждой секундой... Любым делом, любой, даже самой скучной работой, которой ты занимаешься. Успеть быть счастливым, ведь потом будет поздно.

Успеть быть счастливым. Часто говорят: нужно проживать каждый новый день как последний. Я согласен с этим. Получать счастье сейчас, сегодня, не откладывая столь важного дела на следующий день.

Вдруг не будет этого завтра?

Дарить счастье другим... Пытаться делать людей счастливыми... Пытаться несмотря ни на что. Пытаться, пытаться, пытаться... Не отчаиваясь, если что-то идет не так. Не разочаровываясь в людях, ведь каждый из нас имеет недостатки. Не требуя благодарности, ведь многие люди не замечают добра. Не хвастаясь тем, что ты делал добро. И не испытывая желания хвастаться. Пытаться делать людей счастливыми именно так, следуя всем этим принципам — вот настоящая добродетель. И никак иначе.

Вечером, когда я уже собираюсь пойти в душ, в квартире раздается телефонный звонок. Я первым бросаюсь к трубке, потому что знаю, что моя сестра уже спит.

— Привет, Саша, — раздается из трубки голос Радия.

Замираю.

— Привет? — осторожно интересуюсь я.

— Чего же я, такой плохой, тебя разбудил? — язвительно спрашивает Резерфордьев.

Смотрю на часы. 1:37. Отец Радия приказывает своему сыну ложиться спать около 23:00... Понятно, что мой враг думает, что своим звонком разбудил меня. Он же не знает моих обычных привычек... ложиться в 2 часа ночи.

Радий говорит что-то еще, но я не хочу этого слышать и... не слышу.

Кладу трубку.

Не нужно давать телефонный номер тем, кому нельзя доверять...

Перед тем, как лечь спать, я смотрю в окно. Я знаю, что не увижу там ничего нового, но каждая новая ночь приносит то странное чувство, которое я так люблю, которое невозможно испытывать днем... Я не знаю, что это за ощущение, но... Это отдаленно напоминает чувство свободы...

Кажется, что свет фонарей разрушает эту ночь, разбивает ее на осколки. И темнота будто прячется, скрывается от этих лучей. Будто она, тьма, хорошая, а этот свет хочет оставить ее без главной изюминки — тайны. И темноте хочется жить... Жить хотя бы ночью, путь и сжимаясь от света города вокруг и растворяясь из-за него.

Они, тьма и свет, похожи на двух противоположных по характеру людей — скованную, стеснительную, избирательную в контактах личность и открытого, общительного человека.

А мне немного жалко тьму. Что свет так мешает ей жить. Не дополняя ее, нет. Сжигая ее, растворяя дотла.

24 сентября, среда

Я просыпаюсь, а ливень стучит в окно. Он, наверное, вызывает меня на бой. Вот выйду на улицу, и капли дождя будут бить по мне... А мне-то как отбиться? Эй, ливень! Так нечестно!

...Первое, что я замечаю, когда вхожу в класс, — Радий, вокруг которого компания одноклассников. А Вадим... Вадима в этой компании нет. Он там, отдельно...

Вчера они вроде бы тоже не разговаривали... И все тихо.

Было бы так хорошо, если бы нам нравился каждый, с кем мы общаемся! Но что это за утопия! Такое невозможно... Но что делать?

Скрывать свои истинные эмоции к человеку? Подстраиваться под него, думая, что тебе не нужен враг? Пытаться заслужить его доверие, предполагая, что этот человек тебе пригодится в будущем?

Я знаю много людей, которые стараются поддерживать со всеми нормальные отношения. Часто, весьма часто, я знаю, они таят на кого-нибудь зло, но держат его в душе, не выпускают. Никогда, никогда, никогда... Они молчат. Всегда молчат, когда их не устраивает чей-то характер, чьи-то поступки. Да, такое молчание полезно для окружающего общества, для той атмосферы какого-никакого, но доверия, царящего вокруг человека, который старается относиться нормально ко всем... Но это пагубно для души этого человека.

Нет, нужно не просто держать эту злость в себе, нужно ее искоренять на самых ранних ее стадиях. А еще всегда нужно пытаться изменить других людей к лучшему.

Терпимость... Да, я все-таки помню это слово!

Хотя... Стоит чему-нибудь случиться, и я, как почти любой человек, его забываю. Вот по геометрии я получаю двойку за работу в классе... Но я не чувствую себя виноватым — учить доказательства теорем, по-моему, глупо. И я не стану тратить время своей жизни на это... Пока... Пока я не такой умный, как Максим. Но он... все понимает разумом, но не чувствами. Быть может, в этом его проблема.

Во всяком случае, двойка по геометрии меня несколько злит, и настроение портится. На третьем уроке, алгебре, я получаю тройку. За прошлую самостоятельную... Я рассчитывал, что получу четверку... Вот это конкретно выводит меня из себя.

На четвертом уроке, физкультуре, просто стою и пытаюсь успокоиться... Внутри одно желание — спокойно побыть в своих мыслях, чтобы все оставили в покое и никто не трогал.

— Эй, ты... — раздается резкий голос, чья-то рука слишком сильно сжимает мое предплечье. Радий.

Рефлекс срабатывает быстрей, чем я успеваю задуматься.

Разворачиваюсь, хватаю его за руку и заламываю ее.

Радий вскрикивает от боли. Я заламываю его руку сильнее... Он затравленно смотрит на меня.

Я ощущаю такую силу в своем теле... Наконец... Наконец я чувствую эту власть, такую большую власть... и беспомощность Резерфордьева. И это опьяняет. Хочется сделать больнее, больнее... Чтобы он физически испытал хотя бы часть той душевной боли, что доставил мне.

Краем глаза замечаю, что к нам бегут наши одноклассники. Разнимать, наверное. Чувствую, что времени на решающий удар остается все меньше и меньше...

Но... Я сдерживаюсь... Еле сдерживаюсь... И отпускаю своего врага.

Как только я это делаю, Радий отлетает от меня на добрых два метра, смотрит на меня так, что, кажется, окажись перед его взглядом сейчас молоко, оно бы скисло, окажись яблоко — сгнило бы, окажись растение — завяло бы. Но человек (тем более такой человек, как я) — не молоко, не яблоко и не растение...

Радий делает глубокий вдох, собираясь что-то сказать, но, видимо, не находит нужных слов. По выражению лица Резерфордьева видно, что все слова, что приходят ему на ум, кажутся ему недостаточно едкими. Радий будто хочет облить меня кислотой из мерзких слов, но... те кислоты, что попадаются ему под руку, либо не те, либо недостаточно концентрированные... И поэтому он не может сказать абсолютно ничего. Впервые его вижу в таком состоянии, и это крайне забавно.

— Завтра... — наконец с ненавистью выдыхает он. — Стрелка после школы... За теми же гаражами... Если не придешь — до конца школы будешь ниже плинтуса. Если снова сбежишь... то же самое...

— В прошлый раз ты подло поступил, — громко говорю я. — Пятеро на одного! Чтобы в этот раз один на один! И я тебя в клочья порву!

— Мы еще посмотрим, кто кого порвет! — шипит Радий.

— Свои отношения будете выяснять не на уроке физкультуры! — вдруг раздается совсем рядом громкий голос учителя. — А ну все быстро на канат!

Я разворачиваюсь и гордо шествую к канату.

— А вы что встали?! — кричит преподаватель на одноклассников, оставшихся за моей спиной. — А ну пошли!

Перед следующим уроком я стою в одиночестве у стены. Вдруг замечаю, что ко мне приближает-

ся мой одноклассник. Не Вадим, не Радий, не Васек, не Петька и не Гришка… Вот что удивительно больше всего.

— Ты… Ты правда хочешь с ним драться?

Недоуменно смотрю на своего одноклассника.

Не хочу никого обидеть, но это совершенно безвольный человек, легко поддающийся чужому влиянию, так что в начале учебного года он, не раздумывая, присоединился к компании Радия. Но единственное, на что не могли воздействовать ничьи мнения, — так это на его любовь к литературе. Именно литература. Несмотря на то, что и по всем остальным предметам у него были пятерки.

Есть у него прозвище, очень точно описывающее его в плане учебы. «Клевер». Оно родилось от двух аспектов… Он редко учит домашнее задание, но его всегда спрашивают именно тогда, когда он выучил материал. Отчасти благодаря своей везучести он и стал отличником. Отсюда родилось и прозвище «Клевер», ведь четырехлистный клевер — символ удачи. Кроме того, слово «клевер» созвучно английскому clever, что значит «умный».

А еще он очень стеснительный. Жутко стеснительный. Настолько, что, казалось, он стесняется даже собственного отражения в зеркале. Стоило любой девчонке у него что-нибудь спросить, даже насчет уроков, как его взгляд устремлялся в пол, и он начинал что-то лепетать.

Несмотря на это, он очень хочет всем нравиться. Я часто вижу, как он стоит у зеркала в туалете и зализывает свои светлые волосы назад, будто так он выглядит лучше.

— Да, я хочу с ним драться, — задумчиво отвечаю я.

— Ну… Ну удачи тебе тогда… — отвечает Клевер.

Отличник уже хочет уйти, но я его останавливаю. Просто не верится, что хоть кто-то в моем классе за меня…

В голове постепенно назревает вопрос, который я хотел бы задать, но… я замечаю Аркадия среди толпы. И, что хуже, он замечает меня.

— Здравствуйте, Александр. — Мой знакомый пожимает мне руку.

Клевер недоуменно косится на Аркадия.

— Я вижу вас, Александр, в обществе весьма интеллигентного человека. Я скромно считаю себя тоже интеллигентным. А долгом каждого интеллигентного человека является знать других интеллигентных людей. Так что… не соизволите ли вы, Александр, представить мне вашего друга?

— Это Клевер…

— Клевер? Давать человеку кличку — неуважение общества. Это не рационально, не логично, это сильное нарушение нескольких правил этикета, это неприемлемо в современном обществе, где граждане… — Аркадий вдруг замолкает, видимо, вспомнив, что уже говорил мне последнюю часть этой фразы.

Видимо, я прав, мой знакомый просто цитирует учебник…

— Да я не против… Пусть называют Клевером, — скромно выдавливает из себя мой одноклассник.

Смотрю на Аркадия. Он озирается по сторонам, и создается впечатление, что он ищет повод уйти. Переводит взгляд на меня. Видно, находит, наконец, нужные слова:

— Я так голоден, что могу съесть слона! Ведь я, как всякий гетеротроф, питаюсь готовыми органическими веществами, коим является слон.

Я не выдерживаю и смеюсь. Через несколько долгих секунд ко мне присоединяется и Клевер.

Аркадий, осознав, что на этот раз действительно сказал какую-то глупость, делает шаг назад, испуганно глядя в пространство.

— Ладно… Короче, я в столовую, — произносит он и… испаряется.

Надо же, это была самая простая и жизненная фраза, сказанная Аркадием за все время нашего общения. Быть может… где-то внутри он все еще человек.

…На перемене перед шестым уроком я смотрю в окно. На улице все так же — ливень. Дождь идет уже так долго, что у меня возникает ощущение, что никогда ничего не было в мире, кроме этого дождя. Что не было и нет солнца, луны, звезд… А только холодные капли, падающие сверху всегда, всегда, всегда…

25 сентября, четверг

Сегодня на меня обращают какое-то особое внимание. Как-то уж слишком часто смотрят на меня одноклассники. В голову поневоле закрадываются мысли о предстоящей драке.

На одной из перемен ко мне подходит Максим.

— Привет, — улыбается он. — Чего такой грустный?

— Я? — сначала даже удивляюсь. — Я не грустный, я думаю…

— О чем?

— Мы вчера с Радием серьезно подрались, — перехватываю несколько удивленный взгляд друга. — У нас сегодня стрелка после школы.

— Прости, у меня семь уроков…

— Да ладно, ничего. Надеюсь, в этот раз он не будет таким уж подлым и драка будет один на один.

— Ты одержишь победу, я в тебя верю, — ободряюще улыбается Максим.

Эта фраза кажется мне заученной и скопированной с бесконечного количества одинаковых шаблонов.

После школы все одноклассники идут со мной за те самые гаражи. И непонятно — просто ли тяга к зрелищам влечет их туда или они в действительности будут болеть за кого-то. Вот у меня есть хотя бы Клевер в союзниках… Но он не подаст виду, я его знаю.

Все-таки люди — такие жестокие существа! Смотреть на чужую боль… Так спокойно смотреть… И не испытывать при этом ни малейшей жалости, а наоборот… подстрекать сильнейшего, как это обычно бывает в драках такого типа… Видеть чужие страдания… Знать, что ты можешь помочь… Но в то же время не делать ничего… Абсолютно ничего…

Как кровожадна толпа в подобных ситуациях! Как один большой зверь, который хочет насытиться жертвой… В той толпе уже нет мыслей отдельного человека, есть одна мысль, максимум две — это мысль толпы. Мысль короткая, жестокая и ясная. Мысль, которая даже не похожа на мысль, а скорее, на одно-единственное желание — старое и вечное желание крови.

Радия еще нет, но всем ясно, что он скоро будет. Его величество просто немного задерживается, только и всего…

В воздухе повисает некоторое напряжение, а среди одноклассников разговоры только о предстоящей драке. Но зато это свободная минута… Когда можно подумать о… кажется, подумать не удастся — Вадим подходит ко мне и просто смотрит на меня. Спросить, чего он хочет? Зачем спрашивать, если все и так ясно?

Я думал, что все кончено. Что нашу с Вадимом дружбу (если ее можно было так назвать) не вернуть. Оказалось, нет.

Человек может ошибиться. Человек может предать. Человека нужно простить. Но сейчас, когда Вадим попробовал воспротивиться Радию,

его влиянию на всех окружающих… Сейчас, когда Вадим, видя все то, что происходит со мной из-за Радия, пытается встать на мою сторону в этом противоборстве… Сейчас, когда Вадим понимает, насколько опасно становиться врагом Резерфордьева… Сейчас Вадим на пути к тому, чтобы стать другом. Нет, не тем фальшивым «другом», которым он был раньше, а настоящим, преданным другом…

Вдруг замечаю, как на глазах моего бывшего друга появляются слезы.

— Прости меня… — тихо произносит он.

Никогда не видел Вадима таким… Никогда… Сейчас он совсем не похож на веселого, общительного, открытого всем человека. Он похож… На котенка, слабого, беззащитного котенка, у которого только-только открылись глаза.

Не могу сдержаться и обнимаю своего… теперь уже друга… настоящего друга…

У Вадима такое состояние, будто он навсегда прощается со мной. Странно… И Клевер вчера так неестественно пожелал мне удачи… И одноклассники пришли все смотреть на эту стрелку… Видно, в каких-то своих «байках», как Радий их называет, мой враг хвастался всем, что обладает небывалой силой. Во всяком случае, все это ложь. По крайней мере… мне хочется так думать.

Но я уверен в себе. Я буду драться. И в честном бою я не сбегу.

Стыдно признаться, но после того раза, когда Радий пел какую-то песню в классе… Я нашел ту песню в Интернете и прослушал в оригинале. Пусть конкретно та песня была слишком негативна для меня, но голос певца мне понравился, и я… нашел другую песню в его исполнении, которая мне понравилась больше. И именно эту песню мне хочется послушать сейчас, поэтому я достаю из сумки плеер, надеваю наушники и включаю музыку…

Мне хотелось бы верить в торжество добра над злом… особенно перед этой стрелкой. Конечно, это немного неправильно — считать себя добром… Но мне кажется, что в нашем с Радием противоборстве скорее я добро, чем Резерфордьев.

Но вот приближается он. В нос ударяет резкий запах сигарет, и я невольно отодвигаюсь. На секунду в голове появляется мысль, что Радий специально пришел позже, чтобы его появление выглядело эффектней. Но сейчас нужно думать о другом, и поэтому мои мысли быстро меняют свое направление.

Вообще я впервые на стрелке. А все потому, что сам себе никогда проблем не нахожу. Да и врагов у меня не было до Резерфордьева…

Одноклассники окружают нас, образуя так называемый ринг. Радий стоит и спокойно смотрит на меня. Я выжидаю…

— Даю тебе последний шанс остаться в живых… Вставай на колени и проси прощения, — приказывает Радий.

Фыркаю. Улыбаюсь. Не выдерживаю и смеюсь. Получается слишком дерзко.

Резерфордьев быстро делает два шага вперед и резкий удар кулаком, который должен был попасть мне в подбородок, если бы я не увернулся. Быстро хватаю своего врага за плечи и делаю подсечку… Радий не успевает сориентироваться и падает, а я быстро отскакиваю от него, чтобы он не сделал какую-нибудь подлость. Странно, но одноклассники считают это концом первого раунда и объявляют передышку.

Резерфордьев злобно шипит. Среди одноклассников разговоры только:

— Да Сашке просто повезло!

— Я б тоже не успел среагировать.

— Сейчас Радий его сделает!

Но Вадим и Клевер подходят ко мне и ободряюще хлопают по плечу. Мол, молодец, парень. А я просто ровным счетом ничего не понимаю. Что-то мне подсказывает, что дальше все будет совсем не так просто…

Нужно драться. Нужно еще драться… Второй раунд. Но у меня нет того боевого настроя, который есть у моего врага. Хочется что-то чувствовать. Хоть что-то… Злость, презрение, негатив… Но я не чувствую. Просто не чувствую. Ровным счетом ничего.

Мои одноклассники образовали боевой круг, и я выхожу в его центр.

Радий быстро шагает вперед, и пока я не успеваю сориентироваться, делает сильный удар под ребро, и я чуть не падаю от боли. Но я быстро справляюсь с собой и отвечаю ударом ногой по голени. Резерфордьев падает на прелую осеннюю листву под ногами. Видимо, боясь показаться слабым, он быстро перекатывается, не жалея своей куртки, и хватает меня за ногу. Я пытаюсь удержать равновесие, но Радий всеми силами хочет меня повалить…

В такой момент почему-то я пытаюсь случайно не наступить своему врагу на руку… Почему-то мне кажется, что это слишком грубо даже для такого вида драки…

Вдруг Радий делает быстрое движение корпусом, сильное движение рукой и все-таки валит меня в грязь. Теперь я уже чувствую ненависть, причем она настолько плотно застилает глаза красной пеленой, что я не вижу, насколько ра-

зумны мои поступки. Я быстро перекатываюсь, хватаю Резерфордьева за плечи и с силой бью его головой об асфальт… И в тот же момент жалею о свое поступке. Глаза Радия на миг мутнеют, в них не остается злости, а есть только какое-то бессознательное удивление и непонимание…

Меня оттаскивают от Резерфордьева, и я не сопротивляюсь… Я подавлен своим поступком. Как я мог такое сделать? Я сижу на ближайшей лавочке, виню себя, тихо и безропотно слушаю нелестные замечания Радия, уже снова по-боевому настроенного.

Все остальные молчат. Они не могут понять, как их лидер мог снова проиграть такому человеку, как я. Потом по толпе проходит шепоток. Хоть я и не слышу слов, но он кажется мне странным.

Вадим и Клевер хвалят меня… Но как-то скомканно, с опаской…

Через минуту начинается третий раунд, и толпа, вся толпа, кроме Вадима и Клевера, кричит:

— Радий! Радий! Радий!

Но вдруг откуда-то из самой ее середины раздается уверенный громкий голос:

— Саша! Саша!

Замечаю, что Радий смотрит в ту сторону, позволяю и себе отвлечься от драки и посмотреть на смельчака.

Максим. Он все-таки пришел. Он поддерживает меня…

Вдруг откуда-то слева раздается робкий голос:

— Саша! Саша!

Вадим. Друг.

И вот Максим и Вадим уже вместе болеют за меня, а Радий лишь удивленно оглядывается по сторонам. К друзьям робко присоединяется Клевер… А через несколько секунд случается то, чего точно ожидать не приходилось, — мое имя начинают выкрикивать Васек, Петька и Гришка. Теперь уже те, кто болел за Радия, пораженно смотрят на моих союзников, переглядываются друг с другом… Но больше никто не присоединяется к болеющим за меня.

Вдруг Радий громко и четко кричит, и это звучит как приказ:

— Ату их, парни!

И тут начинается настоящая драка! Слуги Радия, как верные, но глупые псы кидаются на моих друзей. Максим, не раздумывая, бьет всех нападающих, причем бьет кулаками — и весьма профессионально, будто в течение какого-то времени отрабатывал эти удары хоть и не на тренировке по боксу, но в спортивном зале. Вадим дерется хуже… Видно, что он не привык это делать, но все же сражается с чувством. Васек, Петька и Гришка сражаются средненько… молча и как-то самоуглубленно. Клевер… тот совсем не умеет драться. Но не бежит, а большей частью блокирует удары.

Так проходит мой день.

Окончание следует.

Напоминаем, дорогие друзья, что в этой рубрике вас ждут только три важных вопроса и лишь три четких ответа.

От читателей

Скажите, а пишут ли стихи современные российские чиновники?

Кукушкин, Павловская слобода

От редакции

Дорогой читатель Кукушкин! Чиновники стихи пишут и даже иногда любят литературу, но это, скорее, странное исключение. Такое исключение перед вами.

NOTA BENE

Александр Новопашин — директор Департамента информационной политики Тюменской области. Родился в 1959 году в Тюмени.

В 1984 году окончил Тюменский государственный университет по специальности «филология», в 1997 году — Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации по специальности «государственное и муниципальное управление — социология», в 2004-м — аспирантуру Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, защитил кандидатскую диссертацию, ученая степень — кандидат политических наук (журналистика).

Трудовую деятельность начал в 1980 году в качестве мастера ремонтно-механической мастерской в производственном строительно-монтажном объединении «Нижневартовскстрой», в котором проработал до 1986 года.

В 1986–1989 годах — редактор многотиражной газеты «На ударной стройке» ПСМО «Нижневартовскстрой».

В 1989–1990 годах — секретарь парткома ПСМО «Нижневартовскгражданстрой» Нижневартовского горкома КПСС, в1990 году — председатель постоянной депутатской комиссии по гласности, средствам массовой информации и связям с общественно-политическими организациями Нижневартовского городского совета народных депутатов.

В 1990–1992 годах — редактор газеты Нижневартовского городского совета «Варта», в 1992-м — руководитель пресс-центра Тюменской фондовой биржи, в 1992–1999 годах — специалист-эксперт, руководитель аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Тюменской области.

В 1999–2001 годах — начальник управления по связям с общественностью администрации города, заместитель главы по социальной защите населения и связям с общественностью Нижневартовска.

В 2001 году — директор Департамента информационной политики Тюменской области.

Александр Новопашин: «Своими стихами я ломаю стереотипы...»

— **Как Вы могли бы оценить уровень тюменской литературы, какие процессы происходят в культурном пространстве региона?**

— Своеобразным барометром литературной жизни Тюменской области стал межрегиональный конкурс «Книга года». Он хорошо содействует развитию литературного процесса, при этом открывая новые имена, позволяет читателю ориентироваться в новинках регионального книгоиздания. Организаторами конкурса традиционно выступают Департамент информационной политики и Тюменский государственный университет в лице кафедры книгоиздания и редактирования. В Год литературы он проходил уже в девятый раз, привлекая издательства и авторов почти из всех субъектов Уральского федерального окру-

га. За эти годы через участие в конкурсе прошли практически все интересные книжные проекты, получившие признание читательской аудитории, профессионального сообщества литераторов и книгоиздателей.

Кроме того, тюменские писатели достойно участвуют и в литературном конкурсе Уральского федерального округа, что проходит при поддержке полпреда. За четыре года существования конкурса почти четверть премий и дипломов получили тюменские авторы. Среди них Анатолий Омельчук, Николай Коняев, Сергей Козлов, Николай Шамсутдинов, Аркадий Захаров, Леонид Иванов, Николай Ольков и другие известные в крае поэты и прозаики.

Заметны тюменские авторы и на международных конкурсах. В конце 2015 года поэтесса Ольга Ожгибесова заняла третье место в литературном конкурсе «Двое», что проходил в Санкт-Петербурге, а прозаик Леонид Иванов получил диплом лауреата в номинации «Литература» на Всемирном конкурсе «Артиада» с участием мастеров из десятков стран.

На Всероссийской книжной выставке на Красной площади Тюменская область имела возможность на протяжении целого дня презентовать свои издательские проекты. Прошла в Тюмени и собственная книжная выставка. В День города праздник книги собрал такое количество читателей, что стало очевидно: народ соскучился по хорошей книге. Поэтому подобное мероприятие решено проводить регулярно уже в областном масштабе.

Архиважным событием Года литературы стало учреждение Губернаторской премии в области литературы. По итогам конкурса более двадцати авторов были отмечены премиями и специальными призами.

Не отстают от старших товарищей и юные авторы, участвующие в традиционном литературном конкурсе имени П. П. Ершова. Его на протяжении десяти лет ежегодно проводят Ишимский культурный центр имени П. П. Ершова и Союз писателей России. В конкурсе принимают участие лучшие детские писатели всей России, а для юных талантов в его рамках параллельно проводится литературное состязание среди школьников области. В Год литературы в этом конкурсе приняли участие более 700 молодых авторов из Тюменской области.

— Раз уж мы с Вами коснулись темы молодых начинающих авторов, не могли бы Вы рассказать, чем дышит литературная молодежь Тюмени?

— Творческая молодежь ищет и находит свои формы и методы общения, обмена идеями. Одной из таких зон притяжения пишущей молодежи стала Школа литературного мастерства Тюменского государственного университета, руководил которой известный детский писатель Владислав Крапивин, сейчас ее возглавляет прозаик Сергей Козлов. Лишь за один год при его поддержке одиннадцать одаренных начинающих литераторов смогли издать свои первые книжки.

Ежегодно при поддержке университета, Тюменской областной Думы, правительства Тюменской области издаются сборники молодых авторов. В прошлом году такой сборник на конкурсе года был удостоен премии «Человек слова». Выпускники Школы публикуются в литературных журналах, альманахах и еженедельниках: «Наш современник», «Юность», «День поэзии», «Литературная газета», «Врата Сибири», «Эринтур» и др. Некоторые уже выпустили собственные книги и стали лауреатами престижных всероссийских литературных премий. Школа также выступает инициатором и организатором встреч студентов тюменских вузов с писателями и поэтами. В Тюмени побывали Евгений Водолазкин, Юрий Козлов, Захар Прилепин, Валерий Дударев, Андрей Шацков, Александр Казинцев, Сергей Куняев, Анна Козлова, сербские писатели Горан Петрович,

Михайло Пантич, Любинка Милинчич, Гордана Чирьянич, македонский писатель Венко Андоновский, болгарская поэтесса Елена Алекова и многие другие. Литературные страницы, где публикуются молодые авторы, есть и в областной периодике. Кроме того, они и сами проводят литературные вечера в муниципальных библиотеках города и районов Тюменской области.

В этом году исполняется двадцать лет детской поэтической студии «Верешок», ею бессменно руководит сотрудница Тюменской городской библиотечной системы, автор нескольких поэтических сборников Антонина Маркова. Она же — один из главных организаторов ставшего традиционным открытого литературного конкурса «Гришинские проталины» для детей и подростков до восемнадцати лет. Конкурс назван в честь тюменского поэта Александра Гришина. За свою недолгую жизнь он успел много сделать для начинающих авторов в качестве редактора литературной страницы «Проталина», что регулярно выходила в областной газете «Тюменские известия».

Хорошей школой для молодых стало созданное в Тюмени литературное объединение «Арион». На его ежемесячные заседания под руководством ответственного секретаря Тюменского регионального отделения Союза писателей России Леонида Иванова из городов и районов области собирается до восьмидесяти любителей изящной словесности, среди которых есть и известные писатели, и дебютанты. Литературное объединение стало общей площадкой для всех творческих союзов, в том числе и Союза художников, члены которого получили возможность устраивать небольшие выставки и знакомиться с писателями для совместной работы над изданием книг.

— **Вы не только опытный управленец, активно помогающий тюменским писателям, но и автор поэтических сборников. Как Вам удается совмещать эти две ипостаси, не мешает ли одно другому?**

— Долгое время о моем увлечении поэзией и собственных творческих опытах знали только самые близкие люди. Как говорится, писал в стол. Но постепенно через социальные сети, где я начал выставлять некоторые свои работы, от близких мне людей это стало известно многим. Друзья уговорили сделать сборник, который я издал за собственные средства в другом регионе. Теперь, как шутят коллеги, своими стихами я ломаю стереотипы сложившихся представлений о черством бездушном чиновнике.

А если серьезно, то поэзией я увлекаюсь давно. Первые стихи у меня, как и многих из нас, появились еще в школьные и студенческие годы. Меня всегда привлекал симбиоз различных видов искусств. В Тюменском госуниверситете был в те далекие годы студенческий поэтический театр, которым руководил незаурядный преподаватель Владимир Александрович Рогачев. Благодаря ему мы открыли для себя творчество поэтов-фронтовиков Павла Когана, Семена Гудзенко, Михаила Кульчицкого. Поэтический спектакль по стихам этих авторов неоднократно становился призером различных всесоюзных и всероссийских конкурсов. Потом мы ставили спектакли на стихи Андрея Вознесенского, других современных авторов.

Потом в моей судьбе был резкий поворот — работал на Севере, строил школы и детские сады в нефтяной столице Самотлора городе Нижневартовске, публиковал стихи в местных газетах. А вскоре и сам стал редактором сначала ведомственной многотиражки, а затем городской газеты. И, конечно, не расставался со стихами.

А во власти, где бы ни работал — в администрации города, правительстве области или в представительстве Президента, — всегда старался помогать молодым пробить дорогу в литературе, не выставляя напоказ свои поэтические пристрастия. Друзья порою говорят, что я задушил в себе литературный талант. А мне кажется, что начать писать по-серьезному никогда не поздно.

А вот и стихи Александра Новопашина.

* * *

Стихло в руке перо,
Строфы в пургу умчались.
А за окном мело,
И фонари качались.
В желтый дрожащий круг
Снега клубы летели.

Помню слияние губ
И торжество метели.
Все унеслось, прошло.
Вроде и не встречались...
А за окном мело,
И фонари качались.
1974

Ходики

Не родословное поместье,
Не шкаф с фамильным серебром —
Достались от отца в наследство
Лишь ходики да холм с крестом.
И никому не догадаться
В чем главный у часов секрет, —
Они отмеривают счастье
Минутной стрелкой много лет.

Тобольский кремль

С улыбкой златоглавых куполов
В застывшем белоснежном одеянье
Тобольский кремль глядел поверх голов
За горизонт людских воспоминаний,

Как сквозь ночную толщу облаков
В раскатах колокольного набата
Вставала Русь из глубины веков
Рассветом над простором необъятным.

Тобольское утро

Над куполом, увенчанным крестом,
С высот небесных, тронутых румянцем,
Трубящий ангел возвестил о том,
Как новый день зарею занимался.
И распрямлялись плечи робких слов,
Дарились лучезарные улыбки.
К нам Рождество под звон колоколов
Стучало в дом ветвями пальцев длинных.

Материал подготовил Сергей Козлов

Владимир ЖУРАВЛЁВ

Владимир Журавлёв родился в 1961 году в селе Ново-Летники Зиминского района Иркутской области. По окончании сельской восьмилетки продолжил учебу в средней школе города Зимы, затем поступил на факультет управления Иркутского института инженеров транспорта (ныне Иркутский университет путей сообщения).

Учебу в школе и институте совмещал с активными занятиями спортом. Мастер спорта СССР по тяжелой атлетике.

По окончании вуза призван на срочную службу. После демобилизации устроился на Иркутский ремонтно-механический завод автотранспорта, где за год прошел путь от машиниста котельных установок до начальника ОТК завода.

В 1987 году по комсомольской путевке направлен на службу в органы внутренних дел. Окончил Саратовские высшие курсы МВД СССР по линии ОБХСС, проработал в службе по борьбе с экономическими преступлениями двадцать лет, вплоть до увольнения в запас в 2007 году в звании полковника.

С 2008 года по настоящее время — начальник отдела Управления Россельхознадзора по Иркутской области.

Писать начал в сорок девять лет. «Вовкины праздники» — первая книга прозы.

Два рассказа

Отче наш

Рисунок Настасьи Поповой

Пасха — это тоже праздник, только старушечий, потому что он «божественный». Его отмечают только старушки и некоторые старики, а молодые — нет. Они отмечают Первомай. Но все равно, все не работают, ходят, как в другие праздники, в гости и дают друг другу вареные, крашеные луковой шелухой или марганцовкой яйца. Взрослые угощают ребятишек конфетами и пряниками, а мужики пьют бражку, потому что вино в этот день в магазин не привозят.

Бабушка в Пасху всегда с утра достает из своего сундука красивую юбку с кофтой, загодя приготовленное сладкое вино и шоколадку. Нарядившись, наливает в ложку вина, выпив, капает в нее Вовке. Вино Вовке не нравится, но зато потом ему полагается шоколадка, только обязательно нужно сказать — «Христос воскрес».

После семейного завтрака, за которым родители вместе с бабушкой выпивают по рюмочке такого же сладкого вина, бабушка укладывает в

сумку яйца, испеченный накануне круглый сладкий хлеб, пироги, конфеты и уходит почти на весь день в гости к таким же бабушкам.

Если гости приходят к ней, то тогда отец с мамой, уважив их и посидев с ними некоторое время за столом, собираются и уходят из дому, тоже почти на весь день.

Вовка в этот день вольноопределяющийся и может шляться с пацанами, если, конечно, повезет с погодой. В прошлом году, например, когда они хотели сходить на речку, посмотреть, крепкий ли лед и когда он может тронуться, пошел снег. Пришлось весь день сидеть по домам, перелетая, как стайка воробьев, из одного в другой, пытаясь найти себе хоть какое-нибудь интересное занятие. Но все интересное, как известно, происходит и находится на улице. Правда у Хурася они тогда здорово попрыгали с курятника, который на время самых сильных морозов дядя Петя внес в дом, да так и не вытащил до самой весны обратно в стайку. Куры ажно с ума сходили, хлопая крыльями, и то кидались на деревянную решетку, то забивались в самый угол небольшой, но крепко сколоченной клетки, когда она ходуном ходила под очередным «парашютистом». Витьке попало, когда в самый разгар веселья вошли родители, еще со двора услышавшие шум и подумавшие, что в дом забралась какая-то зверина. После короткого разбора полетов их заставили подмести разлетевшиеся из курятника по всей прихожей опилки и вытурили на улицу.

Сегодня погода была здоровская. Получив от бабушки в честь Пасхи горсть конфет и половинку большой шоколадки, Вовка за завтраком только чуток поклевал пирог с брусникой, взял со стола три самых крепких, на его взгляд, яйца и шмыгнул на улицу. С вечера он ни с кем из пацанов ни о чем не договаривался, а потому стал размышлять, к кому для начала сходить. Решил, что лучше всего сходить к Мишке, потому что вчера он хвастался, что научился открывать «Толикину тунбочку со всякими штуками», которую тот постоянно закрывает на маленький замочек. Толик наверняка не будет сидеть дома и уйдет куда-нибудь, и если Мишка не врет, то можно будет смело покопаться в сложенных в эту тумбочку сокровищах. Наверняка и свой пугач Толик тоже прячет в этой тумбочке. Конечно, потом, за то, что шарились, можно огрести, но соблазн был слишком велик, и Вовка, придерживая неглубокие карманы курточки, оттопыренные конфетами и крашеными яйцами, побежал в сторону Мишкиного дома.

Толик был дома и, судя по тому, как он, сидя за столом, нетерпеливо поглядывал на родителей, которые в это время одевались у двери, уходить в ближайшее время никуда не собирался. Вовка заученно произнес «Христос воскрес», получил вместе с ответным «Воистину воскрес» крашеное яичко, скинул куртку, тут же расколотил яичко, стукнувшись с Мишкой, и незаметно положил его обратно в тарелку на столе, где вокруг кулича уже лежала половина яиц, битых с обеих сторон.

— А Толик чево не собирается, не пойдет, што ли, никуда? — зашептал он Мишке, как только они отошли чуть в сторонку.

— Неа, он потом пойдет. Щас к нему должны парни прийти, и они вместе куда-то хочут. А тебе-то че? — уставился на него Мишка.

— Че, че — ты же сам сказал, что научился евоную тунбочку открывать. Как уйдет, давай залезем, посмотрим.

— Не-е, я в иё больше лазить не буду. — Мишка почесал затылок.

— Че, попало, а он как узнал? — Вовка спросил это из сочувствия, а не из любопытства, потому что старшие откуда-то всегда все про них с Мишкой узнавали.

— Да я вчерась пугач оттудова взял, зарядил, а стрельнуть не успел, он домой пришел. Я ево и бросил обратно в тунбочку. А он вечером, када батя с мамкой дома были, достал, хотел тихонько пощелкать, а пугач как даст, а батя Толику как даст. Пугач забрал и выкинул. — Мишка вздохнул. — А Толик мне потом тоже как даст. Сказал, что если хоть раз еще тунбочку открою, еще хуже будет. А еще — чтобы я за то, что лазил туда, спер для него из дома спичек две коробки. Он же вчера сразу, пока баню топил, новый пугач в печке залил.

Еще раз вздохнув, Мишка вдруг оживился:

— А я видел, куда батя в огороде пугач закинул. Вчера темно было, а седня все равно найду, пошли вместе искать.

Вовка немного поразмышлял и отказался. Во-первых, в огороде сейчас сплошная грязь, весь уделаешься, и дома будут ругаться. А во-вторых, если они и найдут пугач, то Мишка даст несколько раз стрельнуть и все, а потом сам один с ним ходить будет. Вот пусть сам один и ищет его в огороде. Пугач-то все равно его будет, хоть даже и найдут вместе.

Месить грязь в огороде одному Мишке тоже расхотелось. Размышляя, чем бы еще таким заняться, они съели, запивая холодным молоком, по свежеиспеченному, еще теплому пирожку с черемухой. Расколотили без всякого интереса пару яиц из тарелки, потом Вовка достал из куртки те, что принес с собой, и после того, как их тоже расколотили, засобирался домой.

Бабушка как раз открывала калитку, когда Вовка подошел к дому.

— А ты куда? — поинтересовался Вовка на всякий случай.

— Да к Анке Мустафеевой собралась сходить. А тебе пошто, со мной, што ль, хочешь? — остановилась уже направившаяся к дороге бабушка.

— Хочу, — не задумываясь, ответил Вовка, хотя на самом деле сам не знал, хочет он с бабушкой к Анке Мустафеевой или нет.

— Домой зайди, скажи, со мной пойдешь, а то потеряют. Я потихоньку пошагаю, а ты догонишь. — Бабушка половчее взяла сумку и аккуратно, ступая по самому краешку дороги, где посуше, направилась в сторону дальнего конца деревни.

Забежав в дом и выпалив «Я с бабушкой», Вовка опрометью вылетел обратно, и не прошло и минуты, как он уже суетился возле бабушки, все так же мерно вышагивающей по краешку дороги.

Вовка знал, что Анка Мустафеева — очень близкая бабушкина, а значит, и всехная в ихнем доме родственница. Она жила возле пилорамы, почти у самого леса. Это для бабушки она — Анка, а для него баба Аня. У нее дочки умерли, а два сына не вернулись с войны, и никто не знает, где они. А еще один, самый маленький из них, жил где-то далеко, в Красноярске. Внуков баба Аня видела только один раз, и ей очень нравилось, когда Вовка обращался к ней так же, как к своей бабушке.

Не торопясь, незаметно, и оттого показалось, что скоро, они дошли до мустафеевского дома. Бабушка сказала Вовке, чтоб тот палочкой очистил свои ботинки от налипшей грязи. У нее самой они были почему-то совсем чистые, но она все же тщательно протерла подошвы о брошенный у калитки голый березовый веник, а потом о тряпку у порога в дом. Вовка заведенный порядок знал, а потому точь-в-точь повторил все за бабушкой и в дом входил уже в чистой, хоть и слегка сырой обуви.

После традиционного христосования и обмена крашеными яйцами баба Аня сыпанула Вовке в подставленные ладошки горсть конфет и стала приглашать гостей пройти за стол, а не садиться на стулья у двери. Бабушка, как положено, немного поотнекивалась, а потом прошла и стала вынимать из сумки и выставлять на стол все, что принесла с собой. Теперь уже баба Аня стала говорить, что это ни к чему и что у нее все, слава Богу, есть. Пока они так друг дружку уговаривали, Вовка чинно присел к краешку стола и, глядя в окошко, стал размышлять, можно уже улизнуть отсюда на пилораму и поискать там чего или еще рано и надо дождаться, когда бабушки сядут за стол и займутся своими разговорами.

Пока он так размышлял, баба Аня юркнула за штору, натянутую между стеной и печкой, и вышла оттуда радостная, держа в руках большую фотографию, поверху красиво окрашенную в розовый, синий и желтоватый цвет и украшенную рамкой, как из золота.

— Вот, Аганя, икону Христа-спасителя нашего купила, када зимой вязаны рукавички продавать в город ездила, — сообщила она торжественно.

Но бабушка никакой радости по этому поводу не высказала, а, наоборот, сурово поджав губы, спросила:

— Пошто тогда ее в чулане держишь, а не на божничке? Пошто вместо ее пусты занавески в углу висят?

— Дак не знаю, Ганя. Боюся, мало ли што... Сама знашь. — Баба Аня даже голос понизила, отвечая.

— А што боисся-то? Партейных у тебя никого нету, чтобы имя дома икону держать нельзя было. Живете одне на двоих с кошкой. Ставь икону да молися сколь душа жалает. Не знает она. Тебя кто шибко кулачил, што така пугана? Я не припомню. Может, нонче Игорь, полномочный, когда самогонку по домам ищет, смотрит, есть у тебя иконы или нет, да грозит чтоб не было!

— Тебя тожеть не шибко-то кулачили. Подумашь, Тихон со двора коровенку да коня свел. Незарестовали даже и из дому не выгнали. — Баба Аня заговорила обиженно от того, что приобретение ее осталось неоцененным. И в то же

время покорно, потому что, действительно, молиться у них в деревне никто никому не запрещает. Все, как и она, сами как-то без молитв обходятся. Кто забыл, а в основном никто и не знал их никогда.

— А ты мое кулачено добро не считай. Али забыла, сколь я вам всего перетаскала, када твово кормильца не стало и у вас поести и то не было? Када вы всемером на оден куль картошки остались.

Вовка, разинув рот, смотрел на бабушку. Он никогда не видел, чтобы она так сердито с кем-нибудь разговаривала. А самое главное, было бы за что. У нее самой икона в сундуке лежит. Только не такая красивая, как эта, а деревянная, без всякой рамки и такая темная, что на ней почти ничего не видно. Он сколько раз видел, как она ее доставала и разговаривала с ней, иногда даже плакала, а потом поцелует и обратно в сундук закроет. Вовка однажды не вытерпел и спросил, что она делает и почему плачет. Бабушка объяснила, что просит у Боженькиной матери, которая на небе, чтобы и у Вовки, и у папы с мамой, и у брата с сестрой, и у всех, всех, всех было все хорошо, а плачет потому, что ей всех жалко. Он засомневался — зачем всех жалеть, когда никто никого не обижает. К тому же небо вон где, а бабушка вот где, как же ее там Боженькина мать услышит. Бабушка погладила его по голове — услышит, мол, там всех слышат, а ее так особенно, потому что у этой иконы еще ее бабушка за нее просила. Оттого она сейчас и жива, и живет, ни в чем нужды не зная, и все дети ее с войны пришли. А жалеть всегда всех надо.

Вовка из объяснения тогда ничего не понял и через пять минут забыл про разговор, а сейчас вот, неожиданно, вспомнил и спросил у бабушки, тронув ее за рукав:

— А она на небо для бабы Ани лучше все будет передавать, чем твоя? Через нее все слышнее будет? Она же красивей.

Баба Аня аж засияла от Вовкиных слов:

— Будет, Вовочка, будет. Токо попроси, все передаст, все Боженька сделат.

Бабушка, как всегда, когда не знала, как Вовке что-то объяснить, погладила его по голове, помолчала и не то ему, не то просто так сказала:

— Конечно, лучше. Если бабу Аню не услышат, тада ково ж еще там слушать. Она ж за деток своих просит. Только одному Боженьке на небе и ведомо, где они и что с имя сделалось.

У бабы Ани вдруг затряслись губы, и из спрятанных глубоко в морщинки почти бесцветных глаз потекли слезы. Она быстро промокнула их кончиком повязанного на голову платка, протерла этим же кончиком икону и протянула ее Вовке:

— Нак, залезь на стул да поставь ее в уголочек, стаканчик с вербочкой смотри не срони.

Вовка быстренько поставил икону на белую крашеную полочку, прибитую под невысоким потолком, поправил, как сказала баба Аня, стаканчик с веточками вербы и спрыгнул обратно со стула, решив, что самое время попроситься у бабушки сбегать на пилораму. Однако, посмотрев на бабушек, торжественно вставших перед иконой, точь-в-точь как его брат в клубе, когда в праздник выносил на сцену знамя, опять молчком присел в сторонке.

Недолго что-то пошептав, при этом непрерывно крестясь, бабушки наконец-то вздохнули и пошли к столу. Баба Аня, глянув на Вовку, спросила:

— Хошь, я тебя тоже молитве «Отче наш» научу. Она самая главная, ее все знать должны.

Бабушка, хотевшая было что-то сказать, еще рта раскрыть не успела, как Вовка уверенно заявил:

— А я и так знаю, тока не до конца.

Бабушка от таких слов вовсе онемела, а баба Аня живенько затормошила его:

— Ну давай, давай, чево можашь, а я тебе еще конфеток дам.

Другой раз Вовка, может, и заартачился бы, но тут уж больно захотелось показать, что и он эту молитву знает, да к тому же конфеты пообещали. И он, встав перед иконой, как только что стояли бабушки, стараясь, чтобы было похоже на то, что слышал по радио, затянул: «Славься, Отечество наше свободное, дружбы народов великий оплот! Партия Ленина — сила народная, нас к торжеству коммунизма ведет».

Домой Вовка с бабушкой возвращались далеко после обеда. Очень уж баба Аня не хотела его после той молитвы домой отпускать и все просила бабушку посидеть еще немного и приводить к ней Вовку не только по праздникам, а всегда, как он захочет. Навстречу им шли односельчане: кто, как они, возвращался домой, кто, наоборот, закончив дела, направлялся в гости. Вовка со всеми, как положено, здоровался и всем, так же как бабушка, говорил «Христос воскрес». Услышав в ответ «Здравствуйте» и «Воистину воскрес», вприпрыжку бежал дальше, с трудом примериваясь под бабушку, которая совсем не умела бегать или прыгать.

Отсветы

— Здравствуй, вот увидела, что ты разжег костер, и подошла. — Она произнесла это тихо, словно сомневаясь в правильности своего поступка.

— Здравствуй. — Мужчина, сидевший на бревнышке у костра, легко встал и коротко, чтобы не было заметно, посмотрел на нее. — Это не я разжег, когда я сюда шел, костер уже горел. Хорошо, что возле него никого не оказалось, не хотелось мешать. Думал, подойду ненадолго, помнишь, мы же всегда здесь сидели.

Он снова незаметно глянул на нее и, не в силах отвести взгляд, замер, потом, смутившись, быстро отвернулся к огню и стал поправлять без того хорошо горевшие дрова.

— Помню, потому и пришла сюда. — Сделав вид, что не заметила ни его взгляда, ни смущения, женщина сама вдруг почувствовала подступившее, как в юности, и почти забытое с той поры волнение.

— Если б не горел, я бы разжег. Странно, развели и, оставив огонь, ушли. — Он уже справился со своей минутной неловкостью, но по-прежнему не решался поднять на нее глаза.

— Развели? Может, это был один человек? Не захотел сидеть в одиночестве и ушел... или ушла. — В ее голосе прозвучало что-то вроде обиды на то, что он не понял такую простую вещь.

— В наше время девушки не разводили костров на берегу реки, это была привилегия парней, — скрывая за нарочитой грубоватостью свою оплошность и вновь подступившее смущение, ответил он и бросил в огонь палку, которой шевелил угли.

— Наше время ушло, пора это принять и перестать спорить с нынешним, — выдохнула она никогда и никого не радовавшие, но верные в своей неизбежности слова.

Не возражая, он замолчал, что-то решая. Немного отодвинул бревно от жарко разгоревшегося пламени, жестом пригласил присесть, потом присел рядом и, чуть коснувшись, отодвинулся. Еще немного помолчал и, все так же глядя на огонь, ответил:

— Да я и не спорю. Просто... просто иногда так случается, что ты всем своим существом находишься именно в «нашем» времени, а для окружающих ты здесь, и они не замечают, что на самом деле ты далеко от них.

Наконец взглянул на нее и добавил:

— Вот как сейчас.

— Ты стал философом, раньше за тобой такого не замечалось, — улыбнулась она без всякой иронии, просто решив уйти от темы разговора.

Тем не менее оттого, что он надеялся услышать от нее совсем иное, его эти слова задели и он подчеркнуто уточнил:

— Раньше — это когда?

— Раньше — это... — Она чуть прикрыла глаза — ...сколько мы с тобой не виделись? Лет двадцать?

— Не делай вид, что не помнишь, — двадцать три года, но будем считать, что для тебя это действительно неважно. — Резко переломив очередную хворостину, попавшуюся под руки, он хотел бросить обломки в огонь, но, подержав, швырнул их обратно, откуда поднял.

Оба замолчали, испытывая неловкость и сожаление, что разговор не получается, и все оттого, что сначала искренние слова одного натыкаются на напускное безразличие другого, а потом наоборот.

— Ты завтра в школу придешь? — спросил он, когда пауза совсем затянулась.

— Конечно, приду, для чего ж я еще приехала. — Ее бодрый ответ, прозвучал так фальшиво, что он снова не удержался от колкости:

— А действительно, для чего?

— На тебя посмотреть! Я знаю, что ты на всех школьных встречах красуешься. — Она резко поднялась, досадуя на свою несдержанность.

— Посмотреть, как красуюсь? — Он усмехнулся. — Ну, смотри. Как мне развернуться, чтоб тебе было удобнее? — Его лицо в один миг как-то потускнело, плечи опустились, и весь он стал как продолжение старого, обожженного с краев бревна, на котором сидел.

— Прости. Я действительно очень хотела увидеть тебя, только не надеялась, что получится вот так вот встретиться и поговорить.

Она снова села.

— Думала, увидимся в школе, перекинемся парой фраз — и все.

— А я надеялся. Столько раз приезжал сюда, чтобы встретиться с тобой. Только не знал, что буду тебе говорить, и оттого боялся этой встречи. Каждый раз — надеялся и боялся.

Он чуть тронул ее руки, сложенные впереди так, будто она озябла.

— Как видишь, оказалось, это совсем не страшно. — Она смотрела на реку, никак не реагируя на его прикосновение.

— Да, оказалось, что не страшно. И не так, как я это представлял. — Он разжал ее руки и взял одну из них за ладонь.

— Я тоже думала, что будет по-другому. Посмотри: пламя костра тянется поперек течения, от одного берега к другому, туда, где под обрывом трепещет в волнах и рвется навстречу луна. Они вот-вот дотянутся друг до друга, и тогда луна исчезнет, растворившись в ярком пламени.

Она положила ему в ладонь вторую руку.

— Два огня, жаркий — земной и холодный — небесный, тянутся друг к другу, и им все равно, насколько это осуществимо и как это скоротечно.

— Это отсветы. То, что ярко светится в темноте на берегу или на воде, отражается от нее совсем иначе, чем выглядит в реальности, вырисовывая порой самые фантастические картины. С берега отсветы очень красивы, но тому, кто плывет, их красота неведома. Более того, отсветы мешают ему, так как кроме них ничего больше не видно.

Оба замолчали, глядя на воду, словно ожидая, что будет дальше.

— Если сейчас бросить в костер все дрова, что у нас остались, они дотянутся друг до друга, — вдруг заговорил он так, будто речь шла о людях, даже не просто о них, а о чем-то очень важном, происходящем с этими людьми. — К тому же неподалеку полно старого дровяного хлама, я сейчас принесу и подниму пламя до небес.

Он уже хотел встать, но она придержала его за руки, а потом, мягко освободив свои, поднялась.

— Не надо ничего. Мне пора идти, поздно уже, а я обещала тетке завтра помочь грядки прополоть. Надо будет встать пораньше.

— Ты сейчас уйдешь только потому, что завтра надо полоть теткины грядки?! — Он встал и крепко ухватил ее за руки.

— Да, и поэтому тоже. — Это было сказано совершенно обыденно, как будто не она только что так романтично описывала отражения на воде. — А ты ожидал, что я буду здесь в приступе ностальгии до утра перебирать с тобой прошлое?

Его руки сразу же непроизвольно опустились, и он молча ушел к кромке воды, где начинались отсветы. Посмотрел на противоположный берег, наклонившись, зачерпнул из светящейся дорожки пригоршню воды, вылил ее обратно и, будто разговаривая сам с собой, сказал:

— Вблизи — никакой красоты.

Потом повернулся к ней и прокричал:

— Я не знаю, что я ожидал! Что может ждать человек, давно страдающий астмой, когда ему вдруг скажут, что завтра ее весь день не будет!

Она тоже подошла к воде и встала чуть в сторонке, рассматривая его, стоящего в отсветах дальнего пламени, не скрывая своего откровенного взгляда.

— А ты действительно сильно изменился. Те, кто тебя давно не видел, это сразу замечают. Я имею в виду не внешность — ты сам по себе стал другим.

Нисколько не смущаясь изучающего взгляда, он шагнул ей навстречу:

— По счастью, ты не изменилась. По-прежнему стараешься казаться иной, чем есть на самом деле. Играешь роль, не замечая, что время, которое ты считала зрителем, давно стало режиссером.

— Зачем ты так. Я ведь не скрываю, что и приехала из-за тебя, и сюда пришла из-за тебя. — Она была готова заплакать от обиды и несправедливости его слов.

— Тогда почему уходишь?! — Он почти грубо схватил ее за плечи, прижал к себе и посмотрел ей в глаза, ища в них хоть какую-то надежду на то, что она не уйдет. Пусть дразнит, пусть злит — только не уходит.

Спокойно отстранившись, она так же спокойно вновь прижалась к нему, положив голову на плечо:

— Наверное, я буду жалеть о своем сегодняшнем поступке. Но наша встреча — всего лишь отсветы, красивые и недолгие — только до тех пор, пока горит этот костер или пока длится эта ночь.

— Но должны же быть в жизни и отсветы, чтобы, пусть даже один раз полюбовавшись ими, не забыть их уже никогда. — Не слова, тоска, которую он прятал в самой своей глубине, вдруг вырвалась наружу. Не зная, как дальше поступить и что еще сказать, он замер, руки соскользнули с ее плеч и вновь повисли безвольными плетьми.

Она очень осторожно провела ладошкой по его щекам, будто вытирала слезы, и по-прежнему не отрываясь от него, прошептала:

— Ты прав. Вот сейчас мы и вспомнили те отсветы, которыми любовались здесь много лет назад. И вполне достаточно того, что оба помним их. А теперь до конца дней я не забуду еще и сегодняшние.

Превозмогая себя, отступила от него, повернулась, чтобы уйти, но тут же остановилась и после секундного размышления вновь обернулась:

— Я завтра не приду на встречу. С утра прополю теткины грядки и уеду. Такси вызову и...

— Я увезу тебя, я на машине, — предложил он, предвидя ответ.

— Знаю, не надо, я не хочу. Спасибо тебе, мой хороший.

— За что?

— За отсветы.

Хелью Ребане

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья! Сегодня многие прозаики испытывают потребность попробовать себя на поэтическом поприще. Но очень трудно решиться на приход к читателю в новом жанре. Даже великим порой это не удавалось. Так, Сергей Есенин, например, старался не афишировать собственное авторство повести и рассказов. А Вадим Кожинов так и не решился напечатать свои талантливые стихотворения.

Но у нас несколько иной случай. Знаменитый эстонский прозаик Хелью Ребане стихи начала писать очень рано. И скорее как раз из ее поэзии родилась редкого психологизма проза, которая так привлекает современных читателей.

Хелью Ребане — автор пяти сборников прозы: Väike kohvik (1985), «Выигрывают все» (1989), «Аристарх и ручная бабочка» (2007), «Город на Альтрусе» (2011), «50 рассказов» (2016) и поэтического сборника «Сон у моря» (2001, издательство журнала «Юность»). В 2014–2015 годах в десяти номерах журнала «Юность» вышла в свет ее повесть «Публичное сокровище». В школьном альманахе Lävel тартуской 5-й средней школы (Эстония) в 12 лет она опубликовала свои первые стихи.

Маски

Настал опасный час.
Они решились маски снять.
И страшно им глаза поднять.
Что обнажилось под обласканною маской?
Сияют ангельские лики
иль дьявольской усмешки торжество?
Под масками
лишь снова маски
странно усмехнулись...

Неловкое

Нет, я все-таки изловлю
этого, очень ловкого, воробья!
В клетку его посажу.
Черным платком накрою.
Прикажу: умри!

Не то — будет хуже.
А тебе я скажу: люблю.
Только ты мне по-прежнему нужен.
Ну пожалуйста!
Улыбнись мне снова!
Видишь — я всё же поймала
это неловкое
слово...

Жёлтое

Жёлтый — цвет измены.

Жёлтые цветы измены
источают
жёлтый, смрадный аромат.
Сочится жёлтое.
Просачивается
сквозь оговорки,
через запахи, запинки
и возвращенья запоздалые домой.
И постепенно
проявляется рисунок на картинке,
как на фотографии портрет,
становится всё ярче и ясней.
И сквозь знакомые черты
вдруг проступает жёлтый лик,
знакомый всем,
но чуждый мне —
то облик
Жёлтого Жуана...

Покрой свою жизнь глазурью

Покрой свою жизнь глазурью.
Из рекламного ролика

Покрой свою жизнь глазурью,
и будешь гарантированно съеден.
А я покрою мою жизнь лазурью.
И пусть ты будешь даже очень беден,
мы все равно с тобой куда-нибудь уедем.
Например, на Лазурный Берег.
Мы с тобою
ляжем пляжем
под алые паруса.
И мы *никогда*
не будем кушать,
говорить,
а главное —
слушать

то,
что
покрыто
глазурью

* * *

Мы пересеклись — две параллельные линии
(в искривленном пространстве, конечно) —
и пережили чувственный взрыв.
А когда пространство починят,
ждет нас неминуемо разрыв...

Любовь

Любовь — всегда вмешательство
в частную жизнь другого.
Преследуешь его мыслью,
звонками
и словом.
Приводишь в замешательство:
«Ведь это — помешательство!
Уйди, ты мне мешаешь —
внезапным появлением.
Вернись! Ты вновь мешаешь
своим исчезновением.
Так ветра дуновением
вдруг гасится свеча.
Глаза, от тьмы отвыкшие,
Не видят никого.
Вернись! Зажги свечу...
И тайно помешательству,
назвавшись одиночеством
вернуться помешай».

Млечный Путь

Я присяду на обочине
Млечного Пути.
Кто-то менее удачливый
молоко пролил, не успел дойти.
Отдохнув,
в кувшине молоко парное
я тебе понесу.
И пройдут тысячелетия, и прейдет Земля.
И забуду я, как зовут меня, и откуда я,
пока Млечный Путь весь пройду.
Не забуду лишь, к кому путь держу,
и в кувшине жар — донесу.

Николай ЖЕЛЕЗНЯК

Продолжение. Начало в № 2 за 2016 год

Чемоданы

Суперсыск-1

Рисунок Эдуарда Дудина

ГЛАВА 4
ПЛЕШИВЫЙ И ЗЕЛЕНЫЙ ДОГОВАРИВАЮТСЯ ОБ ОГРАБЛЕНИИ БАНКА

Солнечный свет полосами прорывался сквозь кремовые вертикальные жалюзи.

В просторной приемной ожидал всего один посетитель. В темно-сером безликом костюме. Этого все же оказалось достаточно для создания особой гнетущей атмосферы, некоего духа присутственного места с тихой вязкой духотой, запертой в четырех стенах. С прямой спиной он сидел на диване, невыразительными глазами изучая картину на противоположной стене. Смотрел он на нее снизу вверх, исподлобья, не поднимая головы, стараясь не менять позы, принятой изначально. На полотне, посредством которого неизвестный художник-модернист пытался выразить истерзанное мироощущение, среди россыпи различно окрашенных геометрических фигур выделялась аморфная желтая клякса. Подумать было над чем.

Рядом с диваном стояли телевизор и тумбочка со стеклянным графином, наполненным до горлышка водой. Сверху висел перевернутый круглый тонкостенный стакан. Большой платяной шкаф, для своих, и рогатая вешалка для одежды посетителей дополняли меблировку. У входной двери отстаивался еще один шкаф, больше похожий на горку для посуды, плотно наполненный папками, книгами и скоросшивателями. Все достаточно стандартно для чиновной приемной.

Казенный пейзаж оживлялся у широкого трехкамерного окна. Там за письменным столом у компьютера сидела Алла на фоне пробившихся наконец к людям света и зелени по ту сторону пыльного стекла. Ее окружал собственный рукотворный мирок из различных безделиц и вещиц, мухами облепивших серый корпус плоского монитора и стол. Стены вокруг нее были увешаны календарями и открытками. Остатки свободного пространства возле рабочего места заполняли те ненужные предметы, которые подчиненные и зависимые люди дарят начальнику или покровителю по различным подобающим случаям и на которые у того не хватило места в своем кабинете. Начальник угадывался за двустворчатой дверью, выпукло обитой дерматином и переполосованной ромбами обойными гвоздями с круглыми декоративными шляпками.

Алла, поддерживая выморочное состояние паралича в работе учреждения, изредка тихо щелкала мышкой, не отрывая глаз от экрана. Это был единственный звук, раздававшийся в кабинете. Ожидающий аудиенции даже не осмеливался ерзать.

Зазвонил телефон. Алла безошибочно выбрала трубку из трех возможных вариантов. Молча послушала невидимого собеседника, положила ее и сообщила деревянному посетителю, что скрытый за дверями Петр Кузьмич просил подойти через часик.

По выражению его лица трудно было определить, обрадовала или огорчила его новость. Но спина его несколько расслабилась.

— Хорошо, Аллочка. Я подойду. Если вдруг вызовут раньше, я у себя, — тихо промолвил чиновник и мягко прикрыл за собой дверь.

Оставшись одна, Алла закинула ногу на ногу, полюбовалась гладкой коленкой в припадке нарциссизма, сняла трубку и отстучала номер, оберегая острые ноготки.

— Светка, привет! Ну ты где, я тебя спрашиваю? Давай сейчас! Обед уже скоро, и у меня все пассажиры разошлись. Давай в «Елы-палы»! Выходи, я уже иду…

На втором этаже торгового центра она задержалась у входа в ресторан, осмотрев себя в огромном зеркале. Слава богу, погода почти наладилась, дождя нет — юбка, разрез, блузка, рюшки, босоножки, наконец. Все очень даже неплохо. Она поправила волосы, придав им объем.

Позади импровизированного плетня с чучелами куриц на верхней жерди демонстративно скучала над выложенными на дощатый стол руками Светка. Молодой кучерявый парень отделился от соседнего столика, подскочив, как на пружинах.

— Садитесь к нам! Тут и вид лучше. — Он весело улыбнулся Алле.

Его сосед тоже заулыбался, пододвигая свободный стул.

Алла, стрельнув глазами и молча оценив порыв кучерявого, прибавила медленный кивок головы, похлопала ресницами и устроилась напротив подруги.

Если не знать Светку, а Алла знала ее с первого класса школы, где они совместно мучились до окончания, можно было бы подумать, что она недовольна… На выбор: опозданием подруги, лаком для ногтей, местом встречи, обслуживанием, будущим вообще. Хотя последним — вряд ли. Так далеко она не заглядывала.

Ее глубоко запрятанный взрывной темперамент скрывался за слегка нахмуренными бровями и полуприкрытыми глазами, которыми она внимательно изучала свои хищные накладные ногти. Картина дополнялась слегка выпяченными губами, что придавало лицу обычную маску легкого утомления и недовольства. Ее расположение желающим требовалось зарабатывать.

— Пятнадцать минут, — вялым голосом сообщила она своим ногтям.

— Свет, я бежала. Ну все как обычно, в последний момент. Как всегда: соедини с тем, соедини с этим… Вечно неймется!

— Ладно, закажи что-нибудь. Я линзы не надела.

Алла приняла меню.

— Я на диете, — выдала последнюю новость Светка.

Подруга махнула рукой и, не глядя в карту, сделала заказ.

— Ребята за соседним столиком, — монотонно произнесла Светка, когда официант в красной с цветочными узорами косоворотке и скрипучих сапогах удалился.

— Да уж заметила, нетрудно было. Перебьются. Хотя моего Крокодила Гену пора и проучить. Все вечера где-то шляется… А ты, я смотрю, прямо настроена уже в «Палках» знакомиться, — засмеялась Алла. — Конкретно!

Светка не поддержала юмора, учитывая серьезность темы, и ответила неопределенным хмыком.

— У меня есть предложение получше. — Алла сделала паузу, завладев вниманием. — В общем, поехали на море!

Медлительная до момента принятия решения, Светка задумчиво сделала несколько движений длинными пальцами и ответила вопросом, не вдаваясь в собственные сомнения:

— А твой?

В ответ Алла сообщила, что собирается это проделать назло строптивому спутнику жизни. Необходимо на недельку вырваться из рутины жизни. Заметила, специально для Светки, что там-то, на горячих югах, выбор будет определенно получше, — пустила, для верности, в бой тяжелую артиллерию.

Она прекрасно знала все болевые точки подруги, повторяющие раскладку атласа эрогенных.

Томная Светка медленно поправила свою прическу. У нее наступил период жгучих вороных волос. Красиво покрашенных. Как она считала. На что и обращала внимание невнимательных.

— Надо отпрашиваться, — флегматично резюмировала она.

Работала Светка менеджером по рекламе в одном из глянцевых журналов для далеко продвинутых женщин. В редакции подобного печатного органа она была на своем месте, томно впаривая клиентам страницы журнала, любая из которых была рекламной площадью. То ли из-за ее обширных и постоянно пополняемых контактов из ухажеров, то ли само по себе так сложилось, — а

журнал был достаточно популярным, —рекламодателей хватало. Отбоя не было. Светка, безусловно, ставила это обстоятельство себе в заслугу, и на работе ее ценили.

— Так в чем же дело?

— А твой этот — ментокрылый мусоршмидт? — вновь погнала волну в адрес подруги Светка.

— Ты глянь, запомнила, а ведь он староват... Или — нет? — подначила Алла. — Кузьмич — душка. Отпустит. Если надо, я из него канат совью.

— Удавишься. Смотри, не увлекайся, — ответила на выпад Светка и, откинув голову назад и тряхнув распущенными волосами, свысока добавила: — А когда и куда?

— Тебе оставить? — продолжила пикировку Алла, имея в виду начальника. — Сейчас уточню у Кузьмича и — в Сочи. Самолетом. Я сегодня погоду смотрела.

— Когда вы только работаете? — вставила Светка.

Она всячески подчеркивала собственную загруженность при любом удобном случае, что не мешало ей постоянно развлекаться.

— Мы тут, в прямом смысле слова, прозябаем, — закончила Алла, оставив замечание без ответа.

Им принесли напитки и две большие тарелки для салатов.

— Пойдем отоваримся, — сказала Алла, и они поднялись.

— Надо бы сбросить пару килограммов...

— Куда? Поздно уже. И потом, тебе так идет. — Алла оценивающе скользнула взглядом по фигуре подруги. — Не заскучаешь!

Светка приподняла бровь и, заведя локон за мочку уха и покачивая бедрами, двинулась на телегу с салатами с тарелкой наперевес. Возвращаясь к столу, Алла позволила не теряющему надежды прыткому соседу отодвинуть стул и усадить ее.

— Смотри, — Светка кивнула в окно, заменяющее наружную стену. — Твой.

Облокотившись о поручень, Алла посмотрела вниз. По широкому мощенному плиткой тротуару сновали частью озабоченные, частью праздные прохожие.

— На стоянке, — скорректировала Светка.

Алла перевела взгляд подальше, за полосу редких молодых кленов — на карман парковки. Возле открытой передней двери стального цвета «мерседеса» стояли Зеленый и какой-то бритоголовый тип. Оба опирались руками о крышу машины.

— Этот уголовник-то на «мерине», — оценила Светка.

— Я и говорю, что шатается где-то постоянно. Хорошо, что с мужиками.

— Ты так считаешь? — протянула Светка язвительно. — Смотрю я, близко друг к другу стоят.

Пропустив удар, Алла ненадолго задумалась.

— Переговоры, наверное, — изрекла она после короткого молчания, в течение которого Светка выжидательно искоса поглядывала на нее.

— А чему он посвящает свой труд?

— Да какие-то водочники из регионов через него работают.

— Опасный бизнес... Сопьется.

— Что ты каркаешь!

— Ты же собралась уезжать? — обозначила удивление Светка.

— На неделю, — отрезала Алла. — На неделю ему будет полезно. Встряхнется немного. А то заработался.

— Это точно, может встряхнуться. В твое отсутствие. В квартиру-то попадешь по возвращении?

— Слушай, я тебе сейчас такую маленькую дырочку, — Алла показала возможные последствия на пальцах, максимально раздвинув указательный и большой, — в голове сделаю. От «Стечкина».

— Ваши ментовские шутки, — слабо прореагировала Светка. — В каких кругах ты вращаешься, — покачала она головой от безысходности.

— Язва ты, — попыталась подвести итог Алла.

— Да, мне палец в рот не клади.

— Да, на пальцы ты не реагируешь, — усмехнулась Алла.

— Какая ты все-таки гадкая... Фу! Ходят все, — продолжила сообщения Светка, не покидающая наблюдательного поста. — Ходят, бродят, на мой... тоску наводят.

— У кого что болит...

— Лысый ничего, колоритен. — Светка пошевелила губами. — Познакомь!

— Я его сама первый раз вижу.

— А ты узнай. Сделай для подруги, лучшей, доброе дело.

— Приедем — узнаю.

— Ну-ну. Я не забуду. Твердо решила?

— Это ты точно не забудешь.

— В машину сели, — прокомментировала Светка.

Алла задумчиво посмотрела в окно. Зеленого ей видно не было. Лысый повернулся к собеседнику вполоборота и закрыл обзор.

Светкин вопрос о том, что она придумала сказать насчет поездки своему, вернул Аллу к действительности.

— Поругаюсь. Все к тому идет.

— Ну что ж. Отдых может удаться. — Светка поводила плечами, словно разминаясь перед схваткой.

Пытаясь скрывать безотчетную настороженность, Зеленый тем не менее постоянно затравленно озирался, интуитивно ощущая на себе чей-то пристальный и заинтересованный взгляд. Но людской поток тек мимо по свои повседневным нуждам. Фланировавших в толпе каменного Коротких и ртутного Брюховца в кепке набекрень он в лицо не знал. Внимательнее он присмотрелся к наряду полиции, неприкаянно бродившему поодаль, но сотрудники правоохранительных органов явно маялись по прямым обязанностям общественной безопасности. Плешивый же приписывал его заметную нервозность состоянию стресса перед серьезным событием.

— Завтра в девять утра будут подвозить? Это точно? — переспросил он.

— В зале в это время обычно мало народу, — сказал Зеленый, стряхнув с себя паутину. — Главное — внезапность.

— Машина уедет сразу? — спросил для проформы Плешивый.

Он задумчиво водил пальцем по схеме банка, развернутой у него на коленях.

— Да. Их дело — сдать деньги... Брать надо внутри, когда понесут в хранилище. Это через весь операзал. Вот сюда. — Зеленый показал заштрихованный прямоугольник на бумаге.

— Заносить будут в эту дверь? С фасада? — Плешивый остановил палец и, подняв голову, бросил взгляд через ветровое стекло на предполагавшийся к грабежу банк.

— Нет, сзади. Через эти двери нам надо идти. Видишь, стекла тонированные. Двойные. И тамбур. Так что снаружи ничего не будет видно. — Оба смотрели на вход в безмятежное кредитное учреждение. — Может, зайти, как считаешь?

— Нет, не надо. Лишний раз не будем светиться. Охранник один на входе?

— Да. Правда, тревожная кнопка у операционисток и в кассе, так что брать надо быстро.

— Да... Надо бы втроем идти... Третий нужен. — Плешивый воззрился на подельника. — Кто в машине останется?

— Рискнем! Другой случай может не представиться. Ребята волнуются. А машину можно оставить вон там. — Зеленый махнул рукой в конец квартала.

— Далековато. Прохожих много будет. Хотя это и к лучшему. Легче будет затеряться.

— Опасно, конечно, но не на стоянке же оставлять.

— Это верно, — согласился Плешивый и оглянулся на опущенный сзади шлагбаум.

— Дело стоящее. Три миллиона, — сказал Зеленый и пополировал заостренный кончик носа.

Плешивый внимательно посмотрел на него.

— Я помню. Схема соответствует? В смысле точности...

— Ребята срисовали, — уверенно сказал Зеленый.

— Их доля — на тебе, — напомнил Плешивый. — И чтоб вели себя хорошо. Без импровизаций.

— Как договорились, — развел руками Зеленый.

На том и расстались с подельником.

Дальнейшая судьба определилась точнее, так что Зеленого закрутило в круговерти предотъездных хлопот. После трудового дня он хоть и поторопился домой в надежде на восстановление порушенных мостов к сердцу своей прекрасной дамы, но очередной вечер проходил по заданной ею недавно программе.

Усилия по налаживанию отношений продолжались уже около получаса. Без видимого успеха. Зеленый все тридцать минут заходил с разных сторон, увиваясь, как кот, вокруг банки с недоступной, но очень желанной сметаной.

Объект его направленных усилий сидел с ногами на диване. На коленях у него лежал раскрытый свежий номер красочного журнала, в котором подвизалась стервозная Светка. Алла курила, выпуская дым в сторону. Сверху над ней склонился Зеленый, пытаясь заглянуть ей в лицо, скрытое упавшей челкой.

— Свежие сплетни с элементами никотина, — пошутил он, посмотрев на Аллины пальцы с отставленной в сторону тонкой сигаретой, которыми она с треском листала страницы журнала.

Шутка не прошла.

Малоубедительным тоном Зеленый не очень успешно убеждал себя в том, что скоро это дело закончится. Совсем скоро... И продолжил убеждение окружающих, почти искренне сожалея, что пока так получается, и не со всеми можно встретиться днем, ты же знаешь... И так далее...

— Ты и днем очень занят, — процедила Алла, озаботив телевизор сменой каналов. — Тебе как ни позвонишь, у тебя телефон выключен или недоступен.

— Я же на метро сейчас езжу. Ты же знаешь, машину в ремонт отогнал, — попытался оскорбиться Зеленый.

— Ездить надо спокойнее. Я тебе всегда говорила.

— Мы это уже обсуждали. Давай не будем! — Зеленый примирительно положил в очередной раз руку на плечо Аллы и погладил пальцами шею с выпиравшим позвонком.

— Тебя Светка видела днем с каким-то педиком лысым. Не закрывай мне свет! Не нависай! — Алла убрала руку с плеча, передернув им, как от электрического разряда.

— Странно тогда, что она обратила на него внимание, — отметил Зеленый, восстанавливая статус-кво на плече. — Это клиент. Я и вечером с ним встречался.

— Остался бы с ним ночевать.

— Очень смешно. — Зеленый вздохнул, выпрямился, потоптался немного и поплелся размышлять в ванную, но задержался в дверях, опершись плечом о косяк. — Я, между прочим, деньги зарабатываю. В том числе и на отпуск.

— Когда только? На пенсию ты зарабатываешь... Езжай с этим лысым! — предложила Алла, не представляя, насколько она близка к истине. — Отдохнете.

— Понесло... — Зеленый опять вздохнул. — Ну подожди чуть-чуть. Чуть-чуть! Не могу я сейчас.

— Что, занят он? — вставила Алла, шумно перевернув очередной лист.

Как заученную мантру, Зеленый повторил обещание скоро освободиться. Алла откинула журнал на диван и, подняв колени, уперла в них подбородок.

— Не освободишься, а откинешься ты скоро. А может, и не скоро... Смотря сколько дадут... С бизнесом твоим. Сама поеду тогда. Светка вон зовет. Путевка горящая пропадает.

Зеленый постоял, потолкал косяк плечом и пошел под душ.

Потушив сигарету, Алла закусила губу. Вообще, кто он такой? Разобраться бы не мешало. Что она о нем знает? Три месяца, два уже, правда, они живут вместе, и что? Недавно в Москве, а квартира уже есть... Ходит, как кот, где-то. С какими-то темными личностями общается. Деньги вроде немалые имеет. Она подспудно ощущала, что за кипучей деятельностью друга, как за двойным дном, что-то скрывается.

Посидев еще немного, она прислушалась к шуршащему шуму воды и решительно поднялась. Она решила попробовать раскачать скользкого Гену. Машинально оправила халатик, встряхнула головой и пошла в ванную. Открыв дверь, она сбросила его под ноги.

— К вам можно?

— Нет — нужно! — Зеленый отодвинул пластиковую штору и расплылся в улыбке, помогая ей забраться внутрь. Тесно прижавшись, они постояли под теплыми тугими струями.

Усталые, лежа в постели, также прижавшись, они закурили. Телевизор продолжал работать, неся свою вахту.

Зеленый поставил себе на грудь пепельницу.

— Смотри не промахнись, — пошутил он.

Алла устрашающе улыбнулась.

— Поставь пониже. Пытать сейчас буду. — Она подняла руку и направила сигарету горящим концом вниз, целя в Зеленого. — Кем ты работаешь? Не напрягайся, я все знаю. — Алла начала перебирать жидкие мокрые пряди волос Зеленого. — Будем говорить? Или в молчанку играть будем?

— Алла!

— Что Алла?! — Она с усилием затушила сигарету в пепельнице. — Слушай, ты хоть бы образцы этой своей водки принес, показал, что ли. Хотя бы раз!

— Ты же не пьешь ее! — Зеленый попытался взглянуть Алле в глаза, свернув шею.

Алла помогла ему, внимательно осматривая его лицо.

— С тобой начнешь, — наконец ответила она.

— А что, может, выпьем?! — Зеленый поцеловал Аллино ушко.

— Нет. Так где же ты работаешь?

— Ты же знаешь, что нигде, официально. Пока. Зачем мне это?

— Значит, не хочешь говорить? Запираться будем?

Зеленый переставил пепельницу на пол и, подскочив, начал хождение вокруг монументальной кровати. На манер задумчивой птицы-секретаря. Алла наблюдала искоса.

— Это тебя опять мама накрутила? — Зеленый остановился, потрепал волосы, сходил в ванную за полотенцем и начал энергично их вытирать, заполняя паузу. — Штамп в трудовой, штамп в паспорте. Да? — продолжил он, не дождавшись ответа.

— Ну, штамп бы тоже не помешал.

— Какой?

— В трудовой, Гена, в трудовой. Нужен ты мне, паспорт марать об тебя.

Зеленый прекратил тереть волосы и, отшвырнув полотенце, уселся на краю кровати.

— Я буду спать, — упредила его Алла и отвернулась к стене. — Погаси свет! И думай.

Зеленый нашарил под кроватью лохматую пыльную книгу. Перейдя в зал, он включил торшер и погрузился в кресло.

Алла прислушалась. К музыкальному центру он не подошел. Но зато, добавив пищи к размышлениям, раздался звонок.

Отдыхать после трудового дня Зеленому не пришлось: вызвал на встречу Валера. Который зачем-то повозил пассажира на своем такси по центру, пока не припарковал у тротуара на желтой зигзагообразной линии пустой в этот поздний час автобусной остановки возле подземного перехода. Фары погасли. Напротив, через дорогу, подсвеченная навесными фонарями на выдающихся вперед штангах, обозначилась вывеска «Второго постиндустриального банка». Клубы по различным интересам располагались чуть дальше, брызгая завлекающими огнями.

К машине вразвалку двинулся патрульный работник дорожной инспекции, накручивая полосатый жезл вокруг указательного пальца выверенными движениями руки. В ответ на его выпад такси замигало аварийными огнями. В салоне, освещенные светом вечерней иллюминации, сидели Валера и Зеленый. Оба закурили. Валера опустил стекло пониже, поджидая надвигающегося гибэдэдэшника.

Страж порядка и безопасности движения подошел к машине со стороны водителя и скороговоркой неразборчиво доложился. Из всего сказанного внятно было произнесено что-то о каком-то батальоне и документах.

— Сержант, я пассажира высаживаю, — ответил Валера.

Патрульный, выпущенный на подножный корм, был не в силах легко отказаться от кровных и более настойчиво потребовал документы, поведав о режимности правительственной трассы. Валера послушал его и показал краснокожее удостоверение. Сержант козырнул и несолоно хлебавши удалился, похлопывая полосатым жезлом о ладонь.

Валера выпустил дым ему вслед и повернулся к Зеленому:

— У нас в молодости говорили: «Мент гаишнику не кент». Ходят, деньги сшибают, пока мы с преступностью боремся, — подосадовал он. — Плешивый согласен? Не сорвется? — спросил он, ностальгические нотки в его голосе пропали.

— Можешь доложить шефу.

— Доложил уже.

— Разговора «о потом» не было еще?

— Нет. Так, вскользь упомянул.

— Надо поговорить.

— Поговорим. Сначала отвези меня домой.

Валера дернул щекой, уставился на огонек сигареты и отстрелял фразу:

— Скоро выборы. Весной. Городские... И в управу районную. В Бубырево.

Зеленый наклонил голову, выказав внимание.

— Нужен успех, — продолжил Валера. — То есть нужен Плешивый и его связи. Но главное... Нужен Дикобраз. Он нужен до выборов.

— В каком смысле? Он что — мешает волеизъявлению граждан?

Валера видимым образом не прореагировал. Или прореагировал. Он медленно повернул голову в сторону звуковых колебаний.

— Он решил, что он может поддерживать тех, кого считает нужным. Он должен понять, что так не бывает. Задача стоит так. Поставлена. Ясно? Материал на него нужен. В том числе от тебя.

— Ты хочешь сказать, что нас с Плешивым поймают, а организацию ограбления припишут Дикобразу? — Зеленый поерзал.

— Нет. Это неправдоподобно. И — мелко. Пристегнем Плешивого к нему. Попробуем наворотить побольше... Твоя задача — держаться возле Плешивого. Он должен вывести... Необходима четкая связь между Дикобразом и криминалом. То есть с Плешивым, в частности. Наверху принято решение убить двух зайцев. — Валера хмыкнул с присвистом и щелчком отстрелил окурок в окно.

— А ему сообщили, что он должен?

— Не понял? — с легкой угрозой произнес Валера. — По-моему, я тебе ясно объяснил все? Надеюсь, ты понял. И понял, откуда поставлена задача, кем? — Валера издал вопросительный звук.

Зеленый промолчал.

«Вылупился, как сыч», — подумал он.

Валера довернул голову, посмотрев в упор.

— Да. Я все понял. Сделаю все, что смогу.

— Не так, — веско изрек Валера.

— Я понял. Все сделаю.

Валера едва заметно удовлетворительно кивнул:

— Домой я тебя отвезти не смогу.

— Зачем тогда сюда привез? Не мог раньше сказать?

— У меня здесь клиент. Более дрожжевой, чем ты. От тебя чаевых не дождешься. Может, потом частью поделишься? А? Много, поди, вам будет на двоих? — Валера, не мигая, смотрел на Зеленого.

— Ты говоришь о премии? — усмехнулся Зеленый.

— Нет.

Они боролись взглядами. Валера победил, и Зеленый перешел на осмотр окрестных достопримечательностей.

— Ты, парень, помни, на чьи деньги жируешь. — Валера угрожающе навис над Зеленым. — Срастаешься с преступностью? На казенные деньги...

— Не на твои ведь.

— Считай, что на мои. Фонды я распределяю. По этой операции.

— Ладно, я пошел, — сломался Зеленый. — Пока.

— Себя береги!

Зеленый вылез из машины, захлопнул дверь и, уже направляясь к метро, пробормотал в тихом бешенстве:

— Варела, чертов.

ГЛАВА 5
ОГРАБЛЕНИЕ ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ

Утро ознаменовалось просветами в уходящих на восток тучах.

Прохожие повеселели, бодро перепрыгивая просыхающие на ветру лужи. Оставалось надеяться, что запоют птицы, но их просто не было. Каменные многоэтажки центра выдавили их в редкие островки еще не застроенной парковой зелени. Даже голуби куда-то подевались. Остались вороны. Они сосредоточенно потрошили целлофановые пакеты с мусором около грязно-салатных контейнеров на колесиках, которые подравнялись вдоль кирпичной стены здания «Второго постиндустриального банка», невдалеке от задней двери. На пешеходов и окружающую суету пробудившегося города вороны внимания не обращали. Несколько товарок, важно вышагивая и поблескивая боевыми клювами, патрулировали артельную территорию кормления. В зону их ответственности входила и небольшая стоянка для машин сотрудников банка. Огороженная низкой металлической оградой из прутьев, она оберегалась будкой охраны, похожей с виду на полевой сортир. За тонированными стеклами охранника видно не было.

Плешивый расположился неподалеку на лавочке в небольшом, вытоптанном до полного отсутствия травы палисаднике у единственного подъезда старого жилого дома. Он наблюдал за окружающей обстановкой. Сидел он уже около получаса, и вороны начали недоверчиво поглядывать в его сторону. Беспокоились за добычу. На бомжа он не был похож, но конкуренцию вороны интуитивно чувствовали.

В очередной раз почесав парик, Плешивый убедился, что он на месте. Шкиперская борода держалась лучше и вызывала меньше беспокойства.

Проехал грязно-желтый бронированный фургон с зеленой полосой и оранжевыми проблесковыми фонарями на крыше. Плешивый проследил, как машина остановилась у служебного входа в банк. Запахнув широкий светло-коричневый плащ, он пошел через узкий проход между высотными зданиями на улицу к главному входу. В арке, как в аэродинамической трубе, дул ветер, закручивая мусор в углублении стены. Пришлось беспрерывно почесываться, фиксируя парик.

Пожилой охранник в черной форменной одежде сидел за столом у входа и читал книгу. Плешивый прошел в операционный зал и направился к стеклянной, подкрепленной снизу деревянным барьером перегородке, отделяющей клиентов от работников банка.

Девушка опередила его:

— Здравствуйте. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Плешивый усмехнулся:

— Доброе утро. Можете. Если сможете.

Девушка усилила нажим на улыбку. Похоже, ее заработная плата каким-то образом зависела от клиентов.

— Могу я обменять доллары на евро? — спросил Плешивый и на всякий случай осторожно почесал голову.

Девушка радостно подтвердила возможность исполнения желаний.

Плешивый оглянулся, осматривая зал. Зеленый сидел у стенда с образцами каких-то документов и сосредоточенно шевелил губами. Он заполнял маленький бланк, манипулируя привязанной к столу шариковой ручкой. В другой руке он напряженно сжимал мобильный телефон. Растительностью на лице он тоже обзавелся.

Двое служащих банка в военизированной униформе — коротышка и дылда — появились из внутреннего коридора. Миновав барьер, они направились к центру зала, где находилась лестница, ведущая к хранилищу в подвале. Коротышка изогнулся дугой. Он надрывался, неся что-то вроде железного чемодана. Ноша была явно тяжела для него. Дылда выступал немного позади, взглядом гипнотизируя чемодан. Спуска в хранилище Плешивый видеть не мог из-за колонны, которая закрывала обзор.

Плешивый повернулся к девушке и просунул пачку долларов, перетянутых резинкой, в просвет под стеклом.

— В крупных купюрах, пожалуйста.

Положив телефон в карман, Зеленый поднял воротник пиджака, надвинул на глаза кепку и встал, сжимая бланк в руке. Двигаясь к стойке, он осматривал стену, обильно засеянную листками с разнообразной информацией, и как бы по рассеянности натолкнулся на коротышку, наступив ему на ногу. Выйдя навстречу друг другу из пункта А и пункта Б, они сошлись у лестницы,

ведущей в хранилище, где случилась точка пересечения.

Коротышка хотя и ожидал чего-то подобного, но тем не менее охнул от неожиданности и облегченно уронил чемодан. Он вцепился обеими руками в перила, ограждающие лестницу и, картинно сползая вниз, растянулся на полу у парапета. Зеленый вытащил из недр пиджака пистолет и резко нагнулся к чемодану. Его ручка была еще теплой от усилий инкассатора.

Дылда вышел из оцепенения и неуверенным движением нащупал пистолет, притороченный к поясу. Приняв боевую стойку с раздвинутыми ногами, он слегка присел, чтобы не стрелять выше цели, и в упор несколько раз разрядил пистолет в спину Зеленого. Тот невозмутимо выпрямился — вес он взял на пределе — и начал, вихляя, двигаться по направлению к выходу, оберегаемому побледневшим охранником. Судя по выражению его искаженного лица, это была дорога жизни. Дылда пальнул ему вдогонку еще несколько раз. Потом озабоченно осмотрел пистолет, заглянул внутрь ствола, даже дунул туда и бросил взгляд на удаляющегося Зеленого в неповрежденном пиджаке. Зеленый, балансируя чемоданом, не оборачиваясь, выстрелил назад, и дылда выронил изучаемый пистолет. Застонав, он скорчился и рухнул как подкошенный.

Сквозь пороховой дым Плешивый разглядел, что пожилой охранник у входа не захотел идти вторым номером и поднял руки вверх, пропуская Зеленого. Тогда Плешивый достал из-под полы плаща короткоствольный автомат и крикнул:

— Всем ни с места! Все — на пол! — и повел автоматом в стороны. — Живо!

Несколько человек по обе стороны стойки, доселе безучастно наблюдавших за происходящим на их глазах ограблением, послушно повалились на пол. Охранник, перенервничав, упал первым.

В этот момент в зал заскочили два парня в черных масках с прорезями для глаз. Новые посетители, видимо, потенциальные вкладчики, сжимали в руках автоматы.

Они посмотрели на бездыханных инкассаторов, охранника, лежащую вповалку клиентуру и Плешивого с аналогичным оружием. Один вновь прибывших сказал, оборачиваясь к кому-то невидимому за непрозрачной дверью:

— Здесь уже занято!

— Пошли дальше, — пробасил некий третий за дверью в ответ. — Опять прозевали!

— Что значит — опять? Кто так наводит?! — заорал второй из пары, бывшей в зале. — Кто?! — Он тоже обернулся назад к невидимому сообщнику. — Чьи люди, мля?! Твои, пидор?

— Его, — ответили из тамбура, переводя стрелки на соседа.

Неудачливые налетчики, распаленные разборкой, вышли. Из-за двери донеслись звуки короткой стычки без применения огнестрельного оружия.

Плешивый поколебался и шагнул от стойки, но вовремя одумался.

— Деньги гони! — обратился он к улыбчивой девушке-операционистке, пытаясь разглядеть ее под барьером.

Та высунулась из-за рабочего стола, натянуто улыбнулась и передала ему пачку евро. Плешивый звякнул дулом автомата о прилавок. Девушка помедлила и положила сверху доллары.

— Хороший курс сегодня, — оценил обменную операцию Плешивый.

После столь удачной сделки он, держа под прицелом зал, выскочил из банка и, размахивая автоматом, побежал к машине. По пути он обогнал Зеленого, который стремился в том же направлении, согнувшись под тяжестью чемодана. Лицо его было красным от натуги. Он изучал стыки тротуарной плитки.

Внезапно из банка раздался приглушенный вой сирены, и изо всех подворотен к нему понеслись милиционеры.

Одному из них Зеленый, не поднимая головы, судорожно махнул на ходу свободной рукой.

— Никого не выпускать! Оцепить здание! — донеслось до подельников.

Плешивый кинул автомат на заднее сиденье, подождал шатающегося Зеленого и помог тому поместить чемодан в багажник.

— Там менты, — показал большим пальцем назад Плешивый.

— Да, — констатировал этот факт Зеленый. — Да?! Дергаем тогда!

— Ага. — Плешивый захлопнул багажник, и они сели в машину. — Заедем только заправиться. Здесь недалеко.

Несколько прохожих из мгновенно сформировавшейся толпы показало им вслед пальцами. Зевак оттесняла развернутая цепь форменных милиционеров, деловито разматывающих ярко-желтую ленту, ограничивая место преступления. В пределах загона, маркированного лентой, расхаживали несколько человек в штатском и озабоченно разглядывали землю. Один из них, а именно матерый криминалист Палыч, нагнулся, поднял окурок и, внимательно осмотрев его, аккуратно поместил в предупредительно развер-

нутый Петей с ехидной улыбкой целлофановый пакетик. Коллеги-полицейские многозначительно переглянулись. Палыч даже удовлетворенно крякнул.

— Они туда побежали, — с болью в голосе проговорил лысый управляющий филиалом банка в смешном костюме в крупную клетку и обвел взглядом обступивших его полицейских.

— Разберемся! Найдут, — успокоил управляющего, видимо, старший, не удостоив его взглядом.

Перемещался он, выпячивая обширную грудь, стянутую мундиром, как корсетом, стараясь хотя бы уравнять ее в вертикальной плоскости с огромным животом. Проделывая это усилие, он слегка заводил руки назад, так что создавалось впечатление, будто он привык к тому, что его часто водили под руки.

С противоположной стороны улицы из своего такси за происходящим следил скрытный Валера, мысленно костеря жирного старшего — Кириллыча, который на подготовленной Валериным отделом почве рулил, плюсуя для своего отдела дополнительные очки в извечной борьбе подразделений за выслугу перед начальством. Разработка была связана с наркотиками, так что пришлось допустить самодовольного Кириллыча к потенциально золотоносному, в плане наград и прочих благ, делу.

— Рулеткой перемерь! — обратился пузатый Кириллыч, с удовольствием командуя птенцами Валериного гнезда, к Леве, аистом вышагивающему вдоль тротуара в пределах запретной зоны, ограниченной лентой.

— Ну куда он пошел?! — простонал, воздев руки, управляющий.

На ступени перед входом в банк высыпал персонал. Прохожие, продолжающие идти по своим делам, обходили место событий по газону.

На носилках, под управлением четырех полицейских, пронесли недвижимых коротышку и дылду. Оба приоткрыли глаза и, оценив обстановку, вновь закрыли их.

Передача тел гражданским лицам состоялась за пределами периметра. Там, у кареты скорой помощи, переминались дюжие медбратья, напоминающие костоломов.

— К нам пусть везут! — скомандовал Кириллыч, потирая руки.

— В морг, так в морг, — прокомментировал на ходу трудолюбивый аист Лева.

Теперь он двигался удлиненными до метра шагами в сторону дороги — рулетки у него не было. Через минуту старательный аист-землемер вернулся обратно с тремя черными масками. Он натянул одну на руку и продемонстрировал, проткнув пальцами, прорези для глаз.

Кириллыч, покачиваясь на каблуках, покивал.

— Голова, Лева. Дом советов! Где нашел?

— В кустах. За пределами зоны, — подчеркнул веско Лева.

— Отлично. Расширить поиски! — скомандовал Кириллыч. — Приобщи!

— Они без масок были, — попытался привлечь внимание управляющий. — И потом — их двое было. Извините, как вас по званию? Один был с бородой, другой — в кепке. И тоже с бородой.

— А маски?

— Масок не было…

— А это что? Вы лично их видели? И потом, откуда вы знаете, что их было двое? Откуда сведения? — Кириллыч подозрительно уставился на управляющего. — А может, их ждал третий?

— Маски… — пролепетал управляющий. — Но масок ведь не было. Я как раз в зал выходил, — уже неувереннее сказал он.

— Так, свободен. Пока… — И управляющего слегка подвинули к ступеням усердные полицейские из охранения.

— Как резинка от трусов, — конкретизировал Палыч. — Кириллыч, обрати внимание, — сказал он, слегка тронув старшего за локоть.

К ним подошел собиратель окурков Петя. Кириллыч оживился. Он отвел одну руку чуть дальше назад, и Палыч вложил в нее лупу.

Окурок рассмотрели по очереди.

— С ними была женщина? — обратился через плечо к управляющему Кириллыч.

— Нет. А что?

Троица снисходительно переглянулась.

— На окурке следы помады.

— Надо спросить у людей, — предложил управляющий. — Но ведь здесь улица и может быть много мусора, — спохватился он.

— Спросим, — заверил Кириллыч, санкционировав помещение окурка обратно в пакетик. Что было исполнено Палычем со всей осторожностью. — Так, народ — в помещение! — скомандовал Кириллыч, отслеживая криминалистическую процедуру.

Охранение азартно принялось загонять персонал внутрь. Не минула чаша сия и управляющего.

— Надо же догонять! — пытаясь упираться, сделал он очередное предложение.

— Всему свое время, — философски обронил Кириллыч. — Сфотографируй все, Палыч.

Во исполнение указания криминалист извлек мобильный телефон и принялся за работу.

— Но надо же быстрее! — продолжил назойливый управляющий в дверях и поднялся на цыпочки, пытаясь бросить взгляд поверх милиционеров. Его оттесняли внутрь. — Быстрее! Надо же выслать погоню! Вы же милиция или где?

Старший по расследованию злобно уставился поверх родных сизых фуражек. Управляющий отчаянно пытался закрепиться на последнем рубеже у входа в свой филиал.

— Так. Кто его выпустил? Снять у него отпечатки пальцев. Палыч!

— О-о-о, — простонал ничего не понимающий управляющий, и его накрыло серой волной мундиров.

— Так, план «Перехват», — сквозь зубы проговорил в рацию Кириллыч.

— В работе, — донеслось оттуда, перемежаемое грозовыми раскатами.

Кириллыч поморщился, отдалил чуть рацию от уха и бросил:

— Продолжайте!

Мимо белого с синей полосой милицейского патрульного «фольксвагена», припаркованного во втором ряду у съезда на Бульварное кольцо, пронесся стальной «мерседес». Автомобиль с визгом свернул на бульвар, распугав пешеходов на «зебре».

Сидящий за рулем Коротких достал рацию, постучал ею для профилактики о приборную доску, послушал в ней чего-то и передал внутрь по инстанции:

— Шеф, все в порядке!

— Действуйте! — последовала исчерпывающая инструкция.

Через некоторое время «мерседес» пронесся вновь, свернув направо. Видно было, как Зеленый в машине показывал пальцем прямо.

Коротких опять постучал ударопрочной рацией о приборную доску, вслушался в нее, как в морскую раковину, и с усталым лицом передал ее напарнику. Брюховец хрястнул рацию с размаха о каску, которую держал на коленях, и, победно улыбаясь, возвратил устройство связи.

— Все нормально, шеф! — смог доложить после экзекуции Коротких.

Когда через какое-то время «мерседес» еще раз проскрипел тормозами, сворачивая мимо патруля, Коротких только пожал плечами и посмотрел, ища поддержки, на Брюховца. Рацию он подбрасывал на ладони, словно обдумывая, куда ею приложиться.

ГЛАВА 6
СТРУКТУРЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Начальник всегородского Управления по борьбе с организованной преступностью города Мужиков сидел в своем кабинете на Петровке. Тяжелая темная мебель, ряды стульев вдоль боковых стен. Высокое кресло Мужикова нависало над огромным т-образным столом на фоне карты Москвы, расположенной под гербом города и портретом градоначальника. Боковые панели кабинета, все без остатка, были оккупированы плакатами с графиками, диаграммами и чем-то вроде стенных газет.

Подчиненные, злословя в курилках, называли эту наскальную живопись кривыми повышения удоев.

Крупная, с глубокими залысинами голова Мужикова дополнялась огромными ушами, широким фронтом обороняющими фланги. Эта похожая на спутник конструкция, свысока оглядывая местность локатором, поворачивалась от одного посетителя к другому, бегающими глазками сканируя их лица.

По бокам стола для заседаний, напротив начальника, сидели угрюмый Валера и довольный Кириллыч, вернувшиеся с успешно отработанного места преступления. Как Валера ни торопился, первым у начальства ему не удалось быть. Мигалка на такси у него не стояла.

Мужиков коротко улыбнулся, обозначая окончание доклада.

— Отлично! Отлично! — Он потер руки. — Значит, состоялось, Кириллыч? — обратился он к старшему на выезде.

— Оторвались, Семен Януариевич, — ответил тот. — Люди доложились.

— Так-так. Валера, какие планы? — Голова Мужикова обратилась к псевдотаксисту.

— Зеленый работает нацеленно, Семен Януариевич. Я с ним все проработал. Работа по связям Плешивого, выход на Дикобраза.

— Так-так, отлично. А этот Зеленый твой, он что — новичок? Как фамилия?

— Да, в общем-то, новичок. Фамилия его — Махонин.

Валера неведомо откуда извлек коричневую папку из кожзаменителя с растрепанными ботиночными тесемками в тон, но доложился, не заглядывая внутрь.

— Взяли мы его почти год назад из Волгограда. Собственно, в перспективе под это самое

дело. Я имею в виду — выборы... Сейчас задействовали. На связи он со мной. Молод, но достаточно сообразителен. Окончил там Высшую школу милиции.

— Идиот, — веско добавил Кириллыч, не глядя на Валеру.

— Значит, куют кадры еще, — невпопад поразмыслил Мужиков.

— Может, и идиот, — подтвердил Валера, — но тут такого достаточно. Его задача — быть рядом с Плешивым, войти в контакт и докладывать. Все! — сообщил Валера Кириллычу и воззрился на него, набычившись. — С этой задачей он справится. Остальное — наша забота.

— Да-да, Кириллыч. Не гони волну! Этого достаточно, — успокоил Мужиков, гася постоянную ревность подразделений. — Вопросы будем решать по мере их поступления. Их и так много ставят. Мозгов много не надо. Много думать не есть хорошо. Здесь... И так рискуем. Мы, подчеркиваю, рискуем. Задачи ставить легче. Так вот! — закончил он туманную для непосвященных тираду, хлопнул ладошкой по столу и еще раз пробежался пронизывающим взглядом по подчиненным.

Народ безмолвствовал.

— Выборы скоро уже. Успеем ли? — не унимался Кириллыч. — Я в этом смысле.

— Не беспокойся, — ответствовал Валера. — Здесь уже мы будем работать. — И он криво усмехнулся, акцентируя слово «мы».

— Как этот Зеленый? — отвлек его Мужиков. — Деньги, кстати, большие.

— Никуда не денется от нас, — заверил Валера. — Что касается денег, то еще раз повторю, — Валера зыркнул на Кириллыча, — на меньшую сумму Плешивый не пошел бы. Семен Януариевич, крючков хватает. Держим крепко. Я по нему давно работаю. Все будет хорошо!

— Вот и отлично. Вообще, — Мужиков почесал кадык, — этот Плешивый — крупная птица. Все так говорят... У нас в управлении.

— Может, взять надо было? — с отсутствующим видом промолвил Кириллыч.

Валера напрягся. Мужиков вздохнул и показал на красочную диаграмму в ближайшем к столу простенке.

— Ты лучше о проценте раскрываемости думай. На круг! Голова с нас головы снимет. — Все посмотрели на картину, изображавшую главу города на заседании партхозактива. — Знаешь ведь, какая обстановка. Терроризм еще этот. Что он, — Мужиков погрозил слегка пальцем, — Великому и Ужасному скажет? — и обратил внимание на неизменно строгий портрет, интимно пристроенный на боковом столике за обоймой телефонных аппаратов. — В общем, о проценте думай, — подвел итог отповеди Мужиков.

— Да как, если не брать? — погоревал напоследок Кириллыч.

— Потом больше возьмем.

Дверь в кабинет тихо приоткрылась. Из-за нее показалась подобострастная голова помощника с зализанными на лоб волосами.

— Товарищ генерал, вас вызывает Петр Кузьмич.

— Ого, так скоро! Ну что ж. Машину к подъезду! — приказал Мужиков голове, и она скрылась. — Посмотрим еще разок, — с предвкушением сказал он.

Выбравшись из кресла, он перестал возвышаться над Валерой с Кириллычем, и оказался невысокого роста. Прытко подбежав к схеме банка, вывешенной на стене, он осведомился, показывая на красные крестики, нанесенные на план:

— Доказательств достаточно?

— Да, Семен Януариевич, все собрали, — ответил Кириллыч, еще более выпятив грудь, и глянул на Валеру. — Готовились!

Они обступили Мужикова сзади.

— Ребята Вареника приходили после втроем, — продолжил рапорт Кириллыч.

— Так-так, — заметно любуясь чертежом, ответствовал Мужиков. — Утечка? — обеспокоился он вдруг.

— Нет, не думаю. Ходят они везде.

— А...

— Наследили они там, в масках. Подали их в розыск, — доложил Кириллыч.

— А то их раньше не искали, — съехидничал Валера.

Мужиков оглянулся на него:

— А кто их ведет?

Валера понял, что перегнул, слегка потупился и короткими движениями рук и головы вернулся в поле корпоративной солидарности.

— Ладно, — одобрил Мужиков, прищурив один глаз. — Беда прямо с вами. Пошли! Надо доложиться. Если что — выходите звонком!

Пересекая приемную, они обросли клевретами. В коридоре Валеру ожидали Коротких и еще несколько подчиненных. Рядом отирался засмоктанный помощник с папкой красного цвета, на которой читалась золотистого тиснения надпись «На доклад».

Мужиков остановился, обращаясь к помощнику:

— Где машина?

— У подъезда, — ответил Коротких, широко улыбнулся и попытался спрятать руки за спину.

Мужиков жестом выдал указание Коротких сопровождать его, резко развернулся к сгрудившимся позади Кириллычу и Валере со товарищи. Он поднял правую руку перед прощальной напутственной речью. Но тут его лицо на короткое мгновение застыло, чтобы исказиться угрожающей гримасой.

Он выбросил указательный палец вперед по направлению к двери в собственную приемную. Соратники несколько отпрянули и расступились. Помощник разместился в задних рядах. В центре внимания оказалась новая латунная табличка у дверей в кабинет.

— Кто это ваял, я спрашиваю? — продолжая указывать на табличку, осведомился стальным голосом Мужиков.

Табличка гласила: «Начальник Управления по организованной борьбе с преступностью».

Расшевелить никого не удалось.

Мужиков буйствовал в течение всего пути к машине по коридорам управления. Свита проводила начальство до лифта. Потом еще некоторое время прислушивалась к воплям из спускающейся кабины, которые пришлось принять на себя Коротких.

Во дворе Мужиков погрузился в черный представительский автомобиль, украшенный голубыми номерными знаками, синей и красной мигалками, штандартом цветов государственного флага на ветровом стекле и увешанный антеннами, как еж. Коротких, повинуясь отмашке, проследовал в джип сопровождения.

До мэрии донеслись быстро, раздвигая волнами потоки машин от осевой.

Дверь в приемную Петра Кузьмича отворилась, и на пороге появился Мужиков под конвоем Коротких.

Алла поднялась из кресла, откинула легким движением ладони прядь волос и проворковала:

— Семен Януариевич, мое почтение. — Она вышла из-за стола. — Прошу вас, проходите, Петр Кузьмич ждет вас! Товарищ генерал тоже скоро будет, — предупредила она и обратила внимание вошедших на строго одетого молодого человека, который сидел на диване и, похоже, силился проникнуть взглядом сквозь дверь кабинета напротив. — Вот человек от него подошел.

Мужиков скривился — человек не переменил позы — и в последний раз раздраженно оглянулся на Коротких.

— Перевесим, — мягким, успокаивающим тоном психотерапевта произнес Коротких. — Досадное недоразумение.

— Жди меня здесь, Василий! Алла, вы, как всегда, неотразимы, — сменил голос на елейный Мужиков.

Вздохнув от необходимости уходить, он исчез за дверью. Через секунду он выглянул и обратился к Алле со слегка вымученной улыбкой:

— Аллочка, Петр Кузьмич просит чайку для нас.

Алла захлопотала у электрического чайника, собрала поднос.

— Да вы садитесь, — обратилась она к Коротких, заполняющему собой приемную.

Тот осторожно опустился на диван. Повертел головой, скосив глаза на непроницаемого вида представителя конкурирующей структуры, и тоже стал смотреть на дверь, осторожно прислушиваясь. За дверью пока было тихо.

Алла, осуществляя эквилибр подносом, впорхнула в кабинет начальника.

Петр Кузьмич расхаживал по кабинету. Это был лощеный седеющий мужчина лет шестидесяти, в прекрасно скроенном, по фигуре, глубокого синего цвета костюме. Он курировал правоохранительные органы, возглавляя департамент, посвященный этим вопросам, при аппарате городского правительства. Вес его в системе местной власти был высок — в силу его положения конфидента высшего руководства.

Алла подошла к овальному столу, у которого сидел Мужиков, и поставила чашку, держа ее за блюдце, миниатюрную сахарницу, тарелку с печеньем. Затем она под кроличьим взглядом Мужикова зашла с рабочей стороны огромной лакированной столешницы из красного дерева. Подложила картонный кружок под блюдце и осторожно поставила прибор.

— Да, Аллочка, возьми там бумаги отработанные, пожалуйста. — Голос Петра Кузьмича рокотал мягким поставленным баритоном.

Алла переместилась к краю стола, нагнулась и вынула из нижнего лотка этажерки стопку бумаг. Степенно приблизившись, Петр Кузьмич подал Алле еще пару бумаг с прикрепленными степлером маленькими листками поручений. Алла улыбнулась в ответ и проследовала к выходу. Она знала, что работает для благодарной аудитории.

Мужчины проводили ее взглядами.

— Итак, — произнес Петр Кузьмич, и Мужикову пришлось оторваться от закрывшейся за Аллой двери.

Петр Кузьмич походил еще немного, провожаемый перископом головы Мужикова, сел поудобнее в кожаном кресле с деревянными подлокотниками, откинулся и поощряюще улыбнулся. Не мигая, он уставился на Мужикова.

Тот сглотнул слюну и произнес:

— Петр Кузьмич, мы внедрили своего человека... Вы знаете, я докладывал. Мы полностью контролируем ситуацию. Их ни на минуту не упускают из виду. — Мужиков потер ладонью лоб и, довольный, продолжил: — Все идет по плану... Важен конечный результат, итог, — многозначительно добавил он. — Это ограбление — вынужденная мера. Другого пути не было. Вы же говорили, что перед выборами неплохо было бы раскрыть какое-нибудь крупное дельце.

— Что вы хотите этим сказать? — резко осведомился Петр Кузьмич. И привычно осмотрел потолок на предмет «жучков».

— Да так, ничего. Я, в смысле, — двух зайцев убьем. Дуплетом.

— Из пистолета? — лукаво осведомился Петр Кузьмич. — Из ПМ? — уточнил он.

— Мы выйдем на Дикобраза, — растерянно ответил Мужиков.

— Семен Януариевич, вот этим и надо заниматься, — мягко сказал Петр Кузьмич. — Это и есть крупное дельце. Мне нужен этот Ежевский. Так, чтобы он никому больше не мешал. А какие там грехи вы у него найдете, в рамках закона и конституции, конечно, меня не интересует. Подойдет все — от растления малолетних до зеленого знамени. Хотя с этим, конечно, горячиться не надо. Вы ведь знаете, как работать надо, не первый год уж разруливаем процессы? Вы ведь и дальше хотите этим заниматься, не так ли? В команду, я имею в виду, войти. По результату. Ведь будет некоторый пересмотр. По заслугам, так сказать.

— Угу, — промычал Мужиков. — Петр Кузьмич, мы выйдем на него!

— Ну что ж, полиции, как говорится, и карты в руки. Вам виднее. Я во всем полагаюсь на вас, — переложил ответственность Петр Кузьмич. — Порешать надо этот вопрос. До выборов, — отчетливо подчеркнул он.

Он протянул руку к микшерскому пульту селектора, усеянному кнопками, и придавил ту, что загорелась.

— Петр Кузьмич, товарищ генерал подошел, — донеслось из недр аппарата.

— Ждем.

Петр Кузьмич вторично нажал кнопку.

Дверь распахнулась. В кабинет вдвинулся вытесанный из дуба рослый мужчина. Одними надбровными валиками он затмевал Валерину челюсть. С порога он в упор враждебно уставился на Мужикова и пошел прямо на него.

У Мужикова, судя по выражению лица, возникло желание провалиться сквозь паркет. Его беспрестанно бегающие в пределах орбит глазки наконец остановились на кузнечном прессе, неумолимо надвигающемся на него.

— А чем нас порадует отдел секретных операций? — спросил вошедшего Петр Кузьмич, спасая Мужикова по крайней мере от мгновенной смерти. — Юрий Владимирович?

Начальник отдела секретных операций городского управления службы по безопасности Иванов-Неизвестный с трудом сменил программу и оторвал взгляд от бледного лица жертвы. Почему он был кроме Иванова еще и Неизвестным, никто не знал. Уверенности, что это фамилия, а не кличка, не было. Ходила, в определенных кругах, даже шутка, что всех, кто знал, уже убрали.

Иванов-Неизвестный не удержался, сделал еще два шага и наступил коротышке Мужикову на ступню. Тот подергался, но вытащить ногу не смог. Иванов-Неизвестный, удовлетворенно наблюдая напрасные потуги боевого товарища, пробасил:

— Мы надеемся первыми доложить об успехе. Пусть это ограбление вас не беспокоит. Все под контролем! Наши люди работают на выявление всей сети. Приобретение наркотиков, каналы передачи, сбыт. Материала будет достаточно. Операция отрабатывается детально. Я надеюсь выйти нацеленно на самого Дикобраза. Первым!

— Говорите тише, Юрий Владимирович, — поспешно попросил Петр Кузьмич. — Именно он нам и нужен. Эта личность просто зарвалась. А ведь мы дали ему заработать... Вообще непонятно, кто его привел? — Петр Кузьмич пожал плечами, явно работая в чужом образе.

— Скоро он будет сидеть здесь, — заверил секретный отдел.

— Да нет, здесь как раз не надо, — улыбнулся Петр Кузьмич. — Пусть в камере посидит. Как там у вас говорят: «Если надо, то и расстреляем»? — Петр Кузьмич снова улыбнулся, потер ладони и перевел взгляд на Мужикова, лицо которого в течение всего диалога искажалось гримасами болезненных улыбок.

— Пятнадцать лет расстрела, — попытался поддержать шутку Мужиков.

— Садитесь, Юрий Владимирович, — попросил Петр Кузьмич. — Чайку, — утвердительно предложил он.

Иванов-Неизвестный оторвался от съежившегося конкурента и опустился на стул напротив.

Понятливая Алла внесла еще одну чашку.

— Петр Кузьмич. Мы тоже... Да! Всех брать будем, — прерывисто дыша, выговорил Мужиков. — Этого Ежевского мы нейтрализуем. У нас план, — многозначительно добавил он, и его лицо приняло идиотское выражение.

Он разрывался между двумя объектами. Алла явно привлекала его больше, что откровенно веселило хозяина кабинета. Но он все же вынужден был отправить секретаршу. Алла обошла генералитет и, покачивая бедрами, вернулась в приемную.

— Ну что ж, — продолжил Петр Кузьмич. — Семен Януариевич! — Мужиков мобилизовался. — Я думаю, некоторый параллелизм в какой-то мере даже будет полезен в таком крупном и важном деле. Но помните — скоро выборы! Скоро! Нужна победа... Нам, — выделил он, — нужна победа. Наша победа. Это зависит и от вас. Помните это. Я надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю? И можете оценить последствия.

Генералы утвердительно кивнули.

— Вот и хорошо. Вы знаете, что я возглавляю предвыборный штаб по выборам в городские управы. Кроме того, я буду лично курировать эту операцию. Мне это поручено, — поделился сокровенным Петр Кузьмич и несколько распух от гордости.

Он посмотрелся в зеркало в глубине шкафа, поднялся из-за стола и подошел к окну.

Внизу расстилалась панорама города. В каменных берегах текла Москва-река, стянутая для крепости мостами. Разнообразные лоскутные крыши покрывали хаотично разбросанные строения. Напротив белел огромный Дом правительства.

— До последнего момента все должно оставаться на уровне города. С руководством своим проработайте. Но — осторожно! Ориентируется оно часто туда, — и Петр Кузьмич нижней челюстью указал на Дом правительства. — То есть не туда, куда ему следует. На двух стульях пробует усидеть. В общем, сами все знаете, — он обернулся к аудитории. — Этому колючему товарищу никто не должен помочь, — веско отчеканил Петр Кузьмич и поправил жалюзи, заслоняясь от огромного здания. — Со всеми, кто нам мешает, разговор еще будет!

Он указал на портрет городского головы рядом с президентским и дополнил:

— Шанса на неуспех у нас нет. Наши заручились поддержкой на самом верху. Выйдет закон, очень скоро, Дума поработает — чего ей не поработать, — и еще на один срок можно будет избираться в районную управу в Бубырево. А те, кто думал иначе, — возвысил Петр Кузьмич голос до трибунного, — сядут в лужу! Или подальше! Мы им поможем... Понять их заблуждения...

Возвращаясь к столу, в полной тишине он прибавил:

— Ваше будущее — в ваших руках... Можете идти, — разрешил Петр Кузьмич и сел в кресло, демонстративно углубляясь в бумаги.

— Есть! — дружно ответили борцы с преступностью.

Иванов-Неизвестный кровожадно улыбнулся конкуренту и первым поднялся. За ним на без-

опасном расстоянии, прихрамывая, побрел Мужиков.

В приемной встречающие уже стояли навытяжку, услышав скрип открывающейся внутренней двери переходного шлюза. Вторая дверь открылась, и в проеме показался Иванов-Неизвестный. Он ухмыльнулся Коротких.

Когда структуры безопасности удалились, появился колченогий Мужиков. Носок его правого ботинка был заметно деформирован попаданием под асфальтовый каток. Коротких вздохнул и вытянулся. Помочь он не смог. Миссия оказалась невыполнимой.

Алла решила оставить их наедине и тихо удалилась за чайными приборами. Петр Кузьмич лежал в кресле после проведенного объема работ, общаясь по телефону. Он оторвался на секунду от трубки:

— Аллочка, давай порешаем вопросы, а то мне надо отъехать скоро. Всех ко мне!

— Чайку-то выпьете на дорогу? — искусила Алла.

Петр Кузьмич согласно опустил веки.

Вызвав четверых сотрудников, ожидающих аудиенции второй день, Алла вновь захлопотала вокруг неутомимого чайника.

В кабинете же воцарилась атмосфера вершения великих дел. Петр Кузьмич, закатив глаза, отрывисто кидал фразы в телефонную трубку. Подчиненные по очереди подходили, наклонялись поближе и шептали на ухо. Трижды последовал легкий кивок с закрытием глаз, дважды — на устную речь, один раз — на бумагу. Кроме того, один чиновник в ответ на поднесенную бумагу был окормлен неразборчивым звуком.

Поманив пальцем еще одну бумагу, Петр Кузьмич, не отрывая трубку от уха, вытянул губы и покачал головой. Затем он несколько возвысил указательный палец, обозначая окончание процесса. Чиновнички засобирались. И в это время зазвонил красный телефон прямой связи с золотым гербом города на передней панели вместо цифрового диска.

Бросив первую трубку, не оканчивая разговор, Петр Кузьмич схватил красную, дернувшись, будто она была раскалена. Лоск его потускнел.

— Да! Да! Жду! Соединяйте...

Он махнул подметающим движением, и подчиненные, теснясь у выхода, застремились разом пройти в игольное ушко. Алла внесла поднос с чаем.

Петр Кузьмич потел и кивал трубке, как китайский болванчик:

— Здравствуйте, Савелий Степанович! Да. Работаем. Сделаем. Да. Стараемся. Как раз...

Алла поместила чашку перед шефом.

— На Ежевского... — выдавил из себя в этот момент Петр Кузьмич.

Слышно было, как на другом конце провода усилился шум. Трубка, видно, еще повысила градус, и Петр Кузьмич воспалился, став красен как рак. Шум внезапно прекратился. Петр Кузьмич подержал еще немного трубку и осторожно, как фарфоровую, положил на рычаг.

— Я на Тверскую, срочно!

Алла понимающе кивнула и заспешила к средствам связи для вызова транспорта. После проводов шефа она задумалась, восстанавливая в памяти, что она слышала о Ежевском на принесенном Геной диске. Спровоцированные услышанным, все недавние мысли вновь полезли в голову. О непонятном поведении или непонятной деятельности Гены. Работой это почему-то не хотелось называть. Продолжая размышлять, она философски отнеслась к тому, что Петр Кузьмич быстро вернулся с проработки. Хотя подобной подлости она от него не ожидала.

Красные цвета спектра на лице Петра Кузьмича сменились какими-то багровыми, с сиреневыми отливами на щеках. Алла молча отнесла ему реабилитационный чай. Раскладывая пасьянс на компьютере, она набрала Светку и договорилась с ней встретиться. Надо было перекинуться с кем-нибудь.

Внезапно в приемной тихо и незаметно образовался новый посетитель. Алла улыбнулась ему.

— Господин Двуппер, прошу вас.

Посетитель совершил несколько колебательных движений и затем приблизился. Он был приземист и плотен до квадратизма, с большими глазами навыкате под толстыми линзами роговых очков.

— Алла, я же просил, умолял вас. Просто Михаил Маркович! Зачем этот официоз? Я же прост, как правда!

— А ее что — еще издают? — пошутила Алла.

— Сейчас все можно издавать, Аллочка. Даже «Правду». Но это сейчас не по моей части... А откуда вы узнали, что я там работал?

— А я и не знала. Так, пошутила просто.

— Молод, знаете, был, — тем не менее посчитал нужным оправдаться журналист. — Рупор Центрального комитета коммунистической партии, однако. Другие времена... Да, так вот. — Двуппер почесал спину. — Но сейчас я представляю другой орган.

— Читаем, читаем, Михаил Маркович, — радостно сообщила Алла.

— Это правильно, — похвалил Двуппер. — Мы там иногда такое заворачиваем...

Он опустил объемистый портфель на стул, порылся в нем и достал оттуда авторучку.

— Вот, «паркер» для вас. Ездил в Австрию.

— Спасибо, Михаил Маркович! Никогда не забываете, — Алла улыбнулась. — Что — вызывал?

— Да. Просил зайти, — уточнил Двуппер.

— Неужели интервью будете брать?

— А что, и Петру Кузьмичу пора в публичную политику? — в тон поддержал беседу журналист.

— Сейчас доложу.

— Об этом?

Алла улыбнулась и поколдовала над селектором.

— Петр Кузьмич, к вам журналист Двуппер. Прошу вас, — обратилась она с улыбкой к работнику пера.

Готовой улыбкой она встретила труженика газеты через два часа, когда тот, неся портфель перед собой, покинул наконец кабинет.

— Даже чаю не попили, — протянула расстроено Алла.

— Видите, какая запарка, — неопределенно высказался Двуппер.

— Работаем, Михаил Маркович.

Двуппер поставил портфель на стул, покопался там, вздохнул и закрыл его.

— А у вас, я смотрю, быстро дела идут...

Алла согласилась, решив не спорить.

— Выборы вроде далеко, — продолжил прощупывание Двуппер утвердительными фразами.

— Чего ж далеко? Восемь месяцев, — ответила Алла и закрыла на экране окно с пасьянсом, так как журналист навалился на стол. — А что, писать будете?

— Да вот, серию статей, говорят, надо. Осветить кое-что... Кое-кого, — помолчав, добавил Двуппер.

И воззрился на Аллу, словно она что-то недоговаривала. Они помолчали.

— До свиданья! Пойду я. — Двуппер оторвал ладони от столешницы с липким звуком отдираемой изоленты, справившись, видимо, с мыслями.

— Михаил Маркович, всегда рада видеть вас! Приходите.

Двуппер мелко потряс головой и вынес портфель.

Петр Кузьмич наговорил много и наобещал много. Серия статей. Ежевский и подельники. Криминал. Наркотики... Причастность. Минус — только самые одиозные наветы. Доступ к информации обеспечен, распечатки телефонных разговоров, кое-какие досье. Информации обещано много. В общем, похоже, решение принято на самом высоком уровне. Бубырево — ключевой район. Судя по всему, решено утопить конкурента. Я, так сказать, тебя породил... Значит, опасаются. Жаль, что на другом конце не заработать...

Двуппер провел пятерней по откинутым назад волосам и набрал номер на сотовом.

— Сережа, я бы подъехал. Угу... Поговорить надо. Посоветоваться, я бы сказал. Я быстро! В рамках трафика.

Продолжение следует.

Анатолий БАРАНОВ

Анатолий Баранов — ветеринарный врач, ученый, писатель, выпускник ветеринарного факультета Московской ордена Трудового Красного Знамени ветеринарной академии имени К. И. Скрябина.

А. Баранов хорошо известен любителям домашних животных, специалистам-ветеринарам по книгам и многочисленным публикациям в научно-популярных журналах, по научным статьям в специальных изданиях по ветеринарии и медицине.

А. Баранов — автор произведений «Оказание доврачебной помощи четвероногому другу» (1976), «Здоровье вашей собаки» (1989), «Для любимой кошки» (1992), «Для любимой собаки» (1992), «Собака и кошка в вашем доме» (1997), «Моя собака» (2001), «Кремлевский ветеринар» (2015) и др., которые быстро стали раритетами несмотря на то, что выходили в свет массовыми тиражами.

Анатолий Баранов, впервые в судебной практике Российской Федерации, 26 раз защитил свои авторские права по указанным произведениям. Единоличный автор четырех патентов Российской Федерации на изобретения, имеющие важное практическое значение для ветеринарии и здравоохранения.

А. Баранов свыше десяти лет трудился в составе Всесоюзного кинологического совета при Министерстве сельского хозяйства СССР, в течение нескольких лет входил в состав Ученого медицинского совета Минздрава СССР.

Более 45 лет лечит домашних собак и кошек.

Владельцами его пациентов были как простые люди, так и очень известные: председатель Совета министров СССР Георгий Маленков, Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, Председатель Президиума Верховного совета СССР Анастас Микоян, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, министр обороны СССР Маршал Родион Малиновский, правозащитник академик Андрей Сахаров, чемпион мира по шахматам Тигран Петросян, литературный критик Михаил Бахтин, живописец Василий Ефанов, скульпторы Лев Кербель, Иосиф Козловский, писатели Илья Эренбург, Юрий Нагибин, посол Югославии в РФ Борислав Милошевич, офтальмолог Святослав Федоров и многие другие.

ОТ РЕДАКЦИИ

В свое время в том самом месте, над рестораном «София», где располагалась «Юность», по соседству с редакцией существовал журнал «Кот и пес». Постояльцы этих загадочных коридоров, по которым гуляли призраки, переименовали его в «Пьет и кос».

Нету больше ни кота, ни пса. Но разве это повод забыть об этом масонском братстве?!

«Неужто в хождении по земле на двух ногах столько величия, что порода, именуемая человеком, вправе присвоить себе власть над всеми существами, гуляющими на четвереньках, и притом более прочно и устойчиво, чем она?» — рассуждает кот Мурр в сказке Гофмана.

И он прав. Решительно нет никакого величия у существа, именуемого человеком.

Об этом же говорил и кот ученый из сказки Пушкина «Руслан и Людмила». Об этом же говорят герои Анатолия Евгеньевича Баранова, которые гуляют сами по себе в его замечательных очерках, рассказах и жизни. И что им Бахтин, Брежнев, Микоян?

Эх, да знали бы эти двуногие, что всеми своими достоинствами они обязаны четвероногим!

Анатолий Евгеньевич это хорошо знает. Он лечит собак, кошек, потому что любит это хвостатое, шерстяное и четвероногое племя не только на словах, но и на деле.

Он — ветеринар. Доктор Айболит! Можно сказать, ветеринар Кремля — ведь многие из «кремлевских горцев» обращались именно к нему за помощью.

А еще Анатолий Евгеньевич — замечательно добрый человек и писатель. В чем наш внимательный читатель убедится, прочитав его рассказы о собаках, кошках и их знаменитых хозяевах!

Мяу!

Гав!

Новеллы кремлевского ветеринара

Валидол

(О кошке М. М. Бахтина)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Валидол — лекарство, бесцветная прозрачная маслянистая жидкость с характерным запахом ментола. По своему действию на организм схож с ментолом. Валидол успокаивает центральную нервную систему и обладает рефлекторным сосудорасширяющим действием.

Хроническим больным врачи обычно назначали по 4–6 капель валидола при возникновении резких болей за грудиной в области сердца. Подобное болезненное состояние медики называли стенокардией, которая являлась предвестником инфаркта миокарда с печальным трагическим исходом. Больные при начавшемся приступе стенокардии валидол обычно капали на кусочек сахара-рафинада и держали во рту до полного рассасывания. Боль через несколько минут отступала. Отечественная фармацевтическая промышленность начала семидесятых годов прошлого столетия валидол также выпускала в виде таблеток и желатиновых капсул. Но они по сравнению с жидким валидолом действовали заметно слабее. Надо отметить, что в то время валидол лежал наготове в дамской сумочке или кармане пиджака почти что у всех пожилых людей. Другого аналогичного средства первой помощи при начавшейся боли в сердце тогда еще не изобрели. Миллионам граждан всей земли этот лекарственный препарат не раз спасал жизнь.

Однако у отдельных индивидуумов, чувствительных к ментоловому эфиру изовалериановой кислоты, чем, собственно, и являлся валидол, препарат вызывал ощутимые побочные явления: боль в висках, сильное головокружение, шаткую походку и обильное слезотечение. Так что такие больные стояли порой перед неразрешимым выбором — без валидола страдать от одной только

нестерпимой боли в сердце в ожидании смерти или, приняв аллергенный препарат, обливаясь соленым потом, переживать двойной недуг в мучительном гадании, что быстрее закончится — страшная головная боль с непрерывным слезотечением или сильные боли за грудиной, резко отдающие в лопатку...

* * *

Подобная дилемма перед Михаилом Михайловичем Бахтиным не стояла. Пожилой человек — теоретик искусства, литературовед, философ, писатель, профессор — ученый с мировой известностью, чье имя было занесено впоследствии не только в Большую советскую энциклопедию, при первом же моем визите к заболевшей кошке сообщил мне, что восьмилетняя Киска — не просто очаровательное домашнее животное, а спасительница, полностью заменившая ему валидол, который его изношенный организм по причине нежелательных побочных действий совершенно не переносит. Из-за чудодейственного целительного воздействия на больное сердце, оказываемого Киской в тяжкие минуты приступа стенокардии, он в шутку стал звать ее Валидолом.

— Доктор, мне скоро исполнится восемьдесят лет. Большую часть времени я теперь провожу лежа в кровати. У меня ишемическая болезнь сердца, включая атеросклероз аорты сердца, частые приступы стенокардии, экстрасистолию, брадикардию и прочие нарушения на фоне давнишнего диабета. Многие больные с подобными диагнозами не живут так долго. Считаю, что только благодаря Валидолу так долго я зажился. Когда у меня начинает разыгрываться приступ, я тут же зову Киску. Она, немножко потоптавшись по грудной клетке, ложится ровно на область сердца и начинает громко мурить. Все ее тело вибрирует, создавая особое биополе, которое нормализует расстроенный сердечный ритм и улучшает коронарное кровоснабжение сердечной мышцы. Буквально через несколько минут мне становится необыкновенно легко дышать, а загрудинные боли стихают. Сердце уже не сдавливает тяжелая спазма, артериальное давление приходит в норму. Брадикардию сменяет пульс шестьдесят ударов в минуту. Экстрасистолия, которую я улавливаю по пульсу, пропадает. Но с утра Киска сама не своя. Не ест со вчерашнего дня, а сегодня и воду не пьет. Забилась под мою кровать и не желает выходить на свет... Вылечите ее, доктор, пожалуйста. Этим вы продлите мне, старику, жизнь.

Стоявшая подле нас Леонтина Сергеевна — друг и помощница Михаила Михайловича — легким кивком головы подтвердила им сказанное.

Последнюю фразу хозяин кошки мог бы и не произносить. После того, как он сообщил мне, что кошка является для него спасительницей и к домашней кличке имеет заслуженную приставку Валидол, данный факт в моем мозгу вызвал чувство необычайно обостренной ответственности за здоровье кошки и жизнь тяжело больного человека.

Однако непроизвольно вырвавшаяся у меня реплика прозвучала в довольно сдержанном тоне:

— Михаил Михайлович! Мы, ветеринары, стараемся вылечить больное животное не за его заслуги...

Реакции визави на мои слова не последовало.

Осмотр кошки выявил причину недуга — туго напряженный и болезненный живот при жутко переполненном мочевом пузыре. На мой вопрос, когда кошка последний раз испражнялась и мочилась, ответила Леонтина Сергеевна. Сказанное ею полностью подтвердило мое подозрение:

— Кала нет неделю, в лоток Киска не мочилась три дня...

— Доктор! Вы по сравнению со мной, можно сказать, молодой человек, однако у вас манеры врача из далекого средневековья, — неожиданно для меня объявил владелец животного.

— Михаил Михайлович! Это плохо или хорошо?

— Притом что своим конкретным вопросом о моче и кале вы попали в самую цель — это, Анатолий Евгеньевич, очень хорошо. Ведь эскулапы древности, вы, наверное, это сами знаете, здоровье и жизнь больного непременно связывали с его мочой и калом. Данным биологическим субстанциям они отводили ведущую роль для правильного диагноза и прогноза болезни. Именно по моче они определяли, сколько больному оставалось жить на белом свете. Вы, доктор, наверное, встречали в старинных трактатах по медицине оттиски гравюр с изображением врача, держащего на уровне глаз стакан со свежевыделенной мочой больного и внимательно ее изучающего? — произнес Михаил Михайлович, слегка приподнимаясь над подушками.

— Доктор! Не смерть ли мне предвещает цвет мочи моей? — внезапно с нужной интонацией в голосе продекламировал я неизвестно откуда всплывший в моей памяти столь жизненно важный вопрос больного, обращенный к лечащему врачу, этим самым продолжая и как бы дополняя тему, начатую моим гениальным собеседником.

От услышанного Михаил Михайлович резко встрепенулся. Мне даже показалось, что он испытал желание вскочить с постели, но что-то его вовремя удержало от этой опрометчивой затеи. Его глаза радостно округлились. В них легко угадывались проснувшийся задор, неподдельное удивление и любопытство... Тут же мне подумалось, что вот-вот сейчас он спросит меня об авторе этих строк. К своему великому стыду, его я на тот момент не помнил. Только смутно догадывался, что это изречение почерпнул из какого-то литературного источника, когда готовился к кандидатскому экзамену по философии. Кровь в моей черепной коробке кипела от перенапряженной работы сразу двух полушарий головного мозга, который неистово силился вспомнить, из какого же научного труда эти строки перекочевали в мое подсознание и были там надолго забыты. И вдруг... К своему собственному удивлению, я, словно студент на экзамене, чувствуя всем нутром, что требовательный преподаватель вот-вот задаст мне вопрос, от которого не отвертеться, набравшись нахальства, на одном дыхании бойко выпалил:

— Рабле...

Вдохнув очередную порцию воздуха, правда, менее увереннее, добавил:

— Михаил Михайлович Бахтин, «Материально-телесный низ в творчестве Франсуа Рабле»...

Как мне показалось, своим ответом профессора я сразил наповал. На его морщинистом лице заиграла доброжелательная улыбка. Он что-то хотел сказать, но передумал... В то же время, отчетливо сознавая свои наислабейшие познания в филологии, я понимал, что в дальнейшей беседе со столь великим столпом мировой филологической науки и философии мне ни в коем случае не следует не только углубляться в их дебри — мне нельзя даже приближаться к этому дремучему для меня лесу. И ничего не придумав лучшего, как вовремя спрятаться за свою врачебную профессию, вернее, за цель своего визита, чтобы не дать возможность Михаилу Михайловичу задавать мне какие-либо вопросы, особенно по филологической тематике, я подхватил кошку на руки, предварительно подстелив под нее вчетверо сложенную простыню, и всецело занялся ее лечением.

Но если бы все это я проделывал молча... Как говорится в русской поговорке, молчал бы и тогда сошел за умного. Но нет... Меня почему-то понесло, причем именно в дебри бахтинского филологического анализа литературного творчества Франсуа Рабле:

— А теперь, наша маленькая мурена, займемся твоим материально-телесным низом...— И, сам того не замечая, подражая Франсуа Рабле, выдал экспромт: — Мочи и кала нет три дня, но это было до меня...

Ветеринарный врач к Киске пришел, телесный низ обмяк, и кал — пошел...

Конечно же, я гиперболизировал свои врачебные возможности. Кал так сразу, даже при всем моем желании, пойти не мог. Тем более без постановки хотя бы очистительной клизмы. Но вот моча...

Мои пальцы попеременно массировали то область толстого кишечника и прямой кишки, то область тугого мочевого пузыря, как бы лаская его, добиваясь расслабления мышц, затем надавливая на его упругие стенки. Минута, вторая, третья, четвертая, пятая... На восьмой минуте массажа мочевой пузырь сдался. Белоснежная простыня стала быстро пропитываться мочой, тяжелеть и обширно коричневеть у всех на глазах. Комната сразу заполнилась специфическим запахом застоявшегося кошачьего экскрета. Какое счастье, что я догадался под простыню подложить клеенку, и мои цивильные брюки остались сухими. Из Кискиного материально-телесного низа вылилось не менее полулитра зловонной жидкости.

На радость всем больная кошка сразу повеселела. Прыгнув с моих колен на постель к любимому хозяину, она стала наводить у себя порядок. Ее порозовевший шершавый язычок интенсивно работал в паху, пытаясь таким образом избавить испачканную шерстку от исходящего дурного запаха, к которому она отнеслась весьма и весьма брезгливо.

— Я уже писал об этом в своей работе, но сейчас скажу вам, Анатолий Евгеньевич, что Гиппократ был несомненно прав, когда метко называл врача «подобным богу» и сравнивал врачебную практику с фарсом и битвой, в которой принимают участие три действующих лица: больной, врач и болезнь. Вы, доктор, с какой кажущейся, на пер-

вый взгляд, легкостью сразились с кошкиной болезнью, — вдохновенно начал Михаил Михайлович, входя в привычной ему образ профессора при чтении лекции студентам высшего учебного заведения.

Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

— А чего только стоит ваша театральная наигранность? С каким артистизмом вы процитировали Рабле — произнесли вопрос больного доктору... вы создали образ умирающего, который еще не потерял надежду на исцеление... А когда Леонтина Сергеевна, принеся простыню, которую вы просили, поинтересовалась, зачем вы подложили под нее клеенку, вы, улыбаясь, без запинки и не моргнув глазом, серьезной интонацией голоса ответили: чтобы Киска не поцарапала ноги... И мы, нисколько в этом не сомневаясь, поверили вам — когти-то у нее действительно длиннющие и острые, словно кинжалы из дамасской стали. Одним словом, как у Рабле — сплетение ветеринарной медицины и искусства.

После непродолжительной паузы, сделанной для отдыха, Михаил Михайлович обратился ко мне с вопросом, который совершенно не относился к филологии, отчего у меня сразу отлегло от сердца:

— А что вы, милейший доктор, скажете о лабораторном исследовании мочи и о причине ее столь длительной задержки?

— Первая часть вашего вопроса, Михаил Михайлович, для меня сложна. Ведь залитую мочой простыню на анализ в ветеринарную лабораторию не отнесешь по причине того, что мочу в таком виде даже от меня не примут. Врачам-лаборантам мочу в стеклянной таре подавай — согласно действующим правилам. Конечно, я мог бы сейчас простыню отжать в лоток, а мочу слить в банку... Но это мало что нам даст. Сильно накрахмаленная простыня, к тому же стиранная в городской прачечной, несет на себе слишком много остатков химических элементов — стиральной соды, порошка и другой всякой всячины. Результат анализа окажется просто шокирующим. Лаборанты в тревоге схватятся за голову, а когда им станет известна причина подобных шокирующих показателей, они мне этого в жизни не простят. Среди моих московских коллег тут же пронесется волна смеха, и пойдут анекдоты. Все же, Михаил Михайлович, отвечая на ваш первый вопрос, скажу одним словом — моча как моча. Следов крови, каких-либо хлопьев, сгустков и запаха ацетона, указывающих на нездоровье Киски, нет. Что же касается своеобразного крепкого аромата, ничего патологического в этом я тоже не вижу — так обычно пахнет моча, выдержанная в тепле материально-телесного низа трое суток. Несмотря на излившуюся столь концентрированную и застоявшуюся темную мочу, Киска будет жить и жить, — чисто машинально, опять по Рабле, закончил я сказ про характеристику жидкой биологической субстанции, коей являлась трехсуточная моча Киски.

Переходя ко второй части вопроса в отношении причины задержки мочеиспускания, думаю, что вина полностью лежит на прямой кишке, забитой твердым, жестким, точнее сказать, колючим калом в результате запора. Отсутствие у кошки дефекации в течение семи дней — это длительный запор. Вот сильная боль, появившаяся в толстом кишечнике, и вызвала рефлекторный спазм сфинктера мочевого пузыря. Далее все просто: коли кишечник, или по Рабле, «требуха телесного низа», оказался на некоторое время не в порядке, то именно в нем самом кроется причина полного отсутствия у кошки аппетита и затем отказ от питья. Тем более когда нет опорожнения мочевого пузыря...

— Да, Франсуа Рабле был, несомненно, прав, отмечая, что внутренности и кишки тесно связаны с испражнениями и калом в частности. Да и вообще жизнь, смерть, рождение, мочеиспускание, испражнение, еда — у него это сплошной гротескный узел; это — центр телесной топографии, когда низ и верх плавно переходят друг в друга. «Качели» гротескного биологического реализма... Игра верха с низом, когда они в этом образе великолепно и динамично раскачиваются; верх и низ человека и животного, земля и небо плавно сливаются. Все это, Анатолий Евгеньевич, есть подтверждение вашего правильного врачебного суждения о причине отсутствии у Киски аппетита и вообще ее плохого самочувствия, — добавил Михаил Михайлович, устало откидываясь на подушку, поправленную ему под спиной заботливой Леонтиной Сергеевной.

Я же, запустив руку в свой объемный саквояж, на ощупь отыскивал нужное мне лекарство под шутливый диалог с кошкой:

— Сейчас мы, дорогая Киска, как говорил Гиппократ, будем биться с твоим запором. Однако это дело не легкое и скорое. Во-первых, тебя придется фиксировать, после чего насильно из чайной ложечки поить маслом. К тому же недельный запор за один раз не ликвидируешь. Потребуется два или три сражения. Лечение твоего больного кишечника или избавление его от скопившегося кала начнем сразу, не откладывая. — Я извлек из недр саквояжа небольшой флакон с прозрачной жидкостью с наклеенной на нем аптечной этикеткой с надписью «Вазелиновое масло».

В тот же момент мудрая Киска, до этого спокойно выслушивающая мое обращение, почувствовав что-то нехорошее и не желая принимать

участие в битве врача с ее запором, стремительно дала деру. Но на этот раз она ошиблась в выбранном направлении, помчавшись не под кровать в свое излюбленное убежище, а в кухню, где ни одного укромного местечка для нее не нашлось. Однако это пошло ей только на пользу. Видя затравленный взгляд доброй Киски, мое желание насильно напоить ее маслом сразу исчезло. Наполнив маленькое блюдце вазелиновым маслом, я любезно предложил его своей несговорчивой пациентке. Неожиданно для меня Киска принялась его лакать, сначала вяло, без особого энтузиазма, затем все охотнее и охотнее. После того, как все масло было выпито, животное укоризненно смотрело на меня умными глазами, в которых без труда прочитывалось: «О чем Гиппократ забыл упомянуть, Рабле не сказал, а мой хозяин Бахтин не указал в своей работе — так это о помощи самого больного врачу. Вот видишь, доктор, я посильно оказываю тебе помощь биться с моей болезнью за кал, застрявший в моей утробе и нежелающий ее покидать... Поэтому каких-либо насильственных действий со мной, так называемой битвы, в примитивном понимании скотского врача, совсем не потребовалось».

О том, что кошка охотно и самостоятельно вылакала вазелиновое масло, Леонтина Сергеевна радостно доложила хозяину животного. Я же, в свою очередь, довел до его сведения все слова Киски, пообещав, что к вечеру она должна немного повеселеть. На что Михаил Михайлович, высказав мне слова благодарности, констатировал, что мы с Киской придали ему сил и зарядили мощной энергией. И что теперь он уже не тревожится за жизнь своей спасительницы. Вот на этой оптимистической ноте я покинул дом Михаила Михайловича, твердо заверив его, что завтра навещу Киску в это же самое время и продолжу начатое лечение.

Вчерашний заряд бодрости у Михаила Михайловича еще не прошел. Он находился в хорошем расположении духа. И у него в гостях был знаменитый режиссер гремевшего на всю Москву Театра имени Моссовета — Юрий Александрович Завадский. Как только я вошел в комнату, Юрий Александрович, сидевший на стуле подле Михаила Михайловича, бодро поднялся и, подойдя ко мне, подал руку, представившись:

— Юрий Александрович...

— Очень приятно, Анатолий Евгеньевич, — в свою очередь представился я, несколько смущаясь, однако, не показывая этого, продолжил: — Вчера вас, Юрий Александрович, видел по телевизору. Вы нам, телезрителям, рассказывали о новой премьере театра...

— Я вас на нее приглашаю, — тут же ответил творец искусства. И, улыбнувшись своей мягкой улыбкой, кивая в сторону Михаила Михайловича, добавил: — Наслышан о вашем вчерашнем моноспектакле... Да, театр вас потерял, а вот ветеринарии повезло больше. Она вас нашла. Как сказал мой друг, это ваше истинное призвание.

— Так оно и было! — изрек Михаил Михайлович, перехватывая инициативу.

Затем, откровенно признавшись, что с нетерпением ожидал моего визита, сразу же пожаловался на Киску. Главное его недовольство было в том, что кошка, забыв о нем, все утро занималась только собой, непрерывно чмокая языком и тщательно наводя туалет под хвостом.

Как нетрудно было догадаться, натура Юрия Александровича Завадского оказалась далекой от тематики «материально-телесного низа». Ясно представив себе, как сейчас эта столь откровенно-натуралистическая картина начнет проявляться во всех врачебных подробностях и неуемной полноте ярких красок, мастер-эстет, раскланявшись, вручил мне свою визитную карточку, сослался на неотложные дела в театре и спешно покинул писательскую квартиру.

— Всего несколько секунд посидела у меня на постели — и скорее на пол... На приглашения забраться на одеяло никак не реагировала. Правда, никуда не уходила — все время находится рядом, а мне хотелось, чтобы она была на кровати, — посетовал профессор.

Взяв кошку на руки и приподняв хвост, я наглядно продемонстрировал хозяину причину подобного поведения животного. Вазелиновое масло, как этого следовало ожидать, пробив брешь в твердой каловой пробке, стало непроизвольно вытекать из анального отверстия наружу и пачкать шерстку вокруг. Вполне естественно, с подобным явлением чистоплотное животное мириться не хотело, так как не могло допустить, чтобы по ее вине будет испачкана калом идеально чистая хозяйская постель. Узнав это, Михаил Михайлович изумленно воскликнул:

— Теперь мне все понятно. Опрятность и гадливость моей Киски оказались намного выше, чем у многих европейцев четырнадцатого-шестнадцатого веков.

— Неужели? — не поверил я.

— Этому можно привести ряд подтверждений — так, например, испражнения играли главную роль в ритуале праздника глупцов, когда на время избранный шутовской епископ, проводя торжественную службу в действующем храме, кадил

Михаил Михайлович Бахтин

не привычным приятно пахнувшим ладаном, а высушенными человеческими испражнениями. По завершении зловонного богослужения клир взгромождался на повозку, доверху нагруженную человеческими испражнениями, которая везла его по улочкам города. И это было еще не все. В плотную радостно ликующую толпу, сопровождающую повозку, псевдослужитель культа ловко метал испражнения. Тот, в кого попадала это дурно пахнущая субстанция, приходил в неописуемый восторг и испытывал неподдельное счастье. Столь дикий дурно пахнущий разгул длился до тех пор, пока запас кала в повозке не иссякал. А таких повозок по городу колесило много.

Бросание кала в народ было обязательным и в ритуале шаривари. И заметьте, Анатолий Евгеньевич, народу нравилось получить особенно в физиономию лепешку зловонного кала и затем на всю округу долго источать срамной дух телесного низа. Если вспомнить, как вчера Киска брезгливо отнеслась к своей собственной моче, которая не по ее вине лишь слегка испачкала чистую звериную шерстку, ни в какое сравнение с этим не идет радость людей от обливания их чужой мочой. Это с полным натурализмом изобразил Франсуа Рабле в первой книге романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Столпившихся подле него любопытных парижан Гаргантюа поливает своей мочой, а те от этого безумия, потеряв бесстыдство, только млели, весело смеялись и даже не думали расходиться, чтобы скорее смыть с себя телесную пакость.

— Можно сказать, что со времен античности и по сегодняшней день, — подхватив эстафету ученого, продолжил я, — в жизни современного человека, исключив условия поликлиники или больницы, кал и моча продолжают играть некоторую, но порой значительную роль. Правда, теперь только в качестве мести или наказания. Совсем недавно в моей ветеринарной практике был случай, когда доброго хозяйского шестимесячного котенка, который никому из жильцов многоквартирного дома не сделал ничего плохого, соседский мужчина зверски ударил ногой. Котенок от полученной травмы тяжело болел. Чуть не умер от разрыва кишечника. Мы сделали ему сложную операцию — с большим трудом вылечили. Его владельцы, проживающие в квартире как раз над парадным подъездом, выбрав момент, когда злодей, выходя из дома в элегантном костюме и при галстуке, остановился на крыльце, чтобы закурить папиросу, вылили на него целое ведро кала, перемешанного с мочой, который они всей своей большой семьей собирали в течение нескольких дней. Принародно «опущенный» ненавистник животных и садист вынужден был срочно переехать по обмену в другой район города, где об этом случае никто не знал.

— Все правильно, Анатолий Евгеньевич. Благородное семейство своим действом устроило этому отвратному типу принародное и заслуженное «снижение». Если помните, в упомянутой вами работе, кстати, она называется «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», я изложил, что забрызгивание экскретом телесного низа — калом и мочой — это древний и эффектный «снижающий жест». Что интересно, в настоящее время термин «снижение», как я вижу, превратился в «опускание», в общем-то, не изменив своей глубокой сути. И это вполне нормальное явление: наш язык, как живой организм, постоянно находится в развитии. При этом следует отметить, что владельцы спасенного вами котенка, видимо, хорошо знали древнюю историю и обычаи мщения…

Кроме того, мне думается, что владельцы бедняги-котенка могли бы не просто облить этого нелюдя своими нечистотами, а метнуть в него всю доверху наполненную емкость, то есть ведро. Удержало их от этого, по-видимому, последующее вмешательство милиции и так далее… В средние века на это власти не реагировали. К примеру, в античной сатировой драме Эсхила «Собиратель костей» мы наблюдаем, как в голову Одиссея

брошена «зловонная посуда», которая в наше время носит название «ночной горшок». Для полноты сведений, дорогой доктор, скажу вам, что если внимательно взглянуть на античную вазу с изображением фигуры комического Геракла, лежащего пьяным у дверей гетеры, то нашему взору откроется забавная картина: старая сводня выливает на него зловонное содержимое своего ночного горшка. Можно себе представить, какой аромат будет источать Геракл…

— А это мы сейчас увидим, точнее, почувствуем, — смеясь, ответил я и добавил: — Только не запах содержимого ночного горшка старушонки-сводницы, а звериный дух кошачьего нутра — телесного низа нашей Киски.

— Каким образом? — полюбопытствовал Михаил Михайлович.

— Киске поставлю очистительную клизму. Вазелиновое масло, как мы видим, сделав свое дело, пошло на выход — самое время помочь кишечнику избавиться от частиц твердого кала…

— Дверь ванной комнаты только не закрывайте, — попросил нас Михаил Михайлович, когда я с Киской на руках в сопровождении Леонтины Сергеевны направился в сторону санузла.

Процедура оказалась даже очень эффективной. Со струей зловонной воды из нутра кошки вылетело не менее двух десятков твердых «орешков». Пропальпировав кошачий живот и убедившись, что сегодня удалось ликвидировать лишь половину «завала», было решено, что освобождать кишечник от оставшейся его части будем завтра. Злоупотреблять доверием Киски мне совсем не хотелось. Да и вряд ли она позволила бы еще раз провести с ней подобную неприятную для нее экзекуцию. Мне было хорошо известно, что на попытку подряд поставить вторую клизму даже добрейшие ласковые кошки, давно знавшие и любившие меня, обычно отвечали неконтролируемой рьяной агрессией.

Согласившись с моим доводом, Михаил Михайлович философски заметил:

— Задержка мочи, запор и прочие недуги, связанные с материально-телесным низом, на первый взгляд, в том числе и у Рабле, — сплошной гротеск, а на самом деле — запутанность, замысловатость и хитроумность. И это требует от ветеринарного врача, как в нашем случае, быстрого безошибочного решения и правильного психологического подхода. Киска наглядный пример этому. Смотрите! Она никуда не убежала и не спряталась в потаенном уголке квартиры. Спокойно сидит напротив нас и наводит на шерстке чистоту… Новелла, да и только. А сколько их у вас, доктор, скопилось за практику? Отвечу сам — достаточно много. Писать вам надо, доктор, писать… Публикация различных случаев, которые происходят с вашими четвероногими пациентами, — чрезвычайно интересная и поучительная литература. Любители домашних животных, да и многие коллеги будут благодарны вам…

— Михаил Михайлович! Как же писать? — воскликнул я с тревогой в голосе от столь неожиданного предложения специалиста по литературе такого крупного мирового масштаба. — Я ведь окончил не филологический факультет МГУ имени Ломоносова или Литературный институт… Мне страшно даже подумать про писательство, мне кажется, это трудное дело…

На подобное заявление мой собеседник отреагировал стремительной реакцией, словно не семидесятидевятилетний лежачий больной, а бодрый и моложавый командир-наставник. Его правильные слова звучали поучительно и достаточно убедительно:

— Анатолий Евгеньевич! В жизни не надо бояться трудностей, страшного и чего-то ужасного. Мир открыт своими возможностями… У вас, доктор, все впереди. Все получится — только начните писать. А литературные редакторы текст поправят… Они в этом деле доки. Когда вы вчера расспрашивали про заболевшую Киску, по-вашему, собирали анамнез, я заметил, как в библиографическую карточку вы заносили некоторые сведения о ее недуге. Вот и начало новеллы…

Третий день посещения дома Бахтина оказался для меня наиболее волнительным. Не потому, что Киска чувствовала себя плохо. Кошка как раз была героем дня. Со слов Михаила Михайловича, среди ночи он проснулся от внезапной резкой боли за грудиной. Вначале терпел, не хотелось тревожить больное животное. Но боль не проходила. Затем она стала сильно сжимать грудную клетку, мешая полноценно дышать, и неприятно отдавать в левую лопатку. Когда ему стало ясно, что приступ стенокардии разыгрался не на шутку и самостоятельно не пройдет, он, оставшись без выбора, тихо позвал Киску, которая не спала, а просто лежала в кресле, стоявшем рядом с его кроватью, и не сводила внимательных глаз со своего хозяина.

Кошка-целительница, как показалось Михаилу Михайловичу, только и ждала от него приглашения. Она мгновенно прыгнула к хозяину на постель, после чего аккуратно перебралась к нему на грудь. Немного помесив крепкими передними

лапками область грудины, Киска с необыкновенной точностью распласталась над сердцем.

По идее, Михаил Михайлович должен был сразу почувствовать тяжесть ее тела. Но нет — оно казалось воздушным и совершенно невесомым. Пушинка, да и только. Громкое мурлыкание на этот раз было тоже необыкновенным. Вскоре эти глубинные душевные звуки, исходящие из самого нутра кошки, заполнили грудную клетку больного от диафрагмы до самой шеи, этим самым вызвав полную анестезию сердца, одновременно облегчая процесс дыхания и кровоснабжения головного мозга.

— Киска пролежала на мне весь остаток ночи и часть утра. Боль отступила, как будто ее и не было. В моем теле оставалась только слабость. Незаметно для себя я задремал. Проснулся от того, что Киска вдруг издала «мяу» так жалобно, как будто ее укололи острой иголкой. Может, к ней перешла моя боль и ей стало хуже, чем мне, — поделился своими переживаниями Михаил Михайлович.

— Нет, нет, хуже Киске не стало, — отвечал я, исследуя ее живот. Просто наиболее крупный и твердый каловый конгломерат, застрявший в кишечнике от ее же собственного мурлыкания, вдруг резко передвинулся к выходу. Десять минут легкого массажа — и он непременно выйдет «по вазелиновому маслу» естественным путем. Правда, Киска еще раз громко мяукнет, но зато окончательно и сразу поправится, — успокоил я владельца кошки.

На что Михаил Михайлович, не отрывая голову от подушки, произнес:

— Мне без моего Валидола жить никак нельзя. Когда приступ стенокардии разыгрался, я, грешным делом, уж подумал, что утром обнаружат меня друзья в раблезианском образе — мертвенно бледным, холодным и непременно с разинутым ртом. И ничего удивительного в этой картине не будет. Все это вполне естественно. Я же писал в работе: роды и смерть — разверзающийся зев земли и материнской утробы. В дальнейшем на сцену выступает разинутый рот людей и животных. Вспомните, дорогой доктор, момент рождения Пантагрюэля... Стояла страшная засуха. Животные валялись на полях мертвые, с разинутыми ртами...

— Так оно в действительности и бывает. Мы, ветеринарные врачи, всегда отмечаем у животного, скончавшегося в муках, открытый рот и оскал от страдания, — невольно поддержал я грустную тему, поднятую моим собеседником, который, как было понятно, пребывал в несколько подавленном настроении. Тематику разговора нужно было срочно поменять.

Проводя кошке массаж живота, мои пальцы почувствовали немного напряженные и слегка увеличенные соски.

— На днях у тебя, Киска, начнется половая охота. Твое тело поглотит неконтролируемое горячее стремление встреться с котом для спаривания. Но рожать тебе уже поздновато, — объявил я Киске.

Затем, обратившись к Михаилу Михайловичу, поинтересовался у него, согласен ли он со мной. Хозяин кошки тут же задал мне встречный вопрос, как бы поступил я, если бы Киска являлась моей собственной.

Пока кошка сидела на лотке, жалобно мяукая и освобождая кишечник от остатка тугих каловых масс, я безапелляционно приговаривал ее к аскетическому образу жизни, лишая надежды на любовную встречу с самцами-производителями, последующую беременность и рождение котят.

— Но как же так, доктор? Вы, как мне видится, неравнодушны к Рабле. А в его творчестве, как известно вам, основное место занимают телесный низ, зона производительных органов — совокупление, оплодотворяющий и рождающий низ. А с ним — обновление, благополучие и чудо нового рождения, — попытался Михаил Михайлович склонить меня дать согласие на кошачье замужество.

— Насчет «чуда рождения котят» согласен. О прелестных созданиях — маленьких новорожденных котятках — спорить не буду, а вот в отношении «полного благополучия разрешения родов» у меня большие сомнения. Восемь кошачьих лет могут таить в себе много акушерских неизвестностей, в том числе возможную операцию кесарево сечение, — были мои последние аргументы в обмене мнениями с хозяином животного. При этом мне показалось, что обрисованную мною мрачную картину совершенно ненужного замужества Киски с вероятно возможными нежелательными последствиями в столь позднем для нее возрасте Бахтин воспринял просто для сведения, и не более...

После непродолжительной паузы, взятой для передышки или обдумывания чего-то, Михаил Михайлович открыл глаза и, глядя на меня изучающим взглядом, поинтересовался, не знакома ли мне его статья «Фрейдизм». И тут же сам ответил:

— Конечно же, незнакома. Под моим именем она вообще никому неизвестна. Я же ее подписал не своей фамилией... Но, думаю, работы Фрейда по психоанализу вас, доктор, не обошли стороной...

— Да, Михаил Михайлович, в студенческие годы я их читал. Но для нас, ветеринаров, точнее, лично для меня и моей практики, они имеют чисто познавательное значение. Если так можно выразиться, для расширения кругозора. Большую пользу мне приносят труды русских и зарубежных ученых-биологов, которые тесно увязывают между собой два основных научных направления, проливающих свет на поведение животных, — этологию и сравнительную психологию. Конечно же, в жесткой сцепке с половыми гормонами. Как, например, в конкретном случае с нашей Киской — эстрогенами и прогестагенами, выброс в кровь которых контролируется гормонами гипофиза.

Моим ответом строгий гуру был удовлетворен. Это подтверждалось появившимся блеском в его умных и проницательных глазах и заметной активизацией движений.

— Согласитесь, доктор, что даже человеку удается наблюдать всего лишь внешние, так называемые объективные проявления психической жизни у животных, людей и у самого себя. Но на самом деле в организме проходят еще и внутренние — субъективные, строго определенно протекающие «материальные» процессы, которые нельзя пощупать, увидеть или услышать...

— Полностью согласен! Однако эти субъективно протекающие процессы все-таки могут выплескиваться наружу, но уже в виде утонченных эмоциональных проявлений, как у Homo Sapiens, — без раздумий ответил я. В моей практике встречались уникальные случаи, когда, например, собака — самка породы боксер — спаривалась только с хорошо знакомым ей ласковым, обходительным и желанным самцом совершенно другой породы — колли. По всей вероятности, подобное поведение было обусловлено какими-то невидимыми и неощущаемыми — субъективными — процессами, я бы сказал, умными мыслями, порожденными нейрогуморальными связями, происходящими в ее таинственной женской головке. Но, к моему глубокому сожалению, она мне об этом так ничего не сообщила...

— Вот, вот, доктор, вы изрекаете истину. Это и есть не что иное, как внешнее проявление «материально-телесного языка» живого организма — крик души его психической жизни. А если сообщение, посланное животным во внешнюю среду о своем желании совокупиться, нам стало известно, вправе ли мы, люди, изображая обратное, лишать его удовлетворения возникшей потребности в coitus[1] — одном из важнейших элементов цепи основных событий общеживотной жизни на земле: рождение, coitus, смерть?

В умело расставленный Михаилом Михайловичем капкан я решил не попадать. Тем более мне представилась возможность сделать вид, что его ловушку я не заметил — в комнату вальяжной походкой вошла Киска. Полностью опорожнившись, она, как ни в чем не бывало, легко запрыгнула на кровать к любимому хозяину. На этот раз ее живот был мягок и безболезнен. Кошка громко мурила и, вообще, чувствовала себя великолепно.

Михаил Михайлович, так и не получивший от меня ответа на свой каверзный вопрос, стал рассказывать о красавце-коте из соседней квартиры известной писательницы, которого она периодически выпускает погулять на лестничную площадку — так называемое место кошачьих свиданий. По его утверждению, этот котик Киске давно не безразличен. Они часами могли играть или изучать друг у друга только им одним понятные феромоновые ароматы материально-телесного низа.

Та нежность и трогательность, с которой Михаил Михайлович ласкал свою спасительницу и любимицу, рассказывая мне о ее потенциальном женихе, все больше и больше выдавали истинный настрой хозяина. Со стопроцентной уверенностью я мог уже утверждать, что как только Киска войдет в состояние половой охоты и запросит кота, Михаил Михайлович удерживать ее не станет...

ЭПИЛОГ

Когда скорая медицинская помощь по срочному вызову прибыла на Красноармейскую улицу, двадцать один, то у писательского дома ее уже встречали. Поднявшись в квартиру, врачи констатировали «смерть до приезда скорой». Со слов докторов-кардиологов, им не хватило всего нескольких минут, чтобы осуществить реанимационные мероприятия по спасению больного.

— Если бы у него под рукой оказался валидол и он принял бы его, как это делают все сердечники при возникновении острых болей в сердце, то дождался бы нас, — с сожалением и тоской в голосе произнес один из врачей.

— Его вчера с нашей лестничной площадки украли живодеры, — тихо ответил кто-то из друзей Бахтина...

[1] Coitus (лат.) — половой акт.

Чарльз ДАЙ

Чарльз Дай (1925—1960) — американский фантаст, автор романа «Узник в черепе», рассказа «Последний орбитальный полет» и др. Был женат на писательнице Кэтрин Маклин, издавшей от его имени «Синдром Джонни» — одно из первых научно-фантастических произведений о генной инженерии.

Рубрику ведет
Евгений Никитин

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Печатался также в «Независимой газете», журнале «Плавучий мост». Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение», в настоящее время учится в магистратуре Российского государственного гуманитарного университета по специальности «история».

Окончание. Начало в № 2 за 2016 год

Возрождение

Строитель подошел к груде шкур, на которых спал, взял несколько под мышку и вышел наружу. Старые кости, как никогда прежде, пронизали предвещающие весну холода. Он медленным шагом добрался до края деревни, где под покатым навесом из дубленых вычищенных шкур стоял Тор. Он никогда прежде не приходил к Тору, о чем теперь жалел.

Он осторожно, словно тень, прокрался вдоль задней стороны храма к входу. Подмигивающие звезды освещали внутреннее помещение. Посреди храма выделялся темный силуэт. Должно быть, Тор.

Он без промедления устремился вперед, внезапно наступил на нечто мягкое, споткнулся и упал. Раздался стон — как будто кого-то пнули в живот...

Кто-то набросился на лежащего Строителя, принялся колотить по голове и плечам. Старик знал, что ему не хватит сил, чтобы победить чисто физически. Но ему удалось набросить шкуры на голову нападающего. Строитель вырвался из хватки противника и поднялся на ноги. Незнакомец попытался позвать на помощь, однако толстые шкуры приглушили крики. Строитель заозирался в поисках чего-нибудь потяжелее. На глаза попался только идол. Строитель обеими руками приподнял его с пьедестала и опустил прямо на того, кто барахтался под шкурами. Глухой стук — и все стихло.

Строитель пару секунд переводил дыхание и со страхом вслушивался, не спешит ли кто на помощь нападавшему. Но было тихо, только его собственное сердце колотилось.

Он поднял тело в шкурах и взвалил на плечо, поморщившись от боли. Свободной рукой он ухватил Тора за одну из «рук» и, шатаясь от тяжести, пустился в обратный путь.

Было по-прежнему темно, если не считать серой полоски на востоке. Он несколько раз спотыкался и падал, но добрался до своего жилища и был уверен, что не оставил никаких следов. Каж-

дой ночью земля промерзала, даже сейчас, когда зима сходила на нет. В своем убежище, по-прежнему в темноте, Строитель сбросил с плеча ношу. Когда он перевернул тело, что-то со стуком упало на пол. Костыль. Он поспешно ощупал ноги своей жертвы: одной на месте не было. И почему его угораздило убить именно Морджа! Правую руку Тугора...

От тела надо избавиться, причем быстро, пока не рассвело! Горизонт уже серел. Он понятия не имел, хватит ли сил, но знал, что должен доволочь Морджа до плотины и сбросить в одну из незасыпанных ям. Тора придется пока прятать у себя. Обоих до плотины ему не дотащить. Он завернул идола в еще один слой шкур, уложил под изголовье, затем снова подхватил тело и начал путь.

Когда Строитель доковылял обратно и рухнул на шкуры, уже вставало солнце. Весь день он пролежал в постели. Его тело горело от жара, а сердце колотилось, как барабан. Он был уверен, что скоро умрет. *«Тем лучше»,* — раздался голос какой-то части сознания. По крайней мере, он, как и Мордж, не увидит яростную реакцию на исчезновение Тора.

Похоже, он все-таки проиграл. Он победил бога, но теперь сам при смерти, а плотина осталась недостроенной.

Прошел день. Поздно вечером он проснулся и чувствовал себя лучше. Он съел пригоршню орехов и инжира, запив травяным чаем. Затем пришел ночной мрак. Строитель направился в деревню.

Что бы ни творилось там днем, теперь все закончилось. Только небольшие группы людей беседовали у костров. *«Совсем как в старые добрые времена до появления Тора»*, — подумалось Строителю. Это хорошо.

Он подошел поближе, чтобы погреться. Один из его рабочих узнал старика. Ему уступили почетное место у костра — как прежде, когда он только-только появился в племени.

Такое внезапное дружелюбие ошеломило Строителя. Тугор проделал такую тщательную работу по разрушению его репутации, что он больше и не мечтал о радушном приеме.

Ему поведали, что происходило, пока он лежал при смерти.

Когда бог и Мордж пропали, Тугор созвал всех соплеменников и объяснил, что Тор их покинул, забрав Морджа в качестве приношения, потому что прогневался на слабость веры в него и презренность даров. Чтобы умиротворить и вернуть бога, нужно принести в жертву много молодых парней и девушек. Однако люди засомневались. Они считали, что произошедшее — вина жреца, а не их самих. В конце концов, он был ближе всех к Тору. Следовательно, бог прогневался на Тугора, а не на деревню. После недолгого совещания они постановили изгнать Тугора и велели ему не возвращаться без Тора.

Старый Строитель чуть не расплакался от таких радостных вестей. Плотину таки достроят, это точно. Он решил больше никогда не упоминать религию, Тора и Тугора. Быть может, вскоре они обо всем позабудут. Теперь он продолжит учить молодежь (и самых сообразительных стариков) письму, а не рисованию каракулей.

Часы и дни превращались в недели и месяцы. Строитель неустанно делился с людьми своими скромными знаниями — арифметикой, основами инженерного искусства (к примеру, возведения плотин) — и, что самое важное, пробуждал в них желание учиться, исследовать, ставить все под сомнение — даже его слова.

Недели шли. Плотина была достроена. Постепенно он собрал вокруг себя группку приверженцев, желающих искать самую неуловимую из всех сущностей — истину. Строитель понимал, что его дни сочтены, а труд завершен. Оставалось последнее — навсегда избавиться от Тора, утопив на дне плотины; он до сих пор не дотрагивался до сокрытого под его постелью идола.

Однажды вечером он вернулся с прогулки по плотине, зажег факел и едва не выронил его: в его жилище царил хаос. Все было перевернуто вверх дном. Посреди комнаты валялись разбросанные шкуры... Идол пропал! Он повернулся и выбежал из дома, но не успел сделать и десятка шагов, когда из-за деревьев и скал выскочили смутные тени, превратившиеся под лунным светом в людей.

Сильные руки обездвижили его, кто-то зажал ладонью рот. Его впихнули обратно в дом и захлопнули дверь. Перед ним стоял встрепанный грязный человек — Тугор. Строитель узнал и остальных — все они были из числа старых приверженцев традиций, с самого начала не одобрявших его намерения. Несмотря на свое положение, Строитель не мог не обрадоваться: если за Тугором пошли только эти трое, значит, остальное племя за него. Жрец заговорил скрипучим голосом:

— Я не сразу сложил два и два, но как только все понял, поспешил вернуться в деревню и обнаружил бога именно там, где следовало искать в первую очередь! За святотатство ты заплатишь всей кровью своего тощего тельца до последней капли — причем прямо сейчас!

Тугор немедленно исчез. Строитель осознал, что его собираются убить и объявить всем о возвращении бога. Жрец не собирался рисковать, оставляя Строителю шанс снова встать у него на пути. Но старику было все равно. Он успел посеять семена знания и мудрости в племени. Тугор не подозревал, что уже не добьется всеобщего почитания и уважения. Начнутся сомнения, вопросы, испытания и Тора, и Тугора на предмет их правдивости, их истинности.

Тугор зашел обратно в дом — по-видимому, с Тором. Зажимавшая Строителю рот рука запрокинула ему голову, и в это мгновение он успел заметить и длинный нож, выхваченный жрецом из-под изорванного подола, и большую жертвенную чашу, которую поднесли к его шее. Затем его голову толкнули вперед и в сторону. Он впервые увидел бога. И все его тело содрогнулось от смеха. Под ручками, под значком молнии были выгравированы большие буквы:

ТОР

Автоматическая посудомоечная машина на атомной тяге. 1999

Перевод с английского Евгения Никитина.

Инна АЛЕКСАНДРОВА

Инна Александрова — автор двенадцати книжек, а также публикаций в журналах «Огонек», «Знамя», «Континент», «Диалог», нью-йоркских «Слово/Word» и «Острова». Некоторые тексты переведены на немецкий и татарский языки. Филолог (окончила Казанский университет). Преподавала, около тридцати лет работала редактором.

Если не делается лучше — становится хуже...

Что делать? Что делать? Извечный русский вопрос встал и перед ней — еврейкой. Хотя какая она, к черту, еврейка, если не знает ни идиша, ни иврита. Так, кое-что, через пень-колоду. Однако от еврейства своего натерпелась под самую завязку. О том, что «жидовское отродье», услыхала еще в тридцатые, когда жили в Казани. Говорила это тетка, которую она, как и все дети огромного общежития, ненавидела. Тетка была большая и толстая. Мама сказала, тетка — бывшая лавочница. Теткин сын устраивал скандалы у единственной на весь этаж уборной. Он засекал, кто сколько времени пользовался этим заведением, и вывешивал соответствующие списки.

Рядом с их малюсенькой комнаткой была огромная комната — по крайней мере так ей казалось, — в которой жили Елена Николаевна и Алексей Иванович. Оба были красавцами, потому что ходили в таких одеждах, каких ни у кого, в том числе и у ее родителей, не было. Пара была бездетной, и их, малышей, иногда приглашали, угощая невиданными лакомствами — печеньем и мармеладом. Здесь она не слышала «жидовка», но «еврейка» — часто.

С тех пор всю сознательную жизнь знала: слово «еврей» приносит несчастье.

Долго, очень долго вспоминали отец и мать Казань: это был город их молодости, любви, рождения ее, Фиры. Мама окончила медицинский факультет Казанского университета, отец — химический. Переезд из голодной Казани в теплую и сытую Одессу был, конечно, благом, но мама очень тосковала по клинике.

Одесса запомнилась ей ослепительным солнцем, которое приходило к ним через огромное «итальянское» окно. Окно выходило на бульвар Фельдмана, или, как теперь его называют, Приморский, на знаменитую Потемкинскую лестницу. Небольшую, но очень чистую белую комнату с высокими потолками, маленькую, но тоже белую кухоньку и белую-белую кошку Пушку видит она, когда вспоминает то время. А еще видит школу, учась в которой не думала о своем еврействе, потому что евреев в городе было много.

Все несчастья начались 22 июня сорок первого. Она помнит этот день лучше вчерашнего: воскресенье, отец и мама дома. Включили приемник — у них уже перед войной был приемник — и вдруг: будет говорить Молотов. А потом страшное — война. Нельзя сказать, что это слово было совсем уж неожиданным. В воздухе оно носилось. Но люди не хотели верить, принимать всерьез, не хотели об этом думать. В двенадцать дня выступил Молотов, а в семнадцать маме принесли повестку: она как врач должна была немедленно явиться на сборный военный пункт. Собирались недолго — самое необходимое. Маленький чемоданчик. На сборный пошли вместе.

Последующие дни, до эвакуации, помнит плохо. Отец приходил поздно. С черными кругами под

глазами. От мамы вестей не было. Еды тоже. Стояли длинные очереди. Говорили о немедленной эвакуации. Одессу начали бомбить.

Это было, наверное, начало июля, когда отец сказал, что договорился с соседями: они собираются в эвакуацию, возьмут и ее. Сам он должен идти на фронт, хотя у него есть бронь. Но он не может, не имеет права оставаться в тылу, когда мама на фронте. Поступит как хозяин: вещи сдаст в ломбард, квартиру закроет. Она поплакала — очень страшно было оставаться без родителей. Потом смирилась.

Отец договорился с соседями — они уезжали — и посадил Дору Марковну, Риту и ее на теплоход. Добрались до Баку. Здесь были несколько дней. Истратили последние деньги: есть все время хотелось. И вновь море. При сильнейшей качке теплоход доставил их в Красноводск. Снова поезд. Почти полный голод. Денег не было. Продать что-то из вещей тоже не всегда удавалось. А поезд все шел и шел, через Ашхабад, Бухару, Самарканд в Коканд. В Коканде наконец-то высадили. Началась эвакуационная жизнь.

Уже в дни долгой дороги она поняла, что Дора Марковна и Рита, старше ее на пять лет, станут теперь самыми близкими людьми. Так оно и случилось. Дора Марковна была архитектором. Никогда не расставалась с карандашом, альбомом и папиросой. Со всем этим в войну было плохо, и Дора Марковна страдала. В своих альбомах рисовала она сооружения, украшенные смальтой. Это были очень красивые дома и дворцы. Картинки развешивали на стенах, где жили. Воплотиться в жизнь замкам-дворцам было не суждено. В Коканде архитектурные знания никому не были нужны, и Дора Марковна служила в какой-то столовой, где кормили эвакуированных, мыла полы, убирала посуду. Они с Ритой учились — Рита оканчивала школу. Их жилища постоянно менялись — пристроиться где-то основательно было невозможно. Спасало узбекское тепло. Чувство голода было непроходящим. Они очень поизносились: купить одежду и обувь было не на что. Тапки Дора Марковна шила из подаренных тряпок.

В сорок втором, в январе, случилось счастье: через военкомат удалось найти отца и маму. Пошли письма, которых ждали каждый день. Пришли денежные аттестаты, которые дали возможность заиметь всем троим по новому платью. Весной сорок второго Рита окончила школу. О дальнейшей учебе не могло быть и речи: негде и не на что. Поэтому Рита пошла санитаркой в госпиталь — дали рабочую карточку. Она, Фира, тоже все лето ходила в госпиталь — помогать. За это кормили.

В июле от мамы пришла последняя коротенькая открытка. Она помнит ее наизусть. «Дорогие мои, — писала мама, — я нахожусь на юге и воюю вместе с нашими доблестными краснофлотцами. Здесь такой ад, что если и вырвусь живой, ничего не смогу рассказать. Берегите себя. Ваша Юля». Такой была последняя мамина открытка, а от отца последнее письмо пришло в апреле. Аттестаты шли до конца сорок второго, потому долго думали, что отец и мама где-то в госпитале, ранены. И хотя весной сорок третьего было получено официальное сообщение, что оба пропали без вести — один под Керчью, другая под Севастополем, — ждали, очень ждали. Даже после войны.

В Коканде не ощущала антисемитизма. Горе — потеря родных и близких — коснулось почти всех. Заниматься выяснением, кто есть кто, видно, было недосуг, но зато уже потом, в Москве, слышала, очень часто слышала, что евреи не воевали, отсиживались в теплых местечках, берегли себя. Как больно и обидно было! Полное сиротство давало право негодовать, а уж потом, в конце войны, когда прочла о варшавских евреях, согнанных в гетто, но не потерявших достоинства, считавших, что если умереть, то умереть с честью, в борьбе, — поняла всю подлость лжи, возведенной на ее народ. Они, эти уцелевшие евреи, тогда так наподдали фашистам, что даже польские газеты писали: героизм евреев в варшавском гетто войдет в историю как пример неустрашимого мужества.

Получив тогда, в сорок третьем, сообщение, что родители пропали без вести, поняла: осталась одна, совсем одна. Теперь единственная ее родня — Дора Марковна и Рита. Отныне они и только они — ее семья. В конце сорок третьего стали хлопотать о пропуске — разрешении выехать из Коканда в Москву. В Москву — потому что в ней жил единственный брат Доры Марковны. В Москве Дора Марковна могла найти какую-то работу по специальности, а Рита — продолжить учебу. Да и по рождению Дора Марковна была москвичкой.

В Москву приехали в канун нового, сорок четвертого. Встречал Арон Маркович — натура тонкая, художественная. Несостоявшийся артист. Привез их в свои двенадцатиметровые апартаменты в Дегтярном переулке. Окнами «хоромы» выходили прямо на асфальт. Арон Маркович жил один, работал осветителем в Еврейском театре, у Михоэлса. Трагедия, случившаяся с Михоэлсом позже, коснулась и их семьи.

Работа для Доры Марковны нашлась в одной из архитектурных мастерских, Рита пошла в госпиталь и на курсы для поступления в мединститут. Для нее же, Фиры, эти военные и первые послевоенные годы в Москве были самыми формирующими. В школе интересно. У Арона Марковича много книг. Он часто, даже очень часто берет ее в театр. Она начала понимать идиш. Нутром ощутила: да, она еврейка, у нее резко выраженная еврейская внешность — густые черные вьющиеся волосы и глаза с извечной еврейской тоской. Но этого не нужно стыдиться, ибо этим ты унижаешь свой народ. Пренебрегать народом, к которому при-

надлежишь, — стыдно, преступно, какую бы клевету на него ни возводили. А в стране назревали события, имевшие целью уничтожить не только еврейскую интеллигенцию, но и вообще всех евреев.

В сорок восьмом, еще до совещания в ЦК, в январе убили Михоэлса. Убили дико, подло — на энкавэдэшной даче. Они, знавшие Соломона Михайловича, не поверили никаким газетным россказням. Уверены были: сделано все по указанию самого «верха». Именно в те скорбные дни пришла к выводу: Сталин — не просто антисемит. Сталин — убийца.

Чувствовала ли в те годы антисемитизм на собственной шкуре? Конечно. В десятом классе била морду девке, что обозвала жидовкой. Вначале опешила. Оцепенела. А когда поняла, рука со всей силой опустилась на физиономию. Никогда — ни до, ни после — ничего подобного не совершала. Теперь посмела. Такова была сила обиды, возмущенного человеческого достоинства.

Девчонки — это была женская школа — застыли в безмолвии. Она упала на парту и разрыдалась. Потом, ни у кого не спросившись, ушла. Думала, навсегда. Дома весь вечер и даже ночь обсуждали, что будет дальше: арестуют или нет. Куда идти работать без аттестата. Отдадут ли документы, если поехать учиться в Подмосковье. И все-таки где-то под утро Арон Маркович, который после разгона Еврейского театра работал электриком в домоуправлении, убедил, что идти в школу надо. Обязательно надо. Иначе — трусость. Признание, что виновата. А она ни в чем не виновата. Она защищала себя, честь народа, к которому принадлежит. Он вспомнил о ее погибших на фронте родителях. И она пошла. Каково же было удивление, когда увидела: девчонки держатся так, будто ничего не произошло. Девки в школе не было. Она не появилась и на следующий день: перевелась в другую школу. Финал их отношений оказался неожиданным: встретились через десять лет. Встретились и не прошли мимо. Сели в сквере. О былом — ни слова. Девчонка приехала хоронить бабку, что воспитала ее. Она тоже была круглой сиротой…

Вспоминая эту историю, всегда анализировала: что толкнуло человека произнести подлые слова? Глупость? Дурость? Какие-то убеждения?

Случай не отразился на школьной карьере. Училась всегда хорошо. Особенно выделяли химик и математик. На медаль не рассчитывала, но иметь как можно меньше четверок была обязана. Был негласный конкурс аттестатов. Подрезали на сочинении. Но она не горевала. Знала, если «пятый пункт» не помешает, экзамены сдаст. Решили: поступать будет в химико-технологический. Начиналась «большая химия».

Сдала все на отлично и даже сразу получила повышенную стипендию. Теперь тоже могла приносить в дом какие-то деньги. Рита оканчивала мединститут и работала сестрой в детском садике. Дора Марковна трудилась в своей мастерской. И даже Арон Маркович, несмотря на пенсионный возраст, не позволял себе расслабиться. Жизнь как-то налаживалась. Беды пришли позже. И все вместе.

Началось все с «дела врачей». Теперь уже мало кто его помнит, а она — все, до капельки. В январе пятьдесят третьего вдруг сообщили по радио и в газетах: врач Лидия Тимашук разоблачила «осиное гнездо» — врачебный заговор против кремлевских вождей. Хотели врачи — почти всё еврейские фамилии — убить кремлевцев, ставя им неверные диагнозы. Рита, как только услыхала, сказала: ложь. Даже если один-единственный врач сошел с ума и мог это сделать, группа самых известных профессоров — никогда. Ложь. Они думали, кому и зачем это нужно. Риту на третий день после сообщения отстранили от работы, хотя по документам она была русской: Маргарита Александровна Пастухова. Но кагэбэшница, работавшая в отделе кадров больницы, прекрасно помнила: мать Риты — еврейка. Рита предложила: будет работать без денег. Но ей сказали: уволена. Уволили и других врачей-евреев. Слухи, один страшнее другого, поползли по Москве. Евреев среди врачей было достаточно, и после первого шока люди начали жаловаться: лечиться-то стало не у кого. В больницах и поликлиниках врачебные места пустовали. И тогда после смерти Сталина дали обратный ход: в ночь с третьего на четвертое апреля пятьдесят третьего в «Правде» напечатали опровержение. Но чего стоило это трехмесячное «дело» врачам-евреям… Тюрьмы, болезни, смерти… Смерть пришла и в их дом. Дора Марковна молчала, но себя, свое еврейство считала повинным в несчастье Риты. И в конце апреля, двадцать пятого, в одночасье умерла. Умерла на работе. Сослуживицы рассказывали: на полуслове умерла. Только ойкнула. Было ей пятьдесят четыре. Тяжело пережили смерть Доры Марковны, а она поняла: второй раз осиротела. Дора Марковна заменила ей мать.

В марте пятьдесят третьего хоронили Сталина, но она не пошла ни в какие «почетные караулы». После врачебного дела возненавидела его окончательно. Об этом, боже упаси, ни с кем нельзя было говорить, и только дома, тщательно прикрыв двери и переходя на шепот, обсуждали, в чем причина людских страданий. Они не знали, что другие говорят о Сталине, тоже тщательно прикрыв двери, но понимали: Сталин, конечно же, незаурядный ум, но ум злой, даже хищный. Интеллект Сталина — аморальный.

Учиться в институте было интересно, и она хорошо сдавала экзамены. Вечера, вечеринки шли как-то мимо. Ей всегда любопытней было почитать, когда случалось свободное время. И все-таки молодость брала свое. Чувствовала: один из парней в группе — Володя Иванов — к ней неравнодушен. Старалась как бы отгородиться, не замечать этого, мысль о замужестве поче-

му-то всегда гнала от себя. У Риты, старше ее на пять лет, тоже никого не было. Но Ритины женихи были перебиты на войне, а она боялась, очень боялась, что человек, которого полюбит, которому доверится, вдруг оскорбит ее, ее национальное достоинство. Мысль, что близкий человек назовет ее жидовкой, была непереносимой. И вообще не верила, что русский парень может искренне полюбить еврейку. Однако Володя продолжал ненавязчиво ухаживать, а она переводила все в дружеские отношения.

Пятьдесят третий был для них с Ритой очень тяжелым. Тихо, медленно угасал Арон Маркович. Просил не класть в больницу. Сказал, плохо ему будет среди чужих. Рита лечила его сама. В конце декабря он умер. Еще при его жизни решили их переселить из полуподвала. Дали ордер на маленькую двухкомнатную квартиру на Соколе. Сокол был окраиной. Арона Марковича нельзя было перевозить. Они врезали замок, а жить продолжали в Дегтярном. Их торопили. В январе следующего года предстояла защита диплома, а до этого было распределение. На комиссии сказала об Ароне Марковиче. Из комитета комсомола пришли, проверили. Заявили: диплом дадим свободный, устраивайся сама. И хотя на каждом столбе были объявления: требуются, требуются, требуются химики, понимала — устроиться будет трудно.

Положение евреев после смерти Сталина не стало лучше, хотя громких дел не было. Но кадровики всех больших и малых учреждений и предприятий четко знали: евреев брать не следует. Чтобы устроиться, еврею надо было иметь много больше «за» по сравнению с нееврeем. То, что нееврей получал просто так, за здорово живешь, еврей должен был заслужить, то есть иметь в своем рейтинге явное преимущество, а потому евреи понимали: должны учиться и работать так, чтобы руководители хотели их взять.

В начале пятьдесят четвертого целый месяц, как на работу, ходила из учреждения в учреждение. Выучила все организации и предприятия Москвы, так или иначе связанные с химией. Везде мило улыбались: мест свободных нет. И вдруг в один из зимних дней забрела на электроламповый. Ей не отказали. Сказали, может идти в кадры и заполнять анкету. Уже потом, проработав несколько лет, поняла: директор был мудрым человеком. Знал, что евреи, нашедшие на его заводе приют, будут работать в поте лица. И это действительно было так. Она вышла на работу третьего февраля и проработала на заводе пятнадцать лет, хотя труд был нелегким и очень вредным. Ртуть, проклятая ртуть отравляла все существо. Как, почему получилось, что сюда же был распределен Володя? Володя Иванов, что так ненавязчиво ухаживал за ней в институте. Судьба? Они встретились на второй или третий день в столовой. Работали в разных цехах, но какое это имело значение, если оба радостно улыбнулись друг другу, если он сразу сказал: давай встретимся. Она решила: судьбу не перехитришь. А согласившись, не пожалела. События помчались ускоренно. Отношения стали развиваться с необычайной быстротой. Она больше не сопротивлялась, а только дала себе клятву: если хоть однажды он обидит ее из-за национальности, она уйдет.

Расписались в июле пятьдесят четвертого, а в июне следующего года уже родился Мишка. Беременность протекала тяжело, но она не давала себе поблажки. В заводской поликлинике попала к хорошей женщине-врачу, которая помогла ей и морально, и лекарствами. Проклятая ртуть делала свое дело. Несмотря на частые покраски стен и всего оборудования, ртуть в очень больших дозах присутствовала во всем и травила, травила постоянно. В эти годы получили они небольшой участок под Москвой, соорудили домик-сарайчик и здесь выгоняли из себя подлую отраву.

Уже в четыре месяца отнесла она Мишку в ясли: три года, как теперь, тогда с детьми не сидели. Закон да и обыкновенная реальная жизнь не были такими щедрыми. Жить Володя перешел к ним, благо комнатки были несмежными. И еще была радость: Рита с Володей очень подружились. «Спелись», как она говорила. Никаких скандалов, обид, недомолвок не было. И Рита, и Володя заставили ее тогда поменять фамилию. Ей было смешно и неудобно вдруг в одночасье стать Ивановой — с ее-то внешностью и именем Эсфирь Моисеевна. Ей казалось это нелепостью. Но после рождения Миши Володя так просил, чтобы вся семья, его семья, носила одну фамилию, чтобы ничто их не разделяло, что она сдалась. Володя оказался заботливым мужем и отцом. Прожив с ним сорок три года, ни в чем, абсолютно ни в чем не могла его упрекнуть. Смерть его в девяносто седьмом пережила как самое большое горе. Умер он, как и жил — никого не намучив, не потревожив. Мгновенно.

Тяжко перенесли они смерть Володи. Очень им с Ритой его не хватало. И теперь, когда прошло уже два года, бывают дни, когда она не может остановиться. Слезы льются и льются сами собой. В такие дни даже не едет к Рите. В семьдесят девятом они с Володей и Мишей купили маленькую двухкомнатную кооперативную квартиру у Речного вокзала, а Рита осталась в старой, на Соколе.

Миша приезжал на похороны. Горевал и плакал. Почему уехал в Израиль? Наверное, потому, что хоть и Иванов Михаил Владимирович, а сердце имеет еврейское. Умного, способного мальчика они родили. Как нынче говорят, в любви зачатый и рожденный. Проблем с учебой никогда не было, и как-то так получилось, что лет десяти заявил: стану хирургом. Может, прочитал что, может, фильм какой увидел. А главное — Рита, обожавшая его с рождения. Ее рассказы о трудных

больных, которых вытаскивала с того света, сделали свое. В старших классах сын много читал о медицине. Летом работал санитаром в Ритиной больнице. Потому поступил в институт без денег и блата. На несколько голов был выше тех, кто шел вместе с ним. И учился прекрасно. А распределен был, как и просил: в Ритину клиническую. Но многое, очень многое не устраивало парня. И как-то сказал: «Не хочу, не могу, чтобы однажды тупая толстая рожа сказала: ты — жид, сиди и молчи. Не хочу, как вы с отцом, быть невыездным». После пятнадцати лет работы на заводе они с Володей перешли в режимный НИИ, в котором пропахали еще двадцать лет, защитив диссертации. Короче, решил сын уехать, хотя работал уже над докторской и имел семью. Света, жена, русская, поддержала.

Особых проблем с отъездом не было. Иванов, но мать — еврейка. Таких брали. Как пережили Мишкин отъезд, один Бог знает. Наверное, тогда болезнь начала подтачивать Володю. Очень страдал. Но держал все в себе. Не жаловался. Только в глаза его грустные не могла она больше смотреть. Плакать, как они с Ритой, не смел.

Как сейчас живет Мишка? Хорошо живет. На паях с товарищем имеет клинику. Света тут же работает. Михал Михалыч собирается продолжить профессию родителей. А вот они с Ритой — одни. Совсем одни. Две старухи. Конечно, по здравому смыслу — нужно уезжать. Как обидно и отвратительно бывает, когда на экран телевизора вдруг выползает бритоголовое или с усиками а-ля фюрер нечто и начинает вещать, какие все евреи сволочи. Поистине, если не делается лучше — становится хуже. Но Рита ехать не хочет. Почему? Чем больше думает, тем больше приходит к выводу: несмотря на мать-еврейку, жизнь в еврейской семье, Рита человек с русским менталитетом, унаследованным от русского отца. И внешне она русская. От матери ничего не взяла. Разве только неизменную сигарету. Сорок лет простояла за хирургическим столом, а когда совсем отказали ноги — тромбофлебит — не бросила работу: еще десять лет прослужила в поликлинике. Не хочет ехать, потому что не чувствует себя еврейкой, хотя формально имеет полное право. Однажды даже сказала: «Зачем Землю Обетованную обременять русскими могилами...» Значит, как и по паспорту, она — русская. Ехать же без Риты — исключено: они не сестры и не кровная родня, но ближе, много ближе истинно родных.

И все-таки у них с Ритой есть камень преткновения — религия. Рита — ярая атеистка. Она же считает: вера — дело души. Володя сам в церковь не ходил, но ее очень понимал. Она же полагает: вера — всегда результат пережитого опыта, часто утрат, страданий. Любить Иисуса, понимать христианскую идею — хотя до полного понимания ей, конечно же, далеко — научил отец Александр Мень. Необычайно красивый, мудрый и абсолютно свободный человек. Свободный в несвободном обществе. Его эрудиция, гармоничность завораживали. Некоторые называли его религиозным гением, который жил верой и любовью к людям.

Бывая на выступлениях Меня, слушая его проповеди, видела, как люди тянутся к нему, впитывая каждое слово, как читают его книги. Тысячи прежде ни во что не верящих он обратил в христианство, особенно когда начал выступать по радио и телевидению. Его выступления несли не угрюмую религиозность, а радость, ясность, открытие. Уверена, отец Александр пал жертвой заговора. И сделали это те, кто хочет одного — православия на черносотенный лад.

Она часто думает: будь у нее хоть тысячная доля силы убеждения отца Александра, не уставала бы объяснять, как неверен путь тех, кто идет в ряды фашиствующих. Накачав силу и мускулы, от бездумья и одиночества попадают в стаю, которой ловко манипулируют сволочи и антисемиты. Цель — власть над толпой. Нужен враг, обязательно враг. Враг этот — еврей.

Россия больна, очень больна, потому зараза тут же востребована. Гнев, недовольство людей надо на кого-то направить. Этот «кто-то» — еврей. Но много ли евреев осталось? Так, жалкие полукровки. Предстоит последний исход. Как сказано у Якова Козловского:

> Когда в России по веленью власти
> Всем племенам вновь подытожат счет,
> Народ еврейский и десятой части
> От прежнего числа не наберет.

Уедут или погибнут в погромах последние евреи, а вот антисемиты все равно не успокоятся. Они будут выискивать «скрытых» — всех тех, кто сегодня считает себя чисто русским или полагает, что антисемитизма в России нет.

О господи! Если бы она имела хоть тысячную долю способностей отца Александра! Она бы объясняла и объясняла людям, что беды не от евреев как нации, а от конкретных казнокрадов и взяточников, честолюбцев, пьяниц и растлителей, которых полно в любом народе.

А еще — она рассказала бы людям, как в далекой древней Андорре жил человек, которого все считали евреем, потому что видели в нем некую «специфичность»: острый, все расчленяющий ум, любовь к деньгам и прочее. Когда он умер — а его убили, — все узнали, что был он найденышем и таким же андоррцем, как и другие. Андоррцы, смотрясь в зеркало, с ужасом видели, как на месте их лика проступают черты Иуды...

г. Москва

Валентин БАЮКАНСКИЙ

Валентин Баюканский — прозаик, публицист, член Союза российских писателей. Лауреат литературной премии им. Замятина. Автор шести книг.

Любимая из созвездия Козерога

Фантастическая комедия

ПОМЕРЕЩИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ!

На душе у директора районного дома культуры, сорокалетнего Григория Ярославовича Гуслина, было тоскливо: видимо, кто-то в небесной канцелярии решил во что бы то ни стало расстроить важное для него свидание. Еще вчера погода была чудесная: звенящее иссиня-голубое небо красиво оттеняло разноцветные осенние деревья. Григорию захотелось окончательно и бесповоротно очаровать свою новую знакомую — двадцативосьмилетнюю Евгению, с которой он два дня назад познакомился в салоне красоты «Локон», где она работала мастером-парикмахером в мужском зале. Девушка сразу же привлекла его внимание умными карими глазами и пышной каштановой косой, доходившей до пояса. На красавицу трудно было не обратить внимания, особенно такому ловеласу, как Григорий. Уж кто-кто, а Гуслин на своем любвеобильном веку перевидал столько чаровниц, что, казалось, его уже трудно было чем-то удивить. Однако, увидев эту незнакомку (Григорий Ярославович знал всех симпатичных парикмахерш райцентра, а эта новенькая устроилась в «Локон» за день до его прихода), он впервые за долгие годы растерялся: ее красивые пухлые губы, маленькая ямочка на подбородке, лучезарная улыбка, изящные, как у супермодели, руки завораживали. Какой-то неземной взгляд, проникающий в душу, нездешний говор, изысканная манера держаться заставили его одинокое сердце неровно биться, чего с опытным ловеласом уже давно не случалось. Гуслину, как в молодости, захотелось погулять с очаровательной барышней в парке и, наслаждаясь последними теплыми сентябрьскими денечками, почитать Евгении стихи собственного сочинения — провести так называемый интеллектуальный штурм, ибо девушки, как известно, любят ушами. И ничего, что эта красавица оказалась выше Григория Ярославовича почти на голову и была не по-модному одета. Его это не смущало: загадочная Евгения стала для него вожделенной мечтой. Узнав, что девушка приезжая, (та случайно обмолвилась, что приехала издалека), Гуслин назначил ей свидание, пообещав показать достопримечательности райцентра. Обзорную экскурсию он решил начать с парка, который был необычайно красив. Однако переменчивая осень показала свой зловредный характер. Уже с утра начался обложной дождь, серые тучи заволокли небо, и настроение Григория Ярославовича стало таким же тусклым и безрадостным, как испортившаяся погода.

Гуслин посмотрел на часы: было десять утра. До назначенного свидания в парке оставалось полтора часа.

— Нужно было пригласить ее на прогулку в воскресенье, а не в понедельник, — укорил себя любвеобильный директор дома культуры, но сделал он это для профформы, так как знал, что Евгения в этот выходной работала.

Гуслин понимал: погода нелетная, и девушка вряд ли придет, но, чтобы показать себя истинным джентльменом, поехал к условленному месту. На своем новеньком форде — «красной карамельке» он остановился прямо у входа в центральный парк и стал ждать. Ему

очень хотелось, чтобы выглянуло солнце и Евгения, несмотря на дождь, пришла к нему на рандеву. Гуслин почему-то вспомнил слова популярной в его юности песни:

Если в дождь такой
Ждать ты будешь,
Значит, любишь ты,
Значит, любишь.

Раздался звонок мобильного телефона. Девушка учтиво уведомила Григория, что в такую погоду воспользоваться его любезным приглашением не сможет, и предложила перенести встречу на другой день. Романтический настрой Гуслина окончательно угас. Однако он с наигранной веселостью ответил:

— Я понимаю, что у природы нет плохой погоды, но вы, Евгения, на сто процентов правы: блистающему солнцу не подобает скрываться в пелене серого дождя! Ваша удивительная красота однозначно затмевает наше светило, поэтому подождем хорошей погоды, чтобы окружить вас подходящими декорациями! Даже всемирно известная модель Довима по сравнению с вами ничто!

В этот момент в трубке раздалось сообщение оператора: «Абонент выключен или находится вне зоны действия сети».

«Даже если Евгения и не поняла всего сказанного, ей наверняка было приятно слушать мою высокопарную лесть, я ведь директор дома культуры, а такие люди всегда говорят интеллигентно», — улыбнулся Гуслин и вновь загрустил.

Дождь заметно усилился и лил уже как из ведра. Нужно было возвращаться домой. Григорий Ярославович решил сократить путь и проехать напрямую через главную аллею парка, благо в такую погоду там никого не было. Включив фары, медленно выехал на аллею и вскоре заметил свечение, которое исходило от старого дуба. Гуслин ничего подобного прежде не видел и поэтому остановился. Было такое ощущение, что ствол и ветки дерева окутала яркая голубая паутина. Загадочное свечение продолжалось всего несколько секунд. Вдруг Григория Ярославовича ослепила ярчайшая вспышка.

— Молния! — пронеслось в голове директора дома культуры, и он потерял сознание.

Когда Гуслин очнулся, ему показалось, что он в операционной: ультрафиолетовые лампы слепили глаза, ощущался неприятный запах, характерный для медицинского помещения.

— Вы директор дома культуры Гуслин? — строго спросил кто-то Григория Ярославовича громким неприятным металлическим голосом.

— Да, а в чем, собственно, дело? — глухо ответил Гуслин, заметив, что говорить ему удается с трудом. — В меня что — попала молния?

— Нет, это мы нейтрализовали шаровую молнию, которая приблизилась к вашей машине, — раздался вновь противный металлический голос.

— Господа, почему у всех такие странные голоса? — допытывался Гуслин.

В этот момент освещение уменьшилось, наступила полутьма, и Григорий увидел вокруг себя такую же светящуюся паутину, какая окутывала дерево, только паутина была красновато-оранжевого оттенка.

— Настройка на изучаемый объект произведена. Можно начать контакт, — на этот раз над самым ухом Григория Ярославовича раздался приятный баритон.

Освещение исчезло, и в темноте зазвучала тихая восточная мелодия, словно кто-то играл на армянском дудуке. Гуслину стало не по себе.

«Неужели в мою машину все-таки попала молния и я погиб? Наверное, сейчас начнется переход в иное измерение», — испугался Григорий Ярославович.

Встречаясь с женщинами, директор дома культуры Гуслин старался расположить их к себе, рассказывая о всевозможных потусторонних измерениях, о телепортации и других необъяснимых явлениях природы, о которых часто писали в глянцевых журналах и говорили по телевизору. Женщинам льстило, что такой начитанный человек, как Григорий Ярославович, уделяет им столько внимания, развлекая необычными рассказами.

— Господин Гуслин, не волнуйтесь. Вы живы-здоровы, и молния здесь ни при чем, — словно прочитав его мысли, кто-то постарался успокоить Григория Ярославовича. — Дело в том, что в настоящий момент вы являетесь участником межгалактического эксперимента. Сейчас мы в общих чертах объясним его суть, и вы решите, будете в нем участвовать или нет. Если откажетесь, то сотрем из вашей памяти воспоминание о нашей встрече.

— Ребята, так дело не пойдет! — воскликнул Григорий Ярославович. — Я хоть и живу в райцентре, но имею высшее образование и в курсе того, что есть передача «Розыгрыш». Вы считаете, что я поведусь на такой примитивный обман, а потом скажете: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера», и надо мной будет смеяться вся страна?

— Григорий, мы знали, что вы нам не поверите. Наша цивилизация давно опередила землян по техническому и, главное, по духовному уровню! Мы, например, знаем о вас все!

Эти слова развеселили Гуслина.

— Ребята, сейчас я выведу вас на чистую воду. Я сам-то себя не знаю, не то что вы! — Григорий Ярославович почувствовал себя уверенно. — Давайте я задам вам, как в сказках, три вопроса: сколько у меня было женщин? О чем я подумал сегодня в десять утра? И какими словами обзывала меня жена, когда решила от меня уйти?

— Григорий, вы хоть и не доктор Ватсон, но это же элементарно. На вашем счету восемьдесят шесть любовных побед, причем последняя с медсестрой Ольгой была в четверг, пять дней назад. Теперь ответ на второй вопрос. Когда погода испортилась, вы подумали: нужно было назначить свидание в воскресенье, а не в понедельник, хотя знали, что Евгения в этот день работает. И последнее. Расставаясь с вами, ваша жена сказала: «Твои бабы думают, что ты сладкий леденец. Нет, ты обычный вонючий кобель!»

Гуслин был поражен. С трудом придя в себя, он воскликнул:

— Ребята! Значит, вы действительно существуете?! А я-то думал, что небылицы про инопланетян сочиняют журналюги!

Через несколько секунд Гуслин вновь решил, что он все-таки спит: настолько невероятным было происходящее.

— Григорий, это не сон. Мы существуем на самом деле!

— Убедили! Но зачем я вам нужен? Наверное, есть экземпляры и получше? — пробормотал Григорий Ярославович.

— Наконец-то хороший вопрос! Чтобы понять, зачем вы нам нужны, мы охарактеризуем вашу сущность и огласим соответствующий вывод. Гуслин, вы любите быть в центре внимания, потому что являетесь прирожденным артистом и ловеласом. Правда, победы на любовном фронте вам уже не доставляют той радости, о которой вы мечтали в юности. После того как вы развелись, вы придумали для себя идеал возлюбленной, который никак не можете найти. Постоянный поиск абсолютной женщины вас изматывает. Годы уходят, а положительного результата нет. Вам себя жалко. Вы стали подвержены депрессиям и долго выходите из этого состояния. А ведь раньше жили весело и беззаботно, у вас было много друзей, приятелей, знакомых. Теперь почти никого не осталось. Вы, Гуслин, загнали себя в угол: чувствуете себя одиноким и непонятым, никак не можете найти тех, кто не разочарует.

— Ну, не все же так трагично, — подавленно выдавил Григорий Ярославович. Ему стало обидно, что его сокровенные мысли и переживания хорошо известны неизвестно кому.

— Нет, Гриша! Все действительно плохо, но мы попытаемся вам помочь, — вкрадчиво произнес баритон, проникая в самое сердце Гуслина.

— Это каким же образом? Будете требовать душу? — с опаской уточнил Григорий Ярославович.

— Ваша искалеченная душа нам ни к чему. Просто хотим помочь, и заодно… — говоривший замялся, — … но об этом вы узнаете позже. Ну что, согласны на эксперимент?

Григорий Ярославович молчал, думая, что ответить.

— Ну если это будет не очень больно, тогда я готов! — твердо произнес Гуслин. — Мне и впрямь такая жизнь надоела. Кручусь как белка в колесе, а радости никакой!

— Мы это знали, — насмешливо произнес загадочный баритон. — Исходя из ваших данных, все ваши поступки и желания легко просчитываются. А теперь слушайте и запоминайте.

Тихая мелодия, звучавшая фоном, смолкла. Прошло секунд тридцать, и вокруг Гуслина стало подниматься свечение, напоминавшее восход солнца. Зазвучал фрагмент из «Патетической сонаты» Бетховена, и перед директором дома культуры появилась полупрозрачная фигура красивого юноши в блестящем одеянии, сверкавшем всеми цветами радуги.

— Григорий! Как известно, человек имеет пять органов чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, — торжественно обратился к Гуслину загадочный юноша. — Посредством рецепторов эти органы собирают данные из окружающего мира и отправляют их в мозг человека. В отличие от землян, мы обладаем еще одним важным органом чувств — самоидентификацией.

— Нашли чем удивить! Наши военные тоже используют систему опознавания «свой — чужой», — вставил реплику Григорий Ярославович, которого эта примитивная лекция начала забавлять.

— Ваша военная система гораздо слабее и несовершеннее нашего органа, — недовольным тоном поправил Гуслина собеседник. — Встречая себе подобного, любой из нас сразу же понимает, на самом ли деле тот является своим или только делает вид. Ведь каждый из нас имеет собственную энергию-свечение. Кстати, Григорий, на Земле способность живых организмов светиться называется биолюминесценцией. Она основывается на химических процессах, при которых освобождающаяся энергия выделяется в форме света. Но это я так, к слову. Если наши энергии-свечения похожи, то образуются энергоцветовые союзы, переходящие во всеобщее энергополе. Срабатывает закон взаимного притяжения, когда подобное притягивает подобное. Чем ближе цвета и оттенки, тем мощнее и сбалансированнее наша общая энергетика. Общаясь с себе подобными, мы ощущаем радость и абсолютное взаимопонимание. Ваша беда, земляне, в том, что большинство из вас контактирует не с теми, кто им действительно нужен. Вы часто влюбляетесь в тех, кто не отвечает взаимностью, заключаете браки с теми, с кем потом каждый день выясняете отношения, дружите с теми, кто вас втайне не любит или завидует. В отличие от людей, у нас нет раздоров, предательств, разочарований. Мы сразу и до конца живем душа в душу — так, кажется, говорят у вас на Земле?

— Да, помню школьного библиотекаря Наташу. Мы с ней были как единое целое, — задумчиво произнес Григорий Ярославович. — Этой женщине я безгранично верил.

— Но променяли ее на смазливую стюардессу Раю, которая наставила вам рога, — с издевкой произнес космический незнакомец.

Реплики Григория начинали его раздражать.

— Гуслин, в нашем созвездии такие фокусы не проходят! Если появляется особь с другим свечением, мы стараемся с ней не контактировать — иначе произойдет дискомфорт, начнется борьба противоположностей, уменьшится жизненная энергия. В ауре появятся затемненные грязные оттенки, сигнализирующие об энергетическом перенапряжении. Поэтому наше чувство самоидентификации позволяет избегать многих ошибок, подчас роковых. У вас же, землян, при общении особей с разной энергетикой возникают эмоциональные, интеллектуальные и физические всплески — перегрузки, приводящие к инсультам, инфарктам, страданиям и разочарованиям в жизни. Ругаясь и плача, вы констатируете происходящее: «не сошлись характерами», «на дух не переношу», «тяжелый человек», «роковая женщина», «несчастная любовь».

— Ребята, вы что, всю мою биографию изучили? — удивленно воскликнул Гуслин и осекся, понимая, что сморозил очередную глупость. — Да, вы опять угадали. Есть у меня женщина, которую боготворю уже двадцать три года. Готов для нее сделать все, что она пожелает. — Григорий Ярославович помолчал и с горечью добавил: — Сколько я сделал ей добра, поддерживал, когда муж ее предал и оставил одну с детьми, но... Видимо, она ищет своего принца и мне не отвечает взаимностью. Душу истерзала отказами, живу с другими, а ее забыть не могу. И хотя эта роковая женщина унижала меня своим невниманием, до сих пор по ночам снится. Делайте что хотите, только избавьте от этой муки! — взмолился директор дома культуры.

— Хорошо. Вы увидите мир другими глазами: многие из тех, кого вы считаете своими в доску, на самом деле окажутся вам чужими.

— А если я вообще не найду свою, как вы выражаетесь, особь? Что тогда? — заволновался Гуслин.

— Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным. Так, кажется, у вас выражаются? — назидательно произнес незнакомец. — А теперь, Григорий, я популярно объясню вам, как мы живем в нашем созвездии, в шаровом скоплении под названием М30. — Голос незнакомца заметно потеплел. — У нас все особи обладают различными энергиями. Над всеми нами есть главный властитель. Его энергия совершенна — белого цвета. Надеюсь, вы в курсе, что при смешении основных цветов (красного, зеленого и синего) образуется белый цвет. Властитель для нас абсолютный пример: обладая всеми цветными энергиями, знает и понимает каждого. Поэтому он сделал так, что в любой группе особей царят гармония и порядок. Все знают свои цель и место, довольствуются тем, что есть, не жаждут чужого, не завидуют, не ропщут и уж тем более не врут, не воруют и не убивают. Главное — знать, кто ты есть, и испытать счастье от того, что обнаружишь. У вас тоже есть что-то подобное типа каст, кланов, сект и общин, но земляне любую хорошую идею почему-то искажают, всегда вплетая туда власть и политику.

Голос стал строже, торжественней.

— Григорий Гуслин, после нашей коррекции вы должны будете выбрать способ существования. Их всего три. Первый. Существование с себе подобными увеличивает жизненный потенциал, наполняя радостью единения и взаимопонимания. Второй. Одинокое существование сохраняет собственный жизненный потенциал. Третий. Существование с особями, обладающими другими энергиями, приводит к сокращению жизненного потенциала. Чтобы обрести долгожданную радость жизни, вы должны найти того, кто станет вашим вторым я. Мы будем за вами наблюдать, и если что — поможем.

Как только речь незнакомца закончилась, раздался протяжный вибрирующий звук, словно кто-то ударил в большой колокол. Веки Григория сразу же отяжелели, и он провалился в какое-то синее марево.

Гуслин открыл глаза. Голова гудела. Григорий Ярославович сидел за рулем своей машины. Дождь заметно ослаб. Казалось, еще немного — и он совсем прекратится.

— Видимо, рядом ударила молния, и я потерял сознание, — подумал Гуслин.

Он с опаской взглянул на старый дуб. Никакого свечения не было.

— Да, померещится же такое. — Григорий Ярославович облегченно вздохнул и, заведя машину, поехал прочь от этого вызывающего необъяснимую тревогу места.

Дождь прекратился, небо посветлело, и выглянуло солнце. Припарковав около дома машину, директор дома культуры внимательно ее осмотрел. Никаких повреждений не было.

— Хорошо, что молния не задела машину, а то мое свидание обошлось бы в копеечку, — подумал Гуслин.

Он чувствовал какую-то неприятную слабость во всем теле и решил никуда больше не ездить.

Зайдя в прихожую, Григорий Ярославович по привычке взглянул в зеркало. Лицо выглядело уставшим. Вдруг Гуслин заметил, что его русая челка приобрела яркий красновато-оранжевый оттенок.

— Что за чудеса?! — воскликнул Григорий Ярославович. — Точно: была молния, причем шаровая! Она и повлияла на цвет волос, — попытался успокоить себя Гуслин.

Мысль о шаровой молнии почему-то все время приходила ему на ум, засев в сознании, словно заноза. Григорий Ярославович начал рассматривать яркую прядь волос.

— Ее появление можно объяснить соседям и сослуживцам последним писком моды, — решил Гуслин, — все-та-

ки я директор дома культуры и должен быть на уровне модных столичных веяний. Может, так оно и лучше. Глядишь, и внимание новых женщин к себе привлеку! — с воодушевлением подумал Гуслин и тут же вспомнил о Евгении. — Да ведь все неприятности с нее и начались! И дождь, и молния, и эта дурацкая прядь! Значит, небеса дают знак: «Ищи другую, с этой горюшка хапнешь!»

Разочарование заполнило душу сорокалетнего ловеласа.

В этот момент раздался звонок мобильного телефона: звонила Евгения.

— Нет, завтра не смогу, — сухо ответил девушке Гуслин. — Я уезжаю в длительную командировку. Вернусь только через полгода. Мне жаль, что так сложились обстоятельства, но не расстраивайтесь, если вы будете меня ждать, обещаю положить к вашим ногам свое сердце.

Директор дома культуры отключил телефон.

— Если будешь меня ждать, я вернусь, — печально улыбнулся Гуслин и стал набирать номер мобильного телефона медсестры Ольги, с которой несколько дней назад провел бурную ночь. — Вот кто мне сейчас нужен. Она поможет поднять настроение.

ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА

— Хорошо, скоро буду, — радостно прощебетала Ольга. — Вот только маму попрошу присмотреть за сыном.

Упоминание о сыне Григория Ярославовича напрягло. На душе вновь стало тоскливо.

— Что же это за день такой? Сначала промашка с Евгенией, теперь Ольгин ребенок, — раздраженно подумал Гуслин.

Григорий Ярославович познакомился с медсестрой Ольгой по Интернету неделю назад: разведенная женщина хотела страстной любви. О том, что у нее имелся сын, не было и речи.

— Я же не давал объявление, что хочу завести семью, — никак не мог успокоиться Гуслин. — Ладно, присмотрюсь к ней внимательней, какой она человек.

За годы любовной практики Григорий Ярославович сделал несколько важных наработок: если женщина пыталась выйти с ним на серьезные отношения, Гуслин применял свой фирменный метод, который называл «лакмусовая бумажка». В юности он увлекался изготовлением бумажных змеев и достиг в этом деле хороших результатов. Его экспонаты выставлялись на областных выставках народного творчества. Хобби помогло Григорию и в армии. За изготовление огромного коробчатого змея, который во время парада взмыл вверх над штабом дивизии, Гуслин получил краткосрочный отпуск. Генералу понравилось, что на воздушном транспаранте красовалась надпись «Нашей воинской части 50 лет! Гвардейцы всегда и везде лучшие!».

После армии Гуслин окончил пединститут с отличием. Через пару лет женился, но уже через год развелся: оказалось, что у него с супругой не было общих интересов. О воздушных змеях Григорий вспоминал лишь при специфических обстоятельствах. Приходившим к нему представительницам прекрасного пола он как бы невзначай показывал фотографии воздушных конструкций, которые когда-то мастерил. Если женщина проявляла неподдельный интерес к необычному хобби Гуслина, он делал вывод, что с этой особой можно планировать серьезные отношения. Если же она мельком скользила взглядом по фотографии и начинала говорить о другом, как это делала его первая жена, — значит, больше, чем на сексуальные утехи, рассчитывать не стоило.

Вот и сегодня с пришедшей к нему в гости Ольгой Гуслин провел это нехитрое испытание. Увидев фотографии, она похвалила: «Какой молодец, я знала, что ты человек интересный! Гриша, сделаешь такую игрушку для моего сына?»

Гуслин растерялся: с одной стороны, Ольга оценила его работы, с другой же — сделала это, потому что думала лишь о сыне. Что же она за человек? Интересен ли он Ольге или та просто хочет найти ребенку нового папу? К тому же она не отреагировала на его яркую прядь. Неужели ей все равно?

Гуслин увлек медсестру в спальню. Там звучала тихая музыка, горели в полутьме свечи, на журнальном столике у дивана стояли бутылка коньяка и ваза с фруктами.

Григорий Ярославович предложил выпить за встречу. Внимательно глядя на Ольгу, он вдруг спросил:

— Ну, как тебе моя челка? Впечатляет? Это последний писк моды в парикмахерском искусстве!

Ольга удивленно посмотрела на Гуслина.

— Может, и есть какие-то нюансы, — сконфузилась женщина. — Я же не специалист. Мне кажется, все как и прежде.

— Как так? Ничего не замечаешь? — в свою очередь удивился Григорий Ярославович.

Ольга тихо сказала:

— Ты мне и так нравишься. Я по тебе очень скучала!

Женщина обняла Гуслина и притянула к себе. Когда любовники достигли пика желаемого, они в изнеможении отстранились друг от друга.

— Сергей, налей мне немного вина, что-то в горле пересохло, — попросила Ольга через пару минут.

— Сергей? — недоуменно переспросил Григорий Ярославович.

— Гриша, извини. Сергей — это мой прежний муж. Никак не могу до конца отвыкнуть, — спокойно пояснила Ольга.

Чувствовалось, что досадная промашка совсем ее не огорчила. Казалось, женщине было все равно, как к этому отнесется Григорий, которым она всего несколько минут назад громко восхищалась.

По телу Гуслина пробежала мелкая дрожь. Он еще раз взглянул на Ольгу и увидел: прядь ее волос светилась малиновым цветом!

Григорий Ярославович протер глаза — свечение не исчезало. Не начались ли у него галлюцинации?

— Так как же тебе моя новая прическа? — с опаской спросил медсестру Гуслин.

— Гриша, да что с тобой? Сдалась она тебе! Я же сказала: ты нравишься мне в любом виде, — обиженно ответила Ольга. Когда женщина произносила последние слова, свечение в ее волосах несколько раз мигнуло.

— У меня сегодня выдался тяжелый день, вот нервишки и сдают. Давай встретимся через неделю, надеюсь, ты соскучишься еще сильнее, — растерянно произнес Гуслин.

— Как долго ждать! Я без тебя уже не могу! — наигранно-слащавым тоном произнесла Ольга, и Григорий Ярославович заметил, как свечение ее волос при этом интенсивно замигало.

ЗАЙМИ ОЧЕРЕДЬ — БУДЕШЬ ТРЕТЬИМ!

После ухода Ольги Гуслин стал подводить итоги встречи. То, что женщина не выдержала проверки, было очевидно. Развод с мужем, долгое отсутствие мужчины и оставшийся без папы сын заставили ее играть роль влюбленной женщины. Да и пульсирующее свечение в ее волосах наглядно подтверждало, что это всего лишь игра: он для Ольги лишь вовремя подвернувшийся приличный вариант. Гуслин воспринимал произошедшее с пониманием. Сколько раз он сам разыгрывал подобные спектакли, сколько раз выслушивал потом упреки оставленных им женщин. Его беспокоило другое: загадочные свечения, которые он видел. В свое время Гуслин читал о многоцветном биополе, но чтобы светились пряди волос, об этом он никогда не слышал.

— Видимо, я сильно устал. Нужно выспаться. Утро вечера мудренее, — решил Гуслин и, обессиленный, прилег на кровать.

Утром он первым делом подошел к зеркалу. Прядь светилась так же ярко, как и вчера.

«Если свечение вижу лишь я один, значит, пора мне идти к психиатру», — подумал Григорий Ярославович.

Чтобы окончательно прояснить ситуацию, Гуслин решил поговорить со своей старой знакомой Изабеллой, которую считал верным другом. Несколько лет назад у них случился короткий роман. В свое время она, как и медсестра Ольга, искала замену прежнему супругу. Так уж получалось, что Гуслин часто оказывался в роли дамского утешителя. Одних приходилось утешать долго, других — всего несколько раз. Роман с Изабеллой закончился, едва успев начаться. Ее бывший муж Вячеслав был товарищем Григория Ярославовича. Гуслин часто бывал в их доме, являясь другом семьи. Когда Изабелла разошлась с мужем, то решила переспать с Григорием, чтобы таким образом отомстить Вячеславу. Однако сразу же после этого она заявила Гуслину, что им лучше оставаться друзьями. Григорий Ярославович не возражал. Когда ему было плохо, он приезжал к Изабелле поплакаться в жилетку. Ему казалось, что она его хорошо понимает.

Приехав к подруге, Гуслин, поговорив о том о сем, пристально взглянул на женщину и неожиданно спросил:

— Слушай, годы идут, а я никак не найду ту женщину, которая бы меня понимала так, как ты. Вот я и подумал: а что если нам вновь возобновить сексуальные отношения?

— Ты опоздал. Но если хочешь, можешь занять очередь — будешь третьим! Ко мне уже двое набиваются в женихи, — с издевкой произнесла Изабелла.

Григория Ярославовича так еще никто не унижал. В этот момент Гуслин увидел в волосах Изабеллы светящуюся синюю прядь. При последних словах женщины свечение заметно усилилось, как бы подтверждая, что та говорит правду.

Чтобы как-то выйти из неприятной ситуации, Гуслин сказал:

— Изабелла, я рад, что у тебя все так замечательно. Слушай, мне предлагают оттенить волосы красновато-оранжевым оттенком. Что скажешь?

— Не стоит. У тебя и так красивые волосы. Зачем их красить?

— Хорошо, не буду. Кстати, если пригласишь меня на свою свадьбу, приеду с желтыми ирисами. Я еще не забыл, что они тебе нравятся, — съязвил Гуслин и поспешил откланяться.

ЧЕМ БОЛЬШЕ УЗНАЮ ЛЮДЕЙ, ТЕМ БОЛЬШЕ В НИХ РАЗОЧАРОВЫВАЮСЬ

После разговора с Изабеллой Григорий Ярославович пребывал в ужасном настроении. Видимо, в его жизни наступила черная полоса. Ольга и Изабелла своим отношением нанесли ощутимый удар по его самолюбию. А тут еще это ужасное свечение! Гуслин со страхом подошел к зеркалу. Злосчастная прядь упорно светилась красно-оранжевым цветом. Разозлившись, Григорий Ярославович решил сделать селфи. На экране айфона было четко видно, что в его волосах никакой цветной пряди нет.

— Значит, я схожу с ума! — в отчаянии воскликнул Гуслин. — Что же мне делать?!

В этот момент перед взором Григория Ярославовича мелькнула фигура юноши в сверкающем одеянии. Хотя видение продолжалось всего долю секунды, этого оказалось достаточно, чтобы Гуслин отчетливо вспомнил все, что с ним произошло в парке, после того как он потерял сознание.

— Так вот оно что! — с некоторым облегчением воскликнул Григорий Ярославович. — Значит, молния здесь ни при чем. Это пришельцы наделили меня чувством са-

моидентификации, и теперь мне нужно выбрать способ существования.

— Да, Гуслин, все верно, — раздался около самого уха Григория Ярославовича знакомый вкрадчивый баритон. — За вами решение, которое и определит вашу дальнейшую жизнь!

— Да, я помню, только позвольте мне подробнее узнать, кто же на самом деле мне родной, а кто чужой, — умоляюще попросил Гуслин.

— Хорошо, особь с созвездия Козерога вас ждет, — загадочно произнес незнакомец.

Григорий Ярославович лег на диван и стал мысленно перебирать в памяти тех женщин, с которыми в течение последних двух лет поддерживал интимные отношения. Оказалось, что за это время он регулярно общался лишь с двумя любовницами.

— В первую очередь поговорю с этими дамами, — решил Григорий Ярославович и позвонил любовницам, назначив каждой из них встречу для важного разговора.

Пообщавшись со своими верными подругами, Гуслин выяснил, что у них с ним имеются точки соприкосновения, но энергии все-таки разные. И как бы в подтверждение сего неприятного факта Григорий Ярославович вспомнил, что ему всегда приходилось затрачивать много усилий, чтобы сохранять с ними дружбу.

«Что же это такое? Близкие внезапно сделались дальними. А я обнажаю перед ними душу, уделяю им внимание… — мрачно думал Григорий Ярославович. — Зачем мне все это надо? Ведь я не юнец, чтобы бездумно растрачивать себя по мелочам. Хорошо, что инопланетяне помогли разобраться в окружающих меня людях, иначе бы я еще долго доверял им, а потом бы так же долго в них разочаровывался».

Чтобы как-то успокоиться, Григорий Ярославович выпил пару рюмок коньяка и, прежде чем окончательно определиться, как ему дальше жить, решил воспользоваться чувством самоидентификации и «просветить» свою давнюю любовь, волновавшую его воображение в течение многих лет. Для Гуслина оставалось загадкой, почему его так тянет к этой роковой женщине.

Когда Григорий Ярославович приехал к ней домой, ему никто не открыл. Соседи сказали, что она несколько месяцев назад уехала жить к родственникам в Москву.

«Чем больше узнаю людей, тем больше в них разочаровываюсь!» — мысленно воскликнул директор дома культуры. Его душа разрывалась от обиды: столько лет он надеялся и терпеливо ждал расположения этой женщины — и все впустую! На его глазах появились слезы.

— Зачем жить без любви, которую никто не разделяет? Зачем искать того, чего нет? Уж лучше жить одному. Недаром инопланетяне сказали: «Одинокое существование сохраняет собственный жизненный потенциал». Решено! Начинаю жизнь с чистого листа!

ЗА ЭТИХ «ПТИЧЕК» БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ ДАЮТ!

На работе Григорий Ярославович написал заявление об уходе по собственному желанию. Он не хотел, чтобы кто-то из его знакомых знал, куда он уедет и чем будет заниматься. Поэтому попросил поскорее его рассчитать, сказав, что ему предложили в столице доходную должность, занять которую он должен в течение недели. На самом же деле Гуслин решил уехать в деревню Бугорки, где жил его брат-пенсионер Василий. Григорий Ярославович действовал решительно. Он всегда так поступал, ставя перед собой важную цель.

Зная, что Василий живет один (жена умерла, а дети работали в городе), Григорий Ярославович попросил брата приютить его у себя на зиму.

— Гриша, о чем речь? Долгие вечера коротать вместе всегда веселее, — радостно согласился тот.

Отмечая встречу, братья, как полагается, накрыли стол, стали выпивать, завели разговоры «за жизнь». Василий стал интересоваться, почему брат до сих пор не женился. Чтобы сменить тему, Григорий Ярославович включил погромче звук телевизора, где в тот момент шел сюжет о воздушных змеях. Диктор сообщил, что ежегодно во второе воскресенье октября празднуется Всемирный день воздушных змеев. Глядя на экран, Григорий Ярославович решил пошутить. Он поведал Василию придуманную им на ходу историю о том, что в районе ему поручили сделать три десятка воздушных змеев.

— Если они понравятся начальству, то их отправят на выставку за границу, а со мной подпишут контракт на дальнейшую разработку подобных изделий, — вдохновенно заливал брату Гуслин.

Живописуя возможные перспективы, Григорий Ярославович неожиданно подумал: «А почему бы и не вспомнить юношеское увлечение? Буду делать воздушных змеев, радовать себя и людей, а поисками идеальной женщины пусть занимаются молодые!»

На следующее утро Василий разбудил брата пораньше.

— Слушай, Григорий! Я тут займусь по хозяйству, а ты сочиняй свои конструкции. Мы еще всему району нос утрем. Да что району — всей области! Твои змеи будут самыми лучшими, я-то уж тебя знаю! — заговорщически произнес Василий.

Григорий Ярославович спросонок никак не мог понять, о чем говорит брат.

— Вася, какие змеи? — вяло поинтересовался Гуслин.

— Те, которыми ты должен удивить заграницу. Или ты уже передумал тягаться с заморскими мастерами? — удивился Василий.

Григорий Ярославович взглянул на брата, в волосах которого заметил яркое свечение красного цвета. Гуслину стало стыдно, что он вчера так неосмотрительно

пошутил. Свечение наглядно демонстрировало Григорию Ярославовичу, что старший брат в него верит и готов поддержать. «Я всегда считал Василия бесхарактерным, но вижу, что ошибался. Значит, чувство самоидентификации не только расстраивает, но и учит ценить тех, кто в тебя верит», — растроганно подумал Гуслин.

— А, ты вот о чем! — воскликнул Григорий Ярославович. — Конечно, удивим, если ты мне поможешь. В долгие зимние вечера мы будем изобретать, делать воздушных змеев, которые будем запускать и летом, и зимой, и вообще круглый год. Представляешь картину: вся наша деревня будет смотреть, как мы их запускаем, а?

Григорий Ярославович почувствовал, что это реальный шанс не только начать новую жизнь, но и обрести ту радость, которую он давно утерял, распылил в погоне за призрачной идеальной женщиной, которая, может быть, существует, но не в реальной жизни, а разве что в мечтах одинокого мужчины.

Остаток осени и всю зиму Гуслины усердно мастерили воздушных змеев. Дом превратился в мастерскую: везде лежали шнуры, мотки проволоки, катушки с леской, ткань, бумага, тростник, деревянные рейки. Бывший директор дома культуры даже не предполагал, что обретет такую жажду творчества. Занявшись любимым делом, он уже не мог прожить без этого ни одного дня. Энтузиазм Григория Ярославовича передался и брату.

— Вот уж никогда не думал, что на старости лет увлекусь детской забавой, — с довольным видом говорил Василий, обрабатывая для очередного воздушного змея деревянные рейки.

Гуслин решил удивить односельчан, запустив две воздушные конструкции: «шестигранник» и «гирлянду».

Известие о том, что Григорий Ярославович будет запускать воздушных змеев, мгновенно облетело деревню, насчитывающую всего двести жителей. Местные мужики-алкаши, пожилые женщины и дети с интересом глазели на братьев Гуслиных, которые пригласили их на воздушное представление. Поднявшись на один из самых высоких холмов, директор дома культуры сначала запустил «шестигранник» с яркой бахромой и хвостом, на конце которого красовался флажок с надписью «Бугорки». Картина была впечатляющая: в синем небе красно-желтый воздушный змей, подобно яркой птице, выписывал замысловатые узоры. А внизу, на сверкающей снегом вершине холма, им ловко управлял Гуслин. Потом он запустил состоящую из двух змеев «гирлянду». Сельские ребятишки кричали «ура!», да и сам Григорий не скрывал счастливой улыбки.

Когда он закончил свое представление и подошел с братом к односельчанам, те с интересом стали рассматривать необычных «птах», задавать вопросы. Взрослым больше всего нравился флажок с названием родной деревни, а детям — сами воздушные змеи.

— Григорий, что же это ты в детство впал, али в районе уже делать нечего? — ехидно допытывались у Гуслина женщины.

Защищать брата взялся Василий. Он важно заявил:

— Бабы, сейчас мода такая! За этих «птичек» большие деньги дают! Соображать нужно!

Несмотря на столь авторитетное разъяснение, женщины все-таки сошлись во мнении, что директора районного дома культуры поперли с работы. Вот он малость умом и тронулся.

— Разве солидный мужик да при должности может таким делом заниматься? — качали головами соседки.

Тем не менее весть о том, что Гуслин делает необычные воздушные конструкции, быстро долетела до ближайших деревень. Вскоре Григорий Ярославович стал местной знаменитостью, и к нему со всего района зачастили покупатели, чтобы приобрести для своих детей яркие воздушные игрушки.

ОБЕЩАЮ, БУДЕМ ЖИТЬ СЧАСТЛИВО!

На исходе февраля областной центр посетила делегация японских предпринимателей. Они планировали открыть в городе несколько магазинов с товарами для рыбалки. Перед переговорами гостей повезли в район Белых гор, в деревню Бугорки. Там, на речке Мартынчик, японцы могли понаблюдать за зимней рыбалкой, на которую съезжались жители областного центра и ближайших деревень. В это время на холме, прямо над излучиной реки, Григорий Гуслин, как всегда, запускал своих воздушных змеев, на что жители Страны восходящего солнца сразу же обратили внимание. Потеряв интерес к рыбалке, японцы изъявили желание присутствовать на традиционном для них развлечении. Подходя к Гуслину, они улыбались, похлопывали его по плечу. Один из них, самый главный, обратился к Григорию Ярославовичу:

— В Японии говорят, что, запуская в небо воздушного змея, человек разговаривает с Богом. — И, подняв вверх указательный палец, важно добавил: — Созвездие Козерога! — Затем он снял шапку, и Гуслин, к своему изумлению, увидел, что прядь волос японца светится ярко-желтым цветом.

Иностранные гости сфотографировали Гуслина и с чувством исполненного долга удалились, оставив того в полном недоумении.

Узнав о том, что японская делегация проявила интерес к увлечению деревенского жителя, к Гуслину в Бугорки стали наведываться журналисты из областных и региональных СМИ. Однажды к нему даже приехала телевизионная группа НТВ. От непрестанного внимания газетчиков к своей особе Гуслин стал уставать. В преддверии 8 Марта ему позвонили из областного музея народного творчества и предложили провести персональную выставку его воздушных змеев.

— А что? В честь праздника порадую женщин. Заодно прикуплю кое-что для новых воздушных конструкций, — решил Гуслин и согласился.

Приехав в город, Григорий Ярославович зашел в парикмахерскую, расположенную недалеко от музея, чтобы постричься перед выступлением. Сел в свободное кресло и стал ждать мастера.

— Евгения, поторопись, тебя клиент ждет, — обратилась к кому-то старшая смены.

Увидев девушку, Григорий Ярославович вздрогнул,

— Это вы? Не может быть!

— В нашей жизни, Григорий Ярославович, возможно все, — загадочно произнесла Евгения. — Я вас видела по телевизору. Поздравляю!

Сердце Гуслина сильно забилось. Он не мог оторвать взгляда от девушки, которая показалась ему еще красивей, чем прежде.

— Евгения, я перед вами виноват и в знак примирения приглашаю на свою персональную выставку воздушных змеев, которая через час начнется в музее, — смущенно произнес он.

— Хорошо, у меня сейчас заканчивается смена. Только когда я вас подстригу, не говорите, пожалуйста, что вас тут же отправляют в длительную командировку. — Евгения проникновенно посмотрела в глаза Гуслина и тихо добавила: — Иначе я не смогу хорошо уложить вашу красивую челку красновато-оранжевого оттенка.

Григорий Ярославович не мог поверить в услышанное! Он взглянул на себя в зеркало. Его прядь волос ярко светилась! Гуслин перевел взгляд на Евгению и в ее волосах заметил точно такое же свечение!

Когда Евгения вышла из парикмахерской, Гуслин преподнес ей букет подснежников, которые купил прямо у входа в заведение, и пригласил девушку в свою машину.

Подъехав к музею, он не удержался и спросил:

— Значит, вы тоже видите свечение? И что мы одного поля ягоды, знали сразу, как только мы познакомились?

— Нет. — Девушка смущенно опустила глаза. — Я почувствовала вас сердцем, когда вы только родились.

Гуслин горестно усмехнулся.

— Евгения, за эти полгода, что мы с вами не виделись, вы сильно изменились. Я ведь тоже люблю шутить.

— Гри-го-рий, вы хоть и не доктор Ватсон, но это же элементарно, — нежно произнесла девушка. — Зодиак Евгении — Козерог. Вы такой невнимательный! Мои спутники столько раз об этом вам говорили.

— Так вы из этого?.. Из созвездия?! — ошарашенно воскликнул Гуслин.

— Если быть точной, из шарового скопления М30.

— И вы, и японец, и юноша в сверкающей одежде — все оттуда?! — Гуслин с опаской отодвинулся от собеседницы.

— Григорий Ярославович, не бойтесь. Вся Вселенная построена на любви. Однако в нашем созвездии я никак не могла найти свою половинку. Искала много лет, но точно знала, что вы появитесь на горизонте.

— Долго искали? Так сколько же вам лет? — осторожно поинтересовался Гуслин.

— По нашим меркам, я девушка юная. Мне всего сто пятьдесят восемь. Здесь мне дают не больше тридцати. Вы же сами сказали, что мне двадцать восемь, — улыбнулась Евгения.

— Если честно, то сейчас вы выглядите на двадцать пять. — Гуслин восхищенно посмотрел на Евгению и придвинулся к ней ближе. — А как же вы меня вычислили? Ой, опять сказал не подумав, — смутился Григорий Ярославович.

— В нашем созвездии я стала победительницей конкурса, что-то типа вашей передачи «Давай поженимся». Описала своего гипотетического возлюбленного, его жизнь, привычки, мечты и многое другое, включая страсть к воздушным змеям, которых сама очень люблю. В итоге моей половинкой оказался житель Земли, рыцарь, поющий серенады даме под балконом, Гуслин Григорий Ярославович. Меня зачислили в отряд астронавтов, которые проводили космический эксперимент. Дело в том, что победитель конкурса может выбрать и четвертый путь, о котором вам не сказали. Он для тех, чьи энергии совпадают абсолютно. И тогда наступает просветленное состояние сознания, по-вашему — настоящая внеземная любовь. Вы же знаете, «браки совершаются на небесах».

Евгения поднесла к лицу букетик подснежников, которые ей подарил Гуслин, и стала его рассматривать.

— Григорий Ярославович, мне никогда не дарили цветов. У нас они не растут... — На ее глазах появились слезы. — Когда вы уехали в деревню, я испугалась: подумала, что вас потеряю.

Ее волосы стали светиться ярким красновато-оранжевым цветом. Евгения заплакала и прислонилась к плечу Гуслина. Григорий Ярославович осторожно погладил ее волосы.

— Женечка, зачем так расстраиваться? Я буду дарить их вам каждый день. Помните, я обещал положить к вашим ногам свое сердце? — спросил Григорий Ярославович и решительно добавил: — Евгения, выходите за меня замуж. Я это говорю серьезно и обдуманно. Обещаю, мы будем жить счастливо до самой смерти!

Девушка взглянула на Григория Ярославовича глазами, полными любви, и в этот момент их волосы стали переливаться всеми цветами радуги.

г. Липецк — г. Москва

Евгений РЫК

Продолжение. Начало в № 12 за 2015 год, в № 1, 2 за 2016 год

Шпион и гражданин

Роман-расследование

ГЛАВА X
СВИНЬЯ МОЕГО ХАРАКТЕРА

29 июня 1964 года

В комнате Серебрякова было чисто, хоть и не очень уютно, как-то суховато, такой торт по-немецки. Скрашивали обстановку два ковра: один на полу, второй — стекающий со стены на широкую оттоманку. Кругом книги, никаких картин, фотографий, статуэток. Аскеза ученого человека. Полковник Солнцев прекрасно знал жилую обстановку своего подопечного по фотографиям и планам негласных обысков, но лично был в гостях у Барона в первый раз.

Такие квартиры, комнаты, гостиничные номера, приспособленные специально для контактов с агентами в КГБ, называют «кукушками»: пришел сюда иностранец или народный художник Эстонской ССР потрахаться или покурить опиум, его чик-чик на пленочку — и, как говорится, «ку-ку»...

Они встретились в гастрономе напротив дома бывшего офицера полиции, у касс кондитерского отдела.

— Что-нибудь сладенького к чаю возьмем?

— Конечно, Игорь. — Полковник суетливо полез за бумажником.

— Ну-ну, Валентиныч, — по-купечески остановил его Серебряков, положив узкую ладонь на шевиотовую грудь пиджака с бумажником. — Вы же знаете о моих поступлениях из Германии. Я зажиточный.

— Но гость-то я, — джентльменски препирался полковник. — Может, вина?

Игорь посмотрел задумчиво на дальнюю стойку винно-водочного сектора.

— Лучше шампанского. Не ущемит капитанский бюджет?

— Капитанский? Это что, по-морскому что-то? Какая-то приговорка?

— Нет, по вашему званию, — мило отставил полицай.

— А меня никто в звании не понижал. Я полковник.

— Да ладно! — законно не поверил Серебряков. — Может, генерал-полковник?

Не говоря больше ни слова, Солнцев вытащил из глубин пиджака служебное удостоверение и, стараясь сделать это незаметнее для окружающих, показал его в развернутом виде Барону.

— Мама, роди меня обратно! — поразился агент. — Не туфта? Не подстава под нашу встречку?

— Шутки в сторону: в воздухе Покрышкин! — самодовольно порадовался удивлению Серебрякова полковник КГБ.

— Да-а... Вы же знаете, Иван Валентинович, я в вашей службе кое-что кумекаю... Позвольте тогда для полной ясности посмотреть и ваш вкладыш на право ношения оружия и прочие права! Он же должен быть запаян в пластик, нет?

Ни слова больше не промолвив, Солнцев показал и этот документ, который подделать было посложнее, нежели служебное удостоверение. Хотя и оно было не из простых: во-первых, не красного, а цвета бордо, нетрадиционного размера 28х41, а наоборот: 41 в высоту и 28 в ширину. Одни словом, то самое, настоящее.

— Беру обратно, гражданин полковник. Ну, тогда банкуйте: две бутылки.

Их пребывание в супермаркете 64-го года было недолгим, а покупки скромными. Солнцев даже слегка удивился скаредности хозяина, пока они не зашли в комнату. Комната была строгой, как и в описании, но стол посредине ее был уставлен такими деликатесами, которые даже старшему офицеру КГБ были не по карману и не по пайку. Шотландский виски, соленый миндаль в красивой коробочке, мидии, которые Солнцев ел на Дальнем Востоке, но не в Москве. Форель в консервах, засоленная тонкими ломтиками... Кроме того, были предложены редкие российские деликатесы и дары Центрального рынка.

— Сегодня что — праздник какой? — мучительно вспоминал дату рождения агента полковник.

— Свадьба, — хихикнул сексот.

— Чья?

— Ну, не наша же с вами, Иван.

— Мы о посторонних не договаривались, — мгновенно напрягся чекист.

— Это не посторонние, а обслуга. Я пригласил двух барышень, чтобы они помогали на кухне. Не будем же мы от стола с шампанским бегать на кухню жарить котлеты? Нет ведь, согласитесь, полковник?

Полковник пожал плечами:

— Попросили бы, что ли, соседку...

— А их нет и сегодня не будет. Ни Митрофанова, ни Веры Николаевны. Я их отправил в Ленинград.

Приглашенными оказались две барышни, при первом взгляде на которых стало ясно, что никакого мяса они жарить не могут, равно как и чистить картошку, прибирать со стола и мыть тарелки. Это были самки. Вот их официальное положение на белом свете. В меру упитанные, молодые — лет по двадцать, веселые, с наглыми козьими глазами. Одетые в хорошие крепдешиновые платья, новомодные нейлоновые чулки и красивые туфельки. Они были причесаны, ногти наманикюрены. Не всякая советская женщина так одевается для грязной работы прислуги. Например, жена Солнцева на кухню в таком виде не выходила — это уж точно.

Полковник крякнул, когда Серебряков представлял барышень:

— Вот, девочки, мой приятель Иван. Можно Ваня. А это, Ванюша, Таня и Наташа...

— Наташа и Таня, — поправили те полицая, отмечая неверно указанные им персоналии.

— Пардон, пардон. Эти обратные чередования «н-т»,«т-н»... Всегда путаюсь.

— А вы тоже научный работник, как Игорь? — вопросила блондинка, присаживаясь к яствам.

— Нет, Ваня по линии торговли, — подначил Игорь.

— Ой, а чем вы торгуете? — сразу же попытались задружиться девушки с представителем такой важной профессии в дефицитном государстве.

— Мелким рисом, — хмыкнул полковник.

— Мелким? — удивилась кукольными выщипанными бровками Наташа.

— Рисом? — удивилась Таня-блондинка.

Серебряков рассмеялся;

— Он шутит! Знаете, есть такая поговорка: «Чем торгуем? Мелким рисом. Чем болеем? Сифили́сом»...

Девушки выпучили глаза на двух привлекательных, но ставших вдруг опасными шутников.

— Нет, нет, киски, это шутка такая. На самом деле Ваня — завотделом ду́хов, — он умышленно поставил ударение на первом слоге.

— Вы парфюмерией торгуете? Духа́ми? — сразу же активно воспрянули девицы.

— Вот именно, — не дал полковнику ответить Барон. — Кстати, Иван стесняется сам и потому попросил меня вручить вам вот это.

Он жестом фокусника вытащил из-за спины две перевязанные бантами коробочки. Что тут началось! Девки с визгом кинулись разворачивать презенты, а когда увидели, что там импортные французские духи, то немедленно облили ими себя, нюхали флакончики друг друга, а затем кинулись целовать полковника Солнцева с двух сторон, хотя эти дорогие подарки тайно купил в «Березке» именно Серебряков.

Вот когда пригодилось полковничье шампанское. Серебряков целеустремленно, но с правильной временной расстановкой принялся подпаивать девиц. Не для того, чтобы надругаться сразу над их нравственностью, а чтобы они быстро не напились. Поэтому он активно их подкармливал, не забывая все же чередовать тосты шипучего вина с водкой («Белый медведь») или шампанского с коньяком («Северное сияние»). Сам он

пил виски, а полковник трусливо пытался просить пива.

— Ваня, пиво с водкой — это коктейль «Бурый медведь», утром голова лопнет, поверь слову, — уверяла его Наталка-полтавка. — Пей лучше чистую водку. Или с томатным соком. Нас Игорь научил, называется, кажется, «Кровавая Дина Дурбин».

— «Кровавая Мэри Пикфорд», — поправила Танюха.

Тут Серебряков завел радиолу, поставил пластинку с самый модной в то время музы́чкой, а именно недавно впущенной, почти западной, югославской эстрадой с их звездой Радмилой Караклаич. Звезда завопила с хорошо отрепетированным акцентом: «Валэнтина! Тэрэшкова! Научи нас! Танцева-ать!..»

— Иван достал, — ответил на вопрос о страшном пластиночном дефиците Игорь Серебряков, кружа попеременно барышень.

Девицы стали теребить торговца-полковника, который и сам был бы рад принести домой такой диск, да взять, кроме как за доллары, негде было.

— Ваня, Ваня, я тоже хочу, мы тоже хочим! — облизывали Танька с Натахой полкаша. — Сделай нам по штучке, Иван!

— Только «дашь на дашь», — приказал Игорь.

— Господи, да в чем дело-то? Прям щас! — завизжали девки.

Полковник, подпоенный уже изрядно, несильно отбивался от наседавшего противника. Но молодость, хорошая закуска, широкие погоны, тайная профессия, где так мало бывает простых человеческих радостей... Кроме того, он точно знал, что квартира не стоит на прослушке: именно он и запретил, учитывая опыт клиента.

На столе уже смешалось все, как в пресловутом доме Облонских, от которого, как объяснил более опытный по прописке в Москве Игорь, была всего одна автобусная остановка.

Компания девиц, не знавшая, кто такие Облонские, предложила поехать к ним, если у тех большая квартира. А винца они по дороге купят, а?

— Нет, у них сейчас семейная неприятность! Женка застукала мужика с другой. Скандал! Он ее прям в своем доме барал.

— Ну и дурак! — резонно отпарировала Таня-блондинка. — И ты хорош, Игоряша, не мог дать этому фраеру Обломскому ключа от своей кубатуры.

— Облонскому... Я давал, — прикладывая руку к груди и глядя честными пионерскими глазами на раскрасневшихся девушек, клялся Серебряков. — Он не брал. Потом пришлось мне телеграмму его сестре Нюре в Питер давать. А там по-олный облом! Сеструха-то сама втрескалась в одного капитана. У нее от него приплод вышел. А Анька ведь замужем! Муж у ней — какая-то шишка в облисполкоме. Чуть не министр, ну! Вань, ты помнишь дядю Лешу Каренина? Нет? Странно... Так муж ее чуть не убил, из дому выгнал. Она сейчас здесь на железной дороге работает, на паровозе.

Рассказывая все это, Игорь ловил опытным взглядом момент полового сближения, которое он по закоренелой антисоветской привычке называл «народ и партия едины». Когда градус страсти в комнате достиг предела кипения, Серебряков попросил Солнцева выйти на минуточку в коридор.

Он подвел полковника к распределительному щитку электросчетчиков, который запирался на особый подвесной замочек, отпер его.

— Положите, Иван Валентинович, сюда свои документы и деньги... пистолета, надеюсь, нету? А то я за девиц не очень-то ручаюсь. Могут проскользить по карманам... Вот вам ключ, оставьте у себя.

Как ни странно, но, не говоря ни слова, полковник КГБ бережно свернул в носовой платок удостоверение и гроши, спрятал их в тайнике.

Когда сдружившиеся хозяева вернулись в комнату, девушки, правильно расценившие их деликатное удаление, уже ждали их на Игоревой оттоманке, покрытой простыней, абсолютно голыми. Четыре коричневых соска, по-медицински фолликулы, уперлись в лоб Солнцеву, как какой-нибудь счетверенный пулемет на родном бронекатере «Зоркий». Но заглядывать в эти коричневые дула было страшнее, чем в пулеметные — инженера Дегтярева.

Полковник слегка ошалел, а европейски развратный Серебряков разделся за пять секунд в два приема: пиджак-рубашка-галстук и брюки-трусы-ботинки. Он остался в одних носках. На руке блестели дорогие часы, пробор на голове был в исключительном порядке.

Погасили свет, бывший офицер полиции Власова отдавал короткие военные приказания послушным гуриям. На свет появились подушки, пледы, задернуты были шторы, зажжена одна романтическая свеча посередине раблезианского стола средь обильных, но уже хорошо опробованных блюд.

Чьи-то опытные руки (казалось, что их шесть, как у индийского божества Шивы) распустили узел галстука полковника, расстегнули ремень, сняли ботинки, брюки, уложили на твердые перины, обвили потоками приятно пахнувших, шелковых волос, прихватили умелыми губами за святое, никогда ранее так не троганное...

Где-то часа в два ночи ужин продолжился. Правда, без прежней голодной жадности, а гурмански-изысканно. Полковник пускал дым папироски в бутылку с виски (он видел этот трюк в каком-то западном кино), Серебряков читал немного осовевшим, но все же ужасно милым и непосредственным гейшам стихи:

Стократ благородней тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
«Вот она — наша жизнь!»
Бабочкой никогда
Он уже не станет... Напрасно дрожит
Червяк на осеннем ветру...

Девки заливались истерическим хохотом...

— Ваня, Ваня, — отрываясь от Басе, грустно сентенцировал Игорь, — никогда в жизни невозможно научиться святости, уму, смелости, решительности и хорошему аппетиту!

— Врешь, Игоряша! — задорно заявила в пику древнему философу Танька и, в противоход японским самурайским идеям, заглотила разом большой кусок семги.

— Нет, киска, ты только подтвердила мои слова.

Потом девицы по приказу эстета пели зазорные частушки. Голый Ваня-торгаш пытался записать некоторые из них, особо понравившиеся, на скатерти губной помадой...

ГЛАВА XI
АМПЛУА АКТЕРА «СБИТЫЙ ЛЕТЧИК»

29 июня 1964 года

В Тель-Авиве моссадовцы невесело сидели за круглым полированным столом и с тоской глядели на лопасти вентилятора: никакого проку от него не было. Какая несправедливость — эта погода тут, у Средиземного моря. Многие из израильских разведчиков Третьего отдела родились в Северной Европе и мучились на новой родине, после своих копенгагенов, лондонов и цюрихов. Сказать, что заседание шло вяло?.. Нет, это только так могло показаться человеку постороннему, посторонних же в этом маленьком зале в доме-новостройке не было.

— Какие у них паспорта?

— Хаим, какие паспорта могут быть у русских?!

— Ничего не значит: если это боевая операция, а не прикрытие еще какой-нибудь... Вполне могут быть и не советские. Болгарские, например, или польские.

— Ни нам, ни голландцам это неизвестно.

— А если у них лессе-пассе?

Разведчик, предложивший такой вариант, был самым молодым в отделе вообще и за этим столом в частности, но слово здесь имели все, без оглядок на чины и звания. Коллеги юнца сперва согласно закивали головами, но потом так же дружно по врожденной привычке стали размахивать перед лицом друг у друга руками:

— Эти паспорта ООН все на учете, их не имеют никакие технические работники, переводчики, эксперты.

— Но ведь у кого-то они все же есть, — настаивал юнец.

В Организации Объединенных Наций есть такая форма отличия для своих ответственных служащих — международный паспорт, лессе-пассе. Изобретен он был для упрощения жизни дипломатов, часто разъезжающих по миру и не имеющих возможности болтаться по консульствам за визами. Паспорт этот по договорам выдавался в индивидуальном порядке, и обладатели его становились как бы целым посольством: номер в гостинице, автомобиль или вертолет, где находится такой чиновник, становятся экстерриториальными.

— Кстати, о задании, Мойша. Что Израилю оттого, что русские взорвут у немцев чего-нибудь?

Шеф не очень-то привык объяснять высшие идеалы демократии и целесообразности террора. Он привык, что его приказ выслушивают, говорят: «Есть!» (или «Есть, полковник!») и начинают «есть». Но так, к сожалению, было только в армии. В разведке принято что-нибудь да обсуждать. Вот как сегодня. Толку от этого никакого, а голова к вечеру лопается от версий, гипотез, сомнений, контрпредложений. Хозяин отдела «Европа-3» (русского) припомнил зачем-то давно не употребляемое матерное ругательство из своей юности...

— Объясняю: за «Свободой» последует «Голос Израиля». Потом, если им понравится, и другие. Вообще, кабинет министров приказал заканчивать с любыми террористами. Почему КГБ нанимает бывшего полицая? Может, чтобы списать на Израиль взрыв станции, настроить мир против нас? Им тем самым изменником ведь при случае пожертвовать — раз плюнуть. На том радио немало наших людей по крови. Легально работающих и...

Это и так все понимали. Длинная беседа, при которой не велось никаких записей, протоколов, отчетов, уже всех утомила. Но в разведке работают особые люди. Потом, имейте совесть: перед каждым стояли чашки с чаем или кофе, на столе были соки и печенье. Они не сидели сей момент в тюрьме (а пятеро из семи заседавших отмечались

в этих богоугодных заведениях в разных странах), это не была палата приговоренных в больнице... Жизнь, в сущности, была не так плоха, несмотря на жару.

Но начальник еще немного поворчал, а потом неожиданно вспомнил...

...Это было в еще более жаркий денек в июне 48-го года. Тогда его рота на сирийской границе держала кусок важного шоссе. Ребята подбили танк, но двоих из армии обороны Израиля — ЦАХАЛа — с него подстрелили. Танк остановили, но он почему-то не горел и не взрывался. Ребята решили, что танкисты внутри ждут темноты для того, чтобы смыться из ловушки. Танк окружили и позже поймали троих. С двумя арабами из экипажа разговор затянулся и продолжался минуты полторы. А третий оказался чумазый, но не сириец, а русский.

На войне все ясно. Командир взвода приказал его расстрелять, но чуть подумав, вызвал с вестовым командира роты. Когда капитан Хаит подошел к задержанному, то чуть не выронил из рук французский автомат:

— Мишка? Кожухов? — поразился израильтянин.

Тот придвинулся к нему в траншее:

— Левка? Хаит?

— Я не Левка. Я — Монька.

Это был сосед по дому в Николаеве Кожухов Мишка. Он еще весной сорок первого уехал в танковое. Левка был старшим братом и учился с Мишкой в одном классе, а Моня на четыре года моложе.

— Ты младший? А где Левка?

— Убили там, в Николаеве, в самом начале... За рыбными рядами. Помнишь, на камнях?

— Ну! А ты что здесь делаешь? — спросил пленник.

Капитан пришел в себя:

— Ты, поц, я за свою страну воюю! Это что ты здесь делаешь?!

Русский спокойно пожал плечами:

— Я под погонами, Монька. Куда прикажут...

Капитан Хаит тяжелым взглядом жег коренастого маленького, почти квадратного арестанта. Потом повернулся к белозубому рядовому-сабре и что-то сказал на своем языке. Солдат исчез, но минут через пять явился с вещевым мешком. Тогда капитан спросил у взводного что-то. Тот отлучился на минуту и вернулся с кожуховским пистолетом «ТТ». Капитан бесстрастно расстрелял обойму в землю. Вокруг все молчали. Он сунул танкисту за отворот комбинезона его оружие, вынул из вещмешка запасную гимнастерку, с мясом отодрал с нее капитанские нашивки и всунул их в кулак остолбеневшего Мишки.

— Зачем это? — не понял пленный.

Капитан так же молча снял с шеи медальон со своей группой крови и какой-то надписью «рассыпанным чаем», как русские шутили над арабской вязью и ивритом.

— Там сирийцы. Иди туда, скажи, убил офицера. Тебе медаль дадут.

— Да ладно, Монька!..

— Иди, Мишка, ты там, в Николаеве, был хорошим парнем... Меня курить учил... Я помню...

Кожухов уставился в землю, сжимая почему-то в протянутой вперед руке регалии бывшего земляка. Капитан скомандовал, солдаты охраны расступились, и Мишка Кожухов, ловко подпрыгнув, вылез из израильской траншеи. Он обернулся к капитану:

— Я на фронте два раза горел.

— Понятно...

— Это третий... Ты знаешь, Монька, я ведь только что дома был в отпуске. Перед командировкой... Тетя Рая умерла...

— Какая? Которая семечки?

— Нет, с поликлиники... — на привычном южнорусском диалекте уточнил пленный.

Капитан и танкист помолчали. Первым заговорил ротный:

— Ясно. Иди.

Сам капитан, понаблюдав, пока в темноте не пропадет кряжистая фигура танкиста, отправился к начальнику штаба батальона с докладом о своем подвиге.

К удивлению Моисея Хаита, его не только не разжаловали, но даже и не наказали. Через день приехавший в часть бригадный генерал сказал ему:

— Ладно, не грусти. Был капитан Хаит, стал майор Левит. Тебя хотят забрать в разведку, и твоя вчерашняя смерть нам на руку. Шалом в «Моссад», майор!

А Мишка Кожухов стал Героем Советского Союза и генерал-лейтенантом танковых войск...

Разговор за столом продолжался до окончательной головной занозы.

ГЛАВА XII
А СЛАДКОЙ СЛЮНЫ НЕ НАДО?

10–11 июля 1964 года

— Иван Валентинович? — осведомилась трубка телефона.

— Иван Валентинович, — ответил Иван Валентинович.

— Это ваш давешний сознакомец говорит, Гольков Вячеслав.

— Ох, здравствуйте, Вячеслав Николаевич.

— Валентиныч, — уже менее формально сказала трубка, — ты не можешь мне устроить встречу с твоим напарником?

— Тамары сейчас в здании нет.

— Да ладно! Я разве об ней?! С тем... пацаном, что с фотки.

Полковник вмиг сжался, соображая, как бы увильнуть от просьбы:

— Вы же понимаете — я не хозяин бани...

— Ага, понимаю. Ты мне скажи, на какую страничку в книжке позвонить? На вторую или на четырнадцатую?

«Это он говорит о телефоне правительственной связи. На второй телефон председателя Комитета, а на четырнадцатой — начальника Первого управления, заграничной разведки», — быстро высчитал полковник и отметил про себя, что любой подслушивающий ничего бы не понял из их разговора. Молодец, старикан, понимает толк в секретной работе — ведь они говорили по городскому телефону.

— Наверное, на четырнадцатую. Эвересты тут не требуются.

— Лады. Не отходи от своего стола. Щас тебе перезво́нют.

«Перезвонят», — мысленно поправил Солнцев академика и стал ждать звонков по внутренней связи. И ждал его примерно минуту. Телефон нетерпеливо, по-начальственному внушительно вякнул, полковник снял трубку и сразу узнал голос генерала:

— Иван Валентинович, все просьбы нашего... э-э... друга выполнять немедленно. Доложите от моего имени своему руководству.

— Есть!

Еще через минуту задребезжал городской аппарат.

— Дозвонились?

— Да. Я должен дать знать приятелю экстренно. Когда хотите увидеться и где?

— Ко мне ему приезжать... это... не стоит. К тебе, Валентиныч, — тоже разговора не получится. Согласен?

— Пожалуй.

— Тогда где же?

— Где скажете.

— К нему идти — мне не резон, так?

Полковник промолчал: дед сам все решит, если уже не решил. А так оно и было.

— Иван, ты музей при министерстве коммунально-бытового хозяйства РСФСР знаешь? На улице Станиславского?

— Честно говоря... Найду, конечно, Вячеслав Николаевич.

Дед подвел итог:

— Тогда завтра, в одиннадцать, внутри. Идет?

— Вероятно... То есть да.

Мало того, что полковник Солнцев не подозревал, что прачечные, сапожные мастерские и артели надомников имели свое министерство в Москве, так, оказывается, у них был еще и музей! Он быстро навел справки, связался с этим самым музеем, дал запрос в службу внешнего наблюдения на охрану на завтра. Вызвонил Серебрякова и назначил ему встречу.

Музей находился в самом центре города, но в таком узком переулке, где никто даже не подозревал о его существовании. Кругом были иностранные посольства, у которых в те времена москвичи и гости столицы не имели еще глупого желания кучковаться. Музей был приземистый, как сундук купчихи, подозрительной архитектуры — с толстыми псевдорусскими колоннами, разукрашенными гипсовыми лентами, размалеванными к тому же разными красками, что тебе купола собора Василия Блаженного на Красной площади. Трехэтажное здание, маленькая вывеска, узкие занавешенные окна-бойницы. Вход — пятнадцать копеек, детям — пять.

Вся экспозиция находилась на первом этаже, обслуживалась она единственной кассиром-билетером-служительницей. Солнцев сдал свой плащ в гардероб, купил билет (и аккуратно положил корешок в карман, будет подшит в дело, ведь это агентурная операция). Через пять минут появился профессор. Сегодня он был в цивильном неброском костюме, побрит, в очках и в галстуке. На лице — скромное и трезвое выражение сосредоточенности.

Глупость встречи никак не давала возможность полковнику КГБ решить: здороваться с Гольковым или нет? Эту проблему решил сам Вячеслав Николаевич:

— Здравствуйте, Иван Валентинович. Легко нашли?

— Ну... нашел.

— Где клиент?

— Еще без трех минут, — оправдывался за подотчетного чекист.

— Ах да, аккуратист. Конечно... немецкая комендатура и все такое прочее.

— Все шутите, — недовольно пробурчал Солнцев.

— Да ну! Сатира никого не исправляет, а только озлобляет дураков... Сказали ему, для чего встреча?

— Нет. Я и сам ведь не знаю, — уколол полковник профессора.

— Захотелось мне на него взглянуть. Вспомнить себя двадцать лет назад.

— И только? — не понял замысла Солнцев.

— Для меня достаточно. Вам руководство звонило?

При слове «руководство» чекист быстро осмотрелся по сторонам. Но билетерша, хоть и удивленная в начале немыслимому наплыву посетителей с утра в забытое Богом и людьми место, дремала у входа, а они находились за каким-то стендом с фотографиями лжеинвалидов, что закрывал их от взора престарелого музейного работника.

— Звонило, — сдержанно подтвердил полковник.

— Оно ясно выражалось? — все настаивал старик.

— Совершенно определенно... А вот и наш пострел.

В зал вошел третий посетитель. Музей МКБХ в этот момент своей истории стал уже походить по количеству любознательных прямо на Лувр в августе. Серебряков подошел к группе скрывшихся и поздоровался с ними вежливым полупоклоном. Что-то в лице старика показалось ему знакомым, он на секунду очень пристально вцепил в него взгляд, но тут же обратился к Солнцеву.

— Приятно встретиться в этом оазисе культуры. Признаться, никогда не был. Чуть не опоздал. Виноват, похулиганил немного: уточнил адрес у ваших ребят в машине. А где же экскурсии? Где гиды?

— Бей гидо-ов, спасай Россию! — не к месту раздухарился профессор.

— Напрасно так с наружной, — буркнул полковник, раздраженный непонятной своей ролью во всем этом деле: какая у него роль? — Итак...

Профессор же совершенно беззастенчиво разглядывал молодого мужчину.

— Игорь... кажется?

— Так точно, господин генерал-майор, — ответил агент.

— Ха! — Рот деда расплылся в самодовольной и саркастической улыбке, демонстрируя идеальный капиталистический зубной протез без стали и сплавов. — А говорят, только у стариков маразм. Не-а, молодые тоже разные попадаются! Полковник, мой голубчик, полковник!

Игорь Серебряков, агент КГБ Барон, спокойно скривил губы:

— Как прикажете, конечно... Только зачем секретить?

При слове «секретить» Солнцев опять молниеносно выглянул из-за стенда на служительницу коммунальных муз. Та преспокойно дремала.

— Да успокойтесь, полковник, она глухая. Когда мне подбирали точку, то подобрали какую следует. Научились работать... Почему «секретить», Игорь? — удивленно как-то спросил профессор.

— Нам же читали приказ по РОА... Кажется... Нет, точно, первого мая — потому и запомнил, что праздник... Вам Главнокомандующий присвоил звание генерал-майора. Я бы в той кутерьме не запомнил, да отложилось потому, как вы мне награду вручали.

— Постой, постой, ты хочешь сказать, что Власов дал мне генерала? — медленно произнес дед.

— Да, мы уже тогда в Дании были, но по радио приказ приняли... А вы что, не знали? — удивился агент, в свою очередь вглядываясь во враз очумевшее лицо старика.

Тот отрицательно помотал головой:

— Я 29 апреля попал в плен к англичанам, — тихо вымолвил он.

— Нет, нет, господин генерал, я приказ отчетливо помню. Был дежурным офицером по штабу. Порадовался за вас, помнится.

Старик был ошеломлен:

— Полковник, вам об этом говорили?

— Нет.

— Но ведь, Игорь... как вас?

— Олегович, — подсказал вежливый Барон.

— ...Олегович, но ведь по документам не проходило. Я смотрел по архивам...

— Наши радиограмму к делу подшили. По уставу, как полагается. Наверное, у американцев он сохранился. Канадцы тогда все бумаги им сдавали. Значит, приказ был, его должен был завизировать наш начальник штаба. Если помните, с документами никогда не шутили.

— Значит, я — генерал? — как-то растерянно проблеял Гольков.

— Так точно, господин генерал. Выходит, не знали... Что же, поздравляю, коли я первый...

Гольков, как конь от оводов, помотал башкой, оценивая услышанное. Потом зачем-то зашарил по карманам, стал вынимать какие-то бумажки и неожиданно достал обандероленную банковскую пачку пятидесятирублевых ассигнаций.

— Голубчики, посмотрите, сколько тут, — и сунул пачку полковнику.

На пачке для тупых было пропечатано: «1 (одна) тысяча рублей. Госбанк СССР». — На кабак нам хватит? Я давно из дома не выходил, забыл цены...

— На скромный хватит, — подтвердил Игорь-Барон. — Примерно... дней на пять.

— Так пошли же скорей, друзья мои! Какая новость! Я-то хотел Игоря расспросить для одного докладика в международный отдел ЦК... ну там, по поводу этого секретного института в Люблино... Господи! Игорек, Ваня! Ух, я сегодня дам дрозда! Где тут Кана Галилейская, как обещал нам Иоанн?!

— Кто? Что? — ничего не понял сухарь-чекист, не сильный в мифологии.

— Это из Нового Завета, — деликатно вставил начитанный изменник. — Там некий фокусник... Иисус Христос... превращал на празднике воду в вино...

— Молодец, Игоряша, — одобрительно, как любимому сыну, сказал бывший секретный резидент. — Игорь, Ванька ни хера не знает, где лучше всего сейчас можно хрюкнуть? Или все закрыто?

— «Арагви» уже открылся... ходу десять минут... если дать официанту червонец, будем сидеть в отдельном кабинете. Если два — нам подадут зажаренного ребенка шеф-повара...

Лицо профессора тайных наук лучилось, что твое солнце:

— Ты эти шуточки брось, гестаповская морда!

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Яволь, экселенц! — Умелее и звонче, нежели стопроцентный кадровый Солнцев, Серебряков щелкнул каблуками.

«Ну, началось! — неприятно заныло в животе у чекиста. — Только бы они “Хорст Вессель” не затянули... Где здесь этот гребаный телефон?»

Продолжение следует.

Ольга ДРЕЙ

О себе

Я родилась в 1981 году в Белгороде. В течение шести лет сочетала отличную учебу в гимназии № 10 и занятия в Школе искусств при Белгородском государственном колледже культуры и искусств (БГККИ) на хореографическом и театральном отделениях. Участвовала в областном телевизионном детском конкурсе «Белгородские жемчужинки» с чтецким номером.

В 1998 году поступила в БГККИ на режиссерское отделение (мастер — Нина Павленко), где создавала сценарии практически ко всем мероприятиям, проводимым курсом. Окончила колледж с красным дипломом по специальности «педагог-организатор, руководитель любительского театрального коллектива». С 2001 по 2005 год была неофициальным помощником на курсах мастера Н. Павленко: проводила актерские тренинги, отрабатывала со студентами отдельные эпизоды, хореографические номера, вела организационную и звукооператорскую работу, участвовала в спектаклях театра-студии «Новая сцена».

В 2003 году организовала свою Молодежную театральную студию «Дежа вю», где была руководителем и преподавателем актерского мастерства, сценической речи и движения, основ танца. Аналогичную деятельность вела и в средней школе № 28 Белгорода, работая педагогом дополнительного образования. В 2004 году была приглашена на должность звукорежиссера театра «Новая сцена» Белгородского государственного института культуры и искусств, однако через полгода была вынуждена оставить все вышеперечисленные организации из-за тяжелой болезни.

Врачи за восемнадцать лет (с 1998 года) так и не смогли поставить правильный диагноз и назначить верное лечение. Стремительно ухудшающееся состояние здоровья вынудило меня стать домашней затворницей и искать возможность заработка на дому, поскольку без диагноза пенсию по инвалидности мне никто не назначал. Это и привело к тому, что я стала писать юмористические сценки и мини-пьесы, а также материалы для организаторов культурно-досуговой деятельности и рассылать их в редакции с соответствующей тематикой (на данный момент около тридцати публикаций). Много лет подрабатывала вязанием на заказ, продавая через магазин и Интернет ажурные салфетки и свои дизайнерские модели вязаной одежды.

С 2005 года по настоящее время мои произведения публикуются в журналах «КлуБ», «Чем развлечь гостей», «Театр круглый год», «ПедСовет», «Последний звонок», «Школьные игры и конкурсы», «Читаем, учимся, играем» и др. В 2006 году за первые разработки в данной области получила диплом 3-й степени 3-го Всероссийского конкурса «Организация воспитательного процесса в образовательных учреждениях».

Ольга Дрей

Непризнанные гении

(Сценка)

Рисунок Настасьи Поповой

Действующие лица:

Люцифер — администратор литературного интернет-портала, 44 года.

Астролямблия — амбициозная писательница, 35 лет.

Доминик — главный администратор литературного интернет-портала, 40 лет.

Мужчина — начинающий автор, 47 лет.

Девушка — начинающий драматург, 24 года.

Врачи.

Редактор.

Действие происходит в коридоре редакции литературного журнала.

СЦЕНА 1.

Люцифер и Астролямблия с рукописями в руках ожидают своей очереди в кабинет редактора.

Люцифер. Астролямблия, ты что-то новенькое принесла или о результатах узнать пришла?

Астролямблия. И то и другое. Ты же знаешь, Люцифер, я не могу сидеть сложа руки. А ты?

Люцифер. Пока ждал результаты, решил еще одну мокруху написать.

Астролямблия. Где опять всех изощренно поубивают?

Люцифер. Конечно! Ты еще не представляешь, как коварно их замочат. Там все в подробностях. Слабонервным лучше не читать, особенно на ночь.

Люцифер и Астролямблия смеются.

Астролямблия. Жесть! Люблю такое. Дашь ознакомиться?

Люцифер. Конечно. Зайди на мою страницу на нашем литературном портале, там все уже висит.

Астролямблия. Мрак! Обожаю твою чернуху, Люцифер. Почему ее до сих пор никто не опубликовал? Классная вещь, нетленка! Странные какие-то эти редакторы. Не уважаю!

Люцифер. Я сам, Астролямблия, их не уважаю, даже презираю. Они вообще без мозгов. Я понимаю, всякие там правильные, закомплексованные не хотят. Так я же понес в другие редакции. Вроде нормальные чуваки, конкретные такие, а тоже голову набок воротят, что-то мямлят, что, типа, не подходит. Поубивал бы всех!

Астролямблия *(смеется)*. Люцифер, а ты напиши мокруху с расчлененкой про этих самых редакторов. Еще имена их укажи, чтобы реалистичней было. Будут знать, как нашего брата дискриминировать!

Люцифер. Хорошая идея! А тебя тоже до сих пор нигде не печатают?

Астролямблия. Еще как. *(Иронично.)* Мы с тобой можем хвастаться тем, сколько изданий нас не приняло. Наверное, все рекорды побьем. Жесть!

Люцифер. Вот гады! А в платные сборники ты пробовала? Туда, где авторы сами платят за публикацию.

Астролямблия. Ой, Люцифер, да везде я пробовала. Ни одна сволочь мои шедевры не берет.

Люцифер. Вот именно — сволочи! Мы с тобой им высококлассную литературу предлагаем, а они печатают всяких недоносков: то про цветочки, то про птичек, то про «мальчиков-с-пальчиков» каких-нибудь. Любовь-морковь, нюни всякие разводят.

Астролямблия. Гениев всегда не ценили.

Из кабинета редактора выходит Доминик с пачкой листов.

Люцифер. О, какие люди! Сам Доминик! Ну как? Приняли?

Астролямблия. Ну что? Говори!

Доминик *(машет рукой)*. Этот — такой же упырь, как и все.

Люцифер. Тогда и меня запросто запорет. *(Взволнованно.)* Пойду пытать счастья.

Доминик *(ехидно)*. Удачи!

Люцифер заходит в кабинет редактора.

Астролямблия. Это им — удачи, иначе Люцифер сам их замочит.

Доминик. А это действительно вполне вероятно.

Астролямблия. Почему?

Доминик. Ты думаешь, откуда у Люцифера такие подробности про мокруху? *(Тихо.)* Знаешь, я сам его побаиваюсь. Когда предполагаю, что встречусь с ним, беру с собой газовый баллончик и финку. *(Показывает баллончик и нож.)*

А с т р о л я м б л и я. Вот те раз! Жесть! Чего ты трясешься? Люцифер своих не режет. Ворон ворону глаз не выклюет.

Д о м и н и к. Откуда ты знаешь? Мы с ним — конкуренты. Мало того, что пишем нестандартную чернуху, так еще и вместе администрируем литературный сайт. Это ты ему не соперница, а вот мое место главного админа Люцифер охотно бы занял.

А с т р о л я м б л и я. Точно. *(В сторону.)* А ведь это классный сюжет: админ самого нашумевшего литературного сайта зверски расправился со своим коллегой, чтобы сосредоточить всю власть над пользователями и современной литературой в своих руках. Мрак!

СЦЕНА 2.

Входит Мужчина.

М у ж ч и н а. Добрый день! Могу я узнать, кто тут последний в кабинет редактора?

Д о м и н и к. Начнем с того, что день сегодня явно не добрый, впрочем, как и все остальные. А во-вторых, хотел бы я для начала проверить, не какой-нибудь ли пустышкой вы собрались отнимать драгоценное время у редактора?

М у ж ч и н а. А вы тоже редактор? Или литературный обозреватель?

Д о м и н и к. Какой там обозреватель! Я не только главный редактор, я вообще владелец крупного литературного интернет-ресурса.

М у ж ч и н а. Простите, вы не Скороходов, случаем?

Д о м и н и к *(презрительно)*. Какой еще Скороходов?

М у ж ч и н а. Я думал, вы его знаете. Это же самый уважаемый...

Д о м и н и к *(перебивает)*. Послушайте, неуважаемый! С неуважением вам сообщаю, что самый крутой владелец интернет-портала — это я, и кто там еще копошится на этом поприще, мне дела нет. Ваш Скоморохов, или как его, наверняка всякую ширпотребную дрянь строчит.

М у ж ч и н а *(оскорбившись)*. Напрасно вы так! Скороходов — он... *(Показывает пальцем вверх.)*

Д о м и н и к *(пренебрежительно)*. Кончайте свой словарный понос. Что там у вас? *(Вырывает у Мужчины рукопись, читает ее.)* Черт, какая гадость! Это же просто ужасно. Как у вас вообще получается писать подобную дрянь?

М у ж ч и н а. Вы полагаете, не возьмут? Я и сам-то не уверен.

Д о м и н и к. Ясен пень — не возьмут. Можете сразу домой чесать.

А с т р о л я м б л и я. Про что там?

Д о м и н и к. Да опять все эти «лютики-цветочки у меня в садочке».

А с т р о л я м б л и я. Фу, какая пошлость! Не стыдно было такую мерзость сюда тащить?

Д о м и н и к. Вот и я говорю: не позорьтесь, а идите-ка домой, пока не стали всеобщим посмешищем. Это я вам, заметьте, по-дружески.

М у ж ч и н а *(расстроенно)*. Я так и знал. *(Вздыхает.)* Пойду более тщательно учиться искусству пера.

А с т р о л я м б л и я. Не тщательно, а тщетно.

М у ж ч и н а. Простите, не понял?

Д о м и н и к. Смысла нет! Бросьте это дело. Не ваше оно, не ваше!

М у ж ч и н а *(обреченно забирает у Доминика рукопись)*. А друзья сказали, что хорошо написано. Они-то и посоветовали отнести в какую-нибудь редакцию. Я сам бы не решился.

А с т р о л я м б л и я. Друзья всегда так говорят, вы их не слушайте. Если хотите получить полноценную и высококачественную рецензию, регистрируйтесь на нашем сайте. Мы с ребятами вам быстро и доходчиво все разъясним.

М у ж ч и н а. А что за сайт?

Д о м и н и к *(протягивает визитку)*. Вот. Я там главный администратор. Через мои руки, а точнее глаза, в первую очередь пройдут все ваши ужасные творенья.

М у ж ч и н а. Почему «все ужасные»? Вы ведь ничего другого у меня не читали.

А с т р о л я м б л и я *(презрительно)*. Что там читать?

Д о м и н и к. Они у всех ужасные. Вот разве только у второго админа Люцифера и у Астролямблии.

М у ж ч и н а *(Доминику)*. Простите, а как вас зовут?

Д о м и н и к *(гордо)*. Доминик.

М у ж ч и н а. Это имя или фамилия?

Д о м и н и к *(презрительно)*. Отчество.

А с т р о л я м б л и я. Ник это.

М у ж ч и н а. Астролямблия — тоже ник?

А с т р о л я м б л и я *(презрительно)*. Естественно.

М у ж ч и н а. Я думал, вы под реальными именами публикуетесь, раз вы известные авторы.

Д о м и н и к. Еще чего! Стану я свое имя для презренных юзеров открывать.

М у ж ч и н а. Простите, для кого?

А с т р о л я м б л и я *(Мужчине)*. Для чего вы вообще в большую литературу рветесь, если последних веяний не разумеете?

М у ж ч и н а. Куда мне в большую! А я настоящим именем и фамилией подписываюсь.

А с т р о л я м б л и я. Так то — вы. Что вам терять-то? С вас взятки гладки.

М у ж ч и н а. Я, кажется, где-то слышал про Доминика…

Д о м и н и к. Значит, не совсем отстали от жизни.

А с т р о л я м б л и я. Все-таки знает страна своих героев.

Д о м и н и к. И гениев!

М у ж ч и н а. Вспомнил! Певец такой есть!

А с т р о л я м б л и я *(презрительно)*. М-да…

Д о м и н и к. Нашел с кем сравнить. Кто я и кто он?

А с т р о л я м б л и я *(Мужчине)*. Вы бы еще что-нибудь этакое сморозили.

М у ж ч и н а. Ладно, пойду я.

А с т р о л я м б л и я. Заходите к нам на сайт. Это самый дружественный сетевой ресурс во всем Интернете.

М у ж ч и н а. Куда мне! Я же плохо пишу.

Д о м и н и к. Плохо-то оно, конечно, плохо, а в целом — ничего. Даже есть интересные моменты.

М у ж ч и н а. Правда? А где?

Д о м и н и к. Да много где. Я бы даже сказал, что почти везде неплохо, удачные находки есть. Для нашего сайта вполне подойдет. Бывает и хуже.

М у ж ч и н а. Действительно у меня есть что-то хорошее?

Д о м и н и к *(в сторону, завистливо)*. Пожалуй, даже чересчур много. *(Выпроваживает Мужчину.)* Но вы идите, идите. *(В сторону.)* А то, ненароком, в кабинет редактора ринется.

М у ж ч и н а *(жмет Доминику руку)*. Спасибо большое! Вы меня обнадежили. До свидания! Всего вам хорошего! *(Уходит.)*

Д о м и н и к. И тебе… больше не появляться ни в одной редакции!

Из кабинета редактора выходит злой Люцифер.

А с т р о л я м б л и я *(Люциферу)*. Что? И этот запорол?

Л ю ц и ф е р *(зловеще)*. Я его запомнил. И визитку его с телефоном прихватил. Пусть помучается теперь от страшных ночных звонков. Я-то хорошо знаю, как это делается, — уже нескольких таких умников в дурдом упек.

А с т р о л я м б л и я *(восторженно хлопает в ладоши)*. Мрак! Как же я люблю тебя, Люцифер! *(Обнимает его.)* Напиши об этом, вот конгениальный сюжет будет. Жесть! Премию на каком-нибудь литературном конкурсе точно возьмешь.

Л ю ц и ф е р. Не к этим упырям надо за премиями ходить. Они как прочтут мои нетленки, так сразу трясутся и звонят женам: «Срочно увези детей к бабушке! Мало ли что».

А с т р о л я м б л и я. Сморчки трусливые! Никогда не понимала их. Но мы прорвемся через все тернии навстречу славе и обязательно найдем своего редактора и премии.

Д о м и н и к. Ребята, мы давно уже переплюнули все это, ведь мы — владельцы крупнейшего литературного портала. Мы сами уже давно гиганты пера, эти редакторы просто не доросли до нашего уровня. Зачем нам всякая канитель в среде презренных смертных?

А с т р о л я м б л и я. Доминик, ты, как всегда, прав. Для чего нам зря нервы портить, расстраиваясь из-за душевнобольных? Правильно, что Люцифер отправил их в дурдом. Туда им самая дорога! Всех остальных тоже пора. Давай, Люцифер, действуй! Отомсти за страдания непризнанных гениев. Ладно, я пошла. *(Люциферу.)* Если и этот отклонит, ты знаешь что делать.

Астролямблия чешет Люцифера за ухом, тот рычит, как злобная собака, раздувая ноздри и готовясь к нападению на обидчиков.

Д о м и н и к. Удачи!

А с т р о л я м б л и я. Это им — удачи, чтоб их Люцифер не замочил. Они не пройдут! *(Входит в кабинет редактора.)*

Доминик держится поодаль от Люцифера, потом достает газовый баллончик.

Д о м и н и к *(в сторону)*. На всякий случай. Так спокойнее.

СЦЕНА 3.

Входит Девушка.

Д е в у ш к а. Здравствуйте! А кто сюда последний?

Л ю ц и ф е р *(резко)*. Здесь последних нет! *(Доминику.)* Еще одну принесло. Как я их ненавижу!

Девушка молчит в растерянности.

Д о м и н и к *(Девушке)*. Ну, давайте, давайте сюда свое творение!

Девушка протягивает рукопись.

Д о м и н и к. А что так мало?

Д е в у ш к а. Так сценки же… Или тут такое не принимают? Может, здесь сценки не берут и нет смысла приносить?

Л ю ц и ф е р. Ну, мы же не можем запретить вам сюда ходить.

Д о м и н и к *(пробегает текст глазами)*. Фу, какая дрянь! Я думал, тут повесть или хотя бы любовный роман. Вы же, дамочки, любите о любви строчить. Ну?

Д е в у ш к а *(удивленно)*. Что?

Д о м и н и к. Ну, доставайте ваш роман, доставайте. Я же вижу, он у вас в папке лежит.

Д е в у ш к а. Это не роман. Я их вообще не пишу.

Д о м и н и к. Быть не может! Молодая, а уже так врет.

Д е в у ш к а *(оскорбленно)*. Я не вру.

Л ю ц и ф е р. Еще и хамит.

Д е в у ш к а. Отдайте! *(Пытается забрать рукопись. Доминик передает ее Люциферу, тот читает.)*

Л ю ц и ф е р *(презрительно)*. В мои времена юмор был иным. *(Доминику)*. Дрянь?

Д о м и н и к. Отменная. Яйца выеденного не стоит. Девушка, вы зря потратили деньги на маршрутку. Если не хотите стать посмешищем и объектом для пародий, такую гадость никому не надо показывать, а еще лучше — ее порвать.

Л ю ц и ф е р. Самое лучшее — вообще не писать и даже не порываться.

Д е в у ш к а *(расстроенно)*. Я не знаю, что здесь берут, но я принесла сценки потому, что их уже несколько раз публиковали. Я подумала, если их печатают, значит, они не такие уж плохие.

Л ю ц и ф е р и Д о м и н и к *(вместе)*. Что-о-о? Эту гадость кто-то опубликовал?

Д е в у ш к а. Может, вы перестанете оскорблять меня и мои сценки?

Д о м и н и к. Послушайте, неуважаемая! С очень большим неуважением и даже презрением к вам сообщаем, что вы наваяли до невероятности мерзкое фуфло, и как вам удалось его куда-то пропихнуть, я и представить не могу.

Л ю ц и ф е р. Сколько тысяч вы, своеобразная дамочка, отвалили типографии за енту нетленку? *(Презрительно вертит рукопись Девушки.)*

Д е в у ш к а. Ничего я никуда не платила. Наоборот, это мне гонорары платят.

Д о м и н и к *(давится от смеха)*. Это кто же у нас такой убогий? Назовите хоть одну редакцию.

Д е в у ш к а. Меня публикуют в разных журналах культурно-досуговой направленности и в изданиях для учителей.

Д о м и н и к *(хохочет)*. Ой, держите меня! *(Передразнивает.)* Ее публикуют! Какими мы важными словами выражаемся. А вы в курсе, неуважаемая дрянописательница, что вы не раскрыли всю глубину образов персонажей. Их характеры нам не понятны, они не развиваются в процессе действия. Вот возьмем хотя бы самую маленькую вашу сценку, чтоб не морочиться. Где подробное описание места происходящего? Почему не расписано, какие обои в квартире, где стоят шкафы, чем пол застелен, висят ли картины на стенах? День там, вечер или утро? Бред! Идите перерабатывайте.

Д е в у ш к а. Но это же маленькая сценка. К ней нет таких требований жанра. Я же не большое произведение пишу.

Л ю ц и ф е р. Дамочка, мы здесь не тупые. Видим, что это не роман Достоевского. К сценке вашей недоделанной и предъявляем соответствующие ей требования. Где метафоры, гиперболы, символизм, абстракция, в конце концов?

Д е в у ш к а. Зачем здесь это? У меня юмористическая миниатюра.

Д о м и н и к. Ну вот, смотрим дальше. Почему нигде, ни в одной сценке, не написано, кто во что одет? Что у них на ногах? Туфли? Кроссовки?

Л ю ц и ф е р. Босиком? Почему вы, дамочка, опускаете столь немаловажную деталь? А на голове что?

Д о м и н и к. Волосы у героев какого цвета?

Л ю ц и ф е р. Или они вообще лысые и в татуировках?

Д е в у ш к а. Кто? Дети?

Д о м и н и к. Где у вас текст описательного характера? Почему даже преамбулы нет?

Л ю ц и ф е р. Как? Даже преамбулу не удосужилась написать? Это вообще!

Д е в у ш к а. А что это?

Доминик и Люцифер визгливо взвывают.

Л ю ц и ф е р. Ой, позор! С грязной шеей да в светлое искусство!

Д о м и н и к. Дама, вы зачем со свиным рылом в калачный ряд пожаловали?

Д е в у ш к а. Возможно, моя сценка нехороша, но вы можете перестать меня оскорблять?

Л ю ц и ф е р. Не можем. Уж что заслужили, то заслужили.

Д о м и н и к. Мы вас, как раз таки еще не оскорбляем, а очень вежливо беседуем. Но, судя по вашему гонору, вы нарветесь на более резкий диалог.

Л ю ц и ф е р. Тем более было бы из-за чего. Я совершенно не вижу здесь пространной экспозиции. Где развернутая фабула, синопсис? Почему нет акцентировок? Надо дописать, во что одеты ваши персонажи, какие у них глаза, брови, зубы, в конце концов. Может, они хромают или шепелявят. Есть ли у них грязь под ногтями? Как можно опускать такие подробности?

Д е в у ш к а. Я не училась в литературном институте, многого не знаю, но когда мы в колледже на театральном отделении изучали режиссуру малых форм и эстрадные жанры, подобных требований там и близко не было. Зачем в сценках писать о цвете глаз и форме ногтей? Вы, наверное, не имеете понятия о жанрах драматургии. Вы учились в каком-нибудь театральном учебном заведении?

Д о м и н и к. Послушайте, скудоумная девушка...

Д е в у ш к а. А в литературном институте?

Л ю ц и ф е р. Какая разница?

Д е в у ш к а. Вы так уверенно предъявляете требования к маленькой сценке, которых там и близко быть не может, значит, вы совсем не разбираетесь в драматургических жанрах.

Д о м и н и к *(сердито)*. Для того, чтобы гениально писать, не нужно соответствующего образования.

Из кабинета редактора выходит Астролямблия.

А с т р о л я м б л и я. Черт! *(В сторону кабинета.)* Чтоб ты сдох! Чтоб тебя Люцифер заживо загрыз! Мы устроим тебе Варфоломеевскую ночь. *(Доминику.)* Что тут у вас?

Д о м и н и к. Тут одна чокнутая графоманка так гордится своей тупорылой сценкой, что сейчас пар из ушей повалит.

А с т р о л я м б л и я. Дайте-ка почитать. *(Берет рукопись, читает.)*

Д е в у ш к а. Перестаньте меня оскорблять. Порядочные люди даже на очень глупых и бездарных авторов не бросаются с грязной руганью.

Д о м и н и к. А вы хотите, чтобы мы ваш «шедевр» расхваливали и лбом об пол бились? *(Астролямблии.)* Представляешь, этой... гм... за сию гадость какие-то скудоумные недоноски гонорары платят.

А с т р о л я м б л и я. Не может быть!

Л ю ц и ф е р. Вот и я о том же.

Д о м и н и к. Говорит, несколько раз публиковали.

А с т р о л я м б л и я. Только идиоты могли такое напечатать для каких-нибудь полудурков. Послушайте, девушка, ценность произведения определяется не суммой гонорара и не тиражом издания.

Д е в у ш к а. При чем здесь это? Когда меня вообще тираж интересовал?

Д о м и н и к. А кого он не интересует?

Д е в у ш к а. И я не говорила, что мои сценки какие-нибудь особенно ценные.

Л ю ц и ф е р. Говорила — не говорила: все считают свои творения шедеврами.

А с т р о л я м б л и я. Гениальными шедеврами.

Д о м и н и к. Да ну, что там! Конгениальными!

Д е в у ш к а. Я вообще никогда не считала свои произведения шедеврами.

Д о м и н и к. Ну вот! Опять нагло врет в глаза.

А с т р о л я м б л и я. Девушка, да ваше фуфло вообще произведением считать нельзя. Не пишите больше! А то возомнили себя выдающейся писательницей, придумали нелепую цель жизни.

Д е в у ш к а. Я и не писала б никогда...

Л ю ц и ф е р *(перебивает)*. Ну а зачем ручки-то мараете? Пусть вам их лучше женихи целуют.

Астролямблия, Люцифер и Доминик хохочут.

Д е в у ш к а. Не писала бы никогда, если б не пришлось таким образом зарабатывать.

Астролямблия, Люцифер и Доминик замирают в шоке.

Д о м и н и к. Не, ну ты смотри, что она лепечет.

А с т р о л я м б л и я. Доминик, веришь, я сдерживалась как могла, но она нарывается.

Л ю ц и ф е р *(рычит, раздувая ноздри)*. Да я ее сейчас! *(Шарит по карманам.)* Жаль, кислоты не захватил.

А с т р о л я м б л и я. Писать бы научилась сначала, а потом бы хвасталась своим безобразием перед мэтрами.

Д е в у ш к а. Я не хвастаюсь.

Д о м и н и к. Тебе за вранье язык отрежут.

Д е в у ш к а. Почему вы предъявляете абсурдные требования к жанру миниатюрной сценки? Кто-то из вас имеет литературное образование, какие-то награды в этой области, изданные произведения? Я хочу знать, а судьи кто?

А с т р о л я м б л и я. Девушка, при чем здесь литературное образование? Да будет вам известно, не у всех великих и гениальных авторов есть изданные книги, а тем более соответствующее образование. Ваши публикации еще ничего не значат.

Д о м и н и к. Они не решают судьбу мировой литературы.

Д е в у ш к а. Когда я собиралась ее решать?

Д о м и н и к. А вам никто и не позволит. Теперь решаем ее мы.

А с т р о л я м б л и я. Мы исправляем несправедливое отношение продажных цензоров, блокирующих настоящие творения. Думаете, почему он взял ник Доминик? Потому что доминирует надо всем барахлом, попадающим на страницы нашего литературного портала, и направляет весь этот хаос в нужное русло. Кому зеленый свет, а кому — не суйся не в свое дело.

Л ю ц и ф е р. А «Астролямблия» знаете что такое?

Д е в у ш к а *(растерянно)*. Я знаю только, что лямблии — это паразиты, живущие в печени. Но как они у вас со звездами связаны, я не в курсе.

Л ю ц и ф е р. Убогая! Хоть бы думала, что ты несешь! Астролямблия — это великий и могущественный живой организм, обитающий на самой яркой звезде нашей галактики. Да что я распинаюсь перед невеждами?

Д о м и н и к *(Девушке)*. Вашу глупую сценку я бы ни в жизнь не пропустил. И не умоляйте.

Д е в у ш к а. А когда я к вам просилась?

Л ю ц и ф е р. Хамка!

Д о м и н и к. Вот что у вас за сюжет? Мамаша болеет, а дети беснуются и требуют жрать. Где вы такое видели? Откуда выдрали вообще? Такого бреда в жизни не бывает.

Д е в у ш к а. Еще как бывает.

Л ю ц и ф е р. Ну, наглая!

Д о м и н и к. Идем далее. Дети совсем обнаглели, и что? В чем фишка? Вот если бы они так довели свою мамашу, чтобы она в финале умерла, тогда ваша сценка действительно бы что-то значила.

Л ю ц и ф е р. Присоединяюсь: мать надо убить. Туда ей и дорога!

Д е в у ш к а *(в шоке)*. Вы что? У меня же веселая сценка для детей.

А с т р о л я м б л и я. Не понимаю, отчего вы упираетесь? Я сама принадлежу к почетной гильдии матерей и настаиваю на том, что мамаша должна быть по крайней мере убита. Это хоть как-то скрасит ваш блеклый этюд, и тогда он уже сможет называться произведением.

Д о м и н и к и Л ю ц и ф е р *(скандируют)*. Убить мать, убить мать!

А с т р о л я м б л и я. Не упирайтесь, убивайте. Девушка, вы не понимаете своей выгоды. Мы тогда сразу опубликуем сценку на нашем сайте.

Д о м и н и к. Что вы ломаетесь, как пряник? *(Отдает Девушке рукопись.)* Идите уже, позорьтесь.

Д е в у ш к а. За что вы так ненавидите своих матерей, что готовы убивать их даже в праздничной детской сценке? *(Принимает таблетку и, держась за сердце, уходит в кабинет редактора.)*

Д о м и н и к. Ты посмотри, какая правильная! Еще морали нам будет читать. Матерей... Мы всех ненавидим, а не только своих матерей.

А с т р о л я м б л и я. Не переживай из-за сумасшедшей! Ты же знаешь, что лучше твоей последней повести нет ничего в современной литературе. Какую драму ты развил, как здорово написал про наркомана, захлебнувшегося под унитазом!

Д о м и н и к *(гордо)*. Захлебнулся в содержимом своего желудка, не забудь!

А с т р о л я м б л и я *(восторженно)*. Я помню. Ты так достоверно передал его предсмертные конвульсии. Читаю и наслаждаюсь. Жесть!

Л ю ц и ф е р *(грозно)*. Разве я хуже пишу?

А с т р о л я м б л и я. О нет, милый! Твоя расчленёнка с потоками смердящей крови доводит меня до экстатической дрожи. Ребята, ваша проза просветляет нашу скудную серую жизнь.

Д о м и н и к. Астролямблия, ты тоже — молодец. Постепенно перенимаешь нашу манеру.

А с т р о л я м б л и я *(скромно)*. Ну, я немного из другой оперы. Моя стезя — эзотерика: муки ада, яростное садистское выдирание перьев из ангелов, голодные вурдалаки, вылезающие из сырых склепов.

Д о м и н и к. Вот бы в этом поучаствовать!

А с т р о л я м б л и я. Ты правда хочешь? Приходи в полнолуние на наш шабаш на старом кладбище.

Д о м и н и к *(указывая на Люцифера, шепотом)*. Только этого брать не будем. Вдруг на него луна плохо действует?

А с т р о л я м б л и я. А может, возьмем? Потом классный сюжет будет.

Д о м и н и к. Если он нас грохнет, то как мы потом на том свете этот сюжет запишем?

А с т р о л я м б л и я. Ничего! Внедримся в тело кого-нибудь живого и будем ему нашептывать.

Д о м и н и к. А его потом в дурдом отвезут, и станет он всем рассказывать, что в него вселилась душа великой писательницы Астролямблии.

СЦЕНА 4.

Входят врачи скорой помощи с носилками.

В р а ч. Где тут кабинет редактора?

А с т р о л я м б л и я. Там. А что случилось?

Врачи входят в кабинет.

Л ю ц и ф е р. О! Могущественные Силы отомстили за наши страданья. Этот гад все-таки отбросил коньки. Есть справедливость на свете.

Д о м и н и к. А может, упырь их отбросил из-за той дурочки? Она своей дебильной сценкой даже меня довела до нервного приступа.

А с т р о л я м б л и я. Точно-точно! Еще небось и спорила с ним.

Д о м и н и к. А вдруг вурдалак ухохотался над ее бездарностью и у него сердце прихватило?

Л ю ц и ф е р. В любом случае, справедливость восторжествовала. И главреда-зловреда судьба покарала, и эту юную выскочку после подобного эксцесса здесь уже печатать не будут.

Из кабинета выходят врачи, несущие на носилках Девушку.

Л ю ц и ф е р. Я не понял, что за прикол? *(Врачам.)* Вы что, издеваетесь?

А с т р о л я м б л и я. Облом. Судьба не того свалила, но этой тоже не помешает.

Д о м и н и к. Так ей и надо! Не будет на старших и маститых варежку разевать.

А с т р о л я м б л и я. Правильно-правильно. Хоть редактор ее отбрил, а то пришла вся такая, с гонором. *(Презрительно.)* Мрак!

Д о м и н и к. С апломбом.

Люцифер. Со своим особым мнением... Никому не нужным.

Астролямблия. Еще хвастается, что ее какие-то недоумки напечатали.

Доминик. Пусть они все провалятся в преисподнюю: и редакторы, которые ее публиковали, и читатели этих отмороженных журналов, и все ее персонажи, и она сама.

Астролямблия. В добрый час будет сказано.

Люцифер. Могущественными Силами услышано!

Доминик *(Девушке)*. Нечего больным и немощным лезть в серьезное искусство! Получили свое? Впредь будете знать.

Астролямблия. Здесь хилым и убогим не место.

Из кабинета выбегает Редактор с договорами.

Редактор *(врачам)*. Стойте, стойте! Подождите!

Врач. Чего ждать? Тут девушку до сердечного приступа довели, надо срочно везти.

Редактор. Одну минуточку! Тут только расписаться. *(Подает Девушке договоры и ручку.)* Пожалуйста, вот здесь и здесь. Один экземпляр вам *(отдает договор)*, а этот у нас останется. Очень смешная сценка про заболевшую маму и, главное, актуальная. В следующем номере опубликуем, остальные — посмотрим. Выздоравливайте поскорее и приносите новые сценки. А из-за всяких завистников не расстраивайтесь. Они только и умеют, что людей с ума сводить. До скорого свидания!

Девушка. До свидания, если жива останусь.

Врачи уносят Девушку на носилках, Редактор возвращается в свой кабинет.

Астролямблия *(вслед врачам)*. Чтоб вы там ее на лестнице уронили! Чтоб у вас машина заглохла и капельница сломалась!

Доминик. Чтоб вам носить — не переносить всяких покойников, если вы эту мерзавку спасете! *(Грозит кулаком в сторону кабинета редактора.)* А тебе, упырю, я еще покажу!

Астролямблия *(в сторону кабинета редактора)*. Мы на шабаше лучшую ведьму найдем, и она наколдует тебе страшные муки на всю оставшуюся жизнь. Будешь нас помнить!

Люцифер. Надежней — киллера заказать. Давайте скинемся! Да что мелочиться, я сам его сейчас замочу. *(Решительно идет к кабинету редактора, достает нож.)*

Астролямблия. Эй, стой! Подожди, тут камеры небось понатыканы!

Люцифер. Плевать я хотел!

Астролямблия *(Доминику)*. Останови его, а то нас всех посадят за соучастие!

Доминик догоняет Люцифера, пытается остановить его, затем пшикает ему в лицо из газового баллончика. Люцифер падает без сознания.

Доминик. Ну вот и пригодился. Не зря носил.

Астролямблия. Фух, слава богу! Из-за этой дурацкой девчонки Люцифер нас чуть за решетку не упек.

Доминик и Астролямблия с трудом тащат Люцифера к выходу.

Доминик. Было бы из-за чего, а то из-за какой-то скудоумной. Все-таки добилась, ведьма. Правильно говорят, что бездарности пробьются сами.

Астролямблия. Ты, как всегда, прав. Еще и нас завистниками обозвали. Нас, акул пера! Да им всем у нас учиться и учиться!

Доминик. Настоящие гении всегда не признаны и обречены на вечные муки и преграды. И лишь после смерти их начинают ценить благодарные потомки.

Астролямблия. Может, и мы лет через сто, наконец, получим признание?

Доминик. Конечно, получим, не сомневайся. Читатель поумнеет к тому времени, научится отличать зерна от плевел...

Астролямблия. И наши имена зазвучат на весь мир!

Звучит торжественная музыка.

Голос диктора. Внимание, внимание! Работают все радиоточки страны. Прослушайте, пожалуйста, новый указ президента Российской Федерации. Отныне улицы Пушкина во всех городах и поселках должны быть переименованы в улицы писательницы Астролямблии, а улицы Лермонтова — в улицы Доминика-чернушника. Не путать ни с какими другими Домиониками! Улицы Гоголя местные власти городов могут переименовать в улицы мокрушника Люцифера по собственному усмотрению.

Астролямблия *(блаженно улыбаясь)*. Вот она, справедливость! За нее и умереть не страшно.

Доминик и Астролямблия утаскивают Люцифера за кулисы.

Финал

Добрый день, уважаемая редакция. В 1976–1977 гг., когда я учился в школе, мы выписывали газету «Пионерская правда», и вот в чем дело — в нескольких номерах этой газеты была опубликована повесть Светланы Касымкуловой «Яната». Я не буду говорить, хорошая или плохая была эта повесть, но мы тогда были детьми, и нам она очень понравилась.

Суть дела в другом: в 1979–1980 гг. мне в руки попался один из номеров «Юности» за этот период, и я с удивлением наткнулся на эту же повесть, только название у нее было совсем другое, герои носили другие имена и автор был другой. Как она конкретно называлась, не помню и автора не помню, помню только, что по-другому, а так весь сюжет повторялся до мельчайших деталей.

Хотелось бы узнать, кто автор, как называлась эта повесть и кто у кого конкретно спер ее.

С уважением, Александр Ляшенко

Галка ГАЛКИНА:

Александр, так иногда бывает. Явление это называется — дежавю! Осталось вспомнить название и автора. А то получается, как у Чехова в «Жалобной книге»:

«Кто писал не знаю, а я дурак читаю».

Текст «Янаты» мы нашли.

Конечно, деревня, бабушкин сад, душистый липовый мед и стремительная речка — вещи приятные, что и говорить! По крайней мере, приятнее, чем невыносимый голос председателя пионерского отряда Ирки Мухиной, которая вот уже, наверное, целый час бубнит о металлоломе и макулатуре. Я вздохнул и снова погрузился в сладкие думы.

И мы тоже погрузились в сладкие думы о том, что если повесть Вам понравилась, то, стало быть, она хорошая.

Ведь плохое воровать не будут.

Хотя воровать и нехорошо. Даже хорошее. Да и плохое тоже. Вообще воровать плохо.

Да здравствует Светлана Касымкулова!

Проказник Гео, человек-критик

СМЫСЛОВ СМЫСЛОВ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Проказник Гео уже пытался влезть в литературу под именем Рутко (он же Рудко) — Рутковский (возможно, Рудковский). Совмещает в себе черты, выявленные в литературной традиции советской критикой, а именно Солженицына, Бродского и некоторых безвестных литераторов, одновременно являясь литературным власовцем, литературным трутнем и литературным пигмеем. Пастернака он по-прежнему не читал, но по-прежнему осуждает. Иные признаки биографии практически отсутствуют или слишком туманны. Ясно лишь одно: до берегов Туманного Альбиона Гео уже не доехал, а до Колымского края не доехал пока. На этом пока и остановимся.

Проказник Гео, человек-критик

Борис Пастернак. Быков Дмитрий Львович

Величие и непоколебимый авторитет Дмитрия Львовича таковы, что и я не сразу осознал случившееся. В поисках его книжки зашел я на сайт и понял: Быков канонизирован. И кем? Пастернаком. И это правильно. Сначала Дмитрий Львович написал в ЖЗЛ книжку про Пастернака, а потом Пастернак в знак благодарности написал про Быкова.

Хотя вот в этой книге все же речь идет почему-то о Пастернаке.

Пастернак был для русского читателя таким же гармоничным единством противоположностей, каким была его дача — вроде как «имение» (шведский король в личном письме к Хрущеву просил не отбирать у Пастернака «поместье»), а в действительности двухэтажный деревянный дом на государственном участке. Для миллионов советских читателей Пастернак — дачный поэт: на дачах по-пастернаковски топили печи, жгли сухие сучья, вспоминая «языческие алтари на пире плодородья», ходили по грибы, заводили романы, а по ночам, под шум дождя, шептали на ухо возлюбленным: «На даче спят. В саду, до пят подветренном, кипят лохмотья...»

Книга хороша хотя бы тем, что Дмитрий Львович вывел, если можно так выразиться, формулу Пастернака. Или, если позволите, рецепт: «дачный поэт».

Хорошая и простая классификация. Дачный, потому что жил на даче. А если у поэта, предположим, не было дачи, то его можно назвать — «не дачный». Причем чем больше дача, тем поэт крупнее.

Размер имеет значение!

• • • • • • • • • • •

PHOTOSTOP

© Фото Евгения САФРОНОВА